

ТАЙНА

Воробьевыхъ Горъ.

ПОВѢСТЬ

А. М. Пазухина.

ИЗДАНИЕ И. А. МОРОЗОВА.

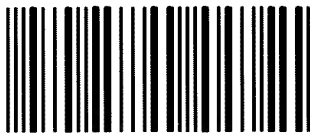
МОСКВА.

Типо-Литографія Мусинъ-Пушкина, Никитина и Бончъ-Бруевича.

Кузнецкій мостъ, домъ князя Голицына.

1898.

Печатано на основаніи ст. 6-й Устава о цензурѣ и печати т. XIV
Св. Закон. изд. 1890 г.

2007054471

Тайна Воробьевыхъ горъ.

I.

Въ жарко натопленной комнатѣ большого купеческаго дома, расположеннаго на Пятницкой улицѣ и занимаемаго семействомъ самого владельца этого дома, кожевеннаго торговца Павла Евлампіевича Щипцова, на большомъ, накрытомъ цвѣтной скатертью, столѣ кипѣлъ ведерный самоваръ, испуская густыя струи пара и наполняя комнату запахомъ горящихъ углей.

Вокругъ стола сидѣло все семейство Павла Евлампіевича, и недоставало только старшаго сына его, Михаила Павловича, который отправлялъ большую партію товара на желѣзную дорогу и на зовъ посланнаго за нимъ прикащика, сказалъ, что будетъ черезъ полчаса.

Самъ Павелъ Евлампіевичъ сидѣлъ на концѣ стола, и распахнувши широкій халатъ, сшитый изъ темной шерстяной матеріи, читалъ какую-то толстую, переплетенную въ прочный кожаный переплетъ, книгу, отрываясь отъ нея, чтобы выпить чашку чаю, наливаемую ему полною, хорошо еще сохранившейся, несмотря на пятьдесятъ пять лѣтъ, женой.

Павелъ Евлампіевичъ былъ годами пятью старше жены, но сохранился еще лучше ея. Кажется, года были безсильны передъ его мощной широкостной фигурой. Безъ малаго двѣнадцати вершковъ росту, Щипцовъ былъ очень широкъ въ плечахъ, грудастъ и плотенъ; могучая шея съ толстыми жилами поддерживала крупную, красивую, гордо поставленную голову, сплошь поросшую густыми волосами, когда-то темно-русыми, а теперь сѣдыми, но все еще вьющимися въ кольца; характерный лобъ съ вертикальной глубокой морщиной, нахмурился надъ бойкими, то насмѣшливыми, то грозными глазами; довольно большой носъ, съ горбинкой посрединѣ, обличалъ своимъ краснымъ цвѣтомъ пристрастіе старика къ крѣпкимъ напиткамъ, а крупныя мясистыя губы доказывали страстную натуру; но эти губы умѣли плотно сжиматься и казались тогда тонкими, сухими, способными не на поцѣлуи, не на нѣжный шепотъ любовныхъ рѣчей, а только на крѣпкое, грозное, не знающее возраженій слово; только такія слова и слышали окружающіе Павла Евлампіевича.

Рядомъ съ Василисой Степановной, женой Щипцова, сидѣла ихъ дочь, дѣвушка, лѣтъ 18, полненькая блондиночка, съ хорошенькими голубыми глазами, но точно испуганными, точно вѣчно тревожными; дѣвушка была похожа на мать, только линіи красиваго лица были мягче, очертанія стана не такъ угловаты, да молодая, избалованная пуховиками, воспитанная обильной пищей, кожа—нѣжнѣе.

Звали дѣвушку Анютой. По эту-же сторону стола, поближе къ отцу, сидѣлъ молоденькій сынъ Павла Евлампіевича, Иванъ Павлычъ, болѣзненный задумчи-

вый молодой человекъ, тоже похожій на мать, но безъ ея обилія мяса и жира.

Иванъ Павловичъ пилъ чашку за чашкой, изрѣдко вздыхая и бросая сердитые взгляды на сестру, которая, украдкой отъ отца, шалила и, то толкала брата подъ локоть, то кидала маленькіе хлѣбные шарики въ сидѣвшую на противоположномъ концѣ стола старушку-бабушку, пьющую чай съ медомъ и укоризненно качающую головой на шалости внуки.

Тишина въ комнатѣ прерывалась только стуканьемъ маятника большихъ стѣнныхъ часовъ, урчаньемъ самовара, да осторожнымъ стуканьемъ чайной посуды.

Когда молчалъ Павелъ Евлампіевичъ, молчали и всѣ.

Въ оклеенной недорогими темными обоями и украшенной большой иконой въ углу и старинными запыльными картинами духовнаго содержанія по стѣнамъ комнатѣ былъ полумракъ; только одна свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ освѣщала эту комнату.

Павелъ Евлампіевичъ поднялъ голову отъ книги и оглянулъ столъ, заставленный посудой, тарелками съ баранками и домашнимъ хлѣбомъ и блюдечками съ вареньемъ.

— А гдѣ мои сливки кипяченые?—спросилъ онъ.

Анюта вспыхнула и чуть не уронила чашки съ чаемъ.

— Ахъ, виновата, папаша, забыла-съ... Я сію секунду,—проговорила она, подымаясь со стула и опуская глаза передъ взглядомъ отца.

— Забыла?.. А развѣ приказы отца забываютъ?.. Вѣдь я тебѣ наказывалъ, чтобъ сливки всегда передъ мной стояли?.. Вѣдь говорилъ я тебѣ, а?—не спуская глазъ съ дочери, заговорилъ старикъ.

— Виновата-съ,—прошептала Анята.

— Виноватыхъ быють!.. Оттого ты и забыла, што я тебя драть забылъ!.. Вотъ я, замѣсто сливокъ-то, прикажу тебѣ плеть принести, да и напому тебѣ!.. Такъ напому, што въ другой разъ не забудешь, да!.. Поѣсть, попить забудешь, а приказъ мой не забудешь!.. Пошла, принеси!..

— Сливки... или... или плеть? едва сдерживая слезы, спросила дѣвушка.

По лицу Павла Евлампіевича скользнула чуть замѣтная улыбка.

— Сливки, а плеть пока въ умѣ держи,—сказалъ онъ и по уходѣ дочери обратился къ женѣ.—Ты только спишь, а о дѣтяхъ у тебя заботы нѣтъ; дочка душой растеть, а Михайло до десяти часовъ вечера дома не бываетъ, когда меня нѣтъ... Гдѣ у тебя башка-то.

— Стараюсь, кажется, Павелъ Евлампіевичъ, да силъ моихъ не хватаетъ!—жалобнымъ тономъ заговорила Василиса Степановна.—Анну третьяго дня шелковымъ поясомъ стегала, а Миша вѣдь, сами знаете, характеренъ, да и двадцать пять лѣтъ имѣеть, мало слушаетъ меня... Не хватаетъ моихъ силъ, Павелъ Евлампіевичъ!...

— Что-же ты за мать, коли у тебя на науку дѣтей силъ не хватаетъ? Помнишь мою покойницу-матушку? До сорока лѣтъ я самъ боялся ее, а тебя она послѣ замужества твоего, чуть не черезъ десять лѣтъ за плохія выходки въ банѣ березовыми вѣниками драла!

— Ахъ, умныя онѣ очень женщины были, а я слаба разумомъ-то, Павелъ Евлампіевичъ, больно слаба!..

— Тоже мало бита, оттого и слаба,—заклучилъ

Щипцовъ и, взявъ отъ вернувшейся дочери кувшинъ съ горячими сливками, опять углубился въ книгу.

Прошло еще минутъ десять, и въ холодной комнатѣ раздались мужскіе шаги.

— Кто тамъ?—окликнулъ Павелъ Евлампіевичъ.

— Я, батюшка,—отвѣтилъ звучный голосъ, и въ комнату вошелъ старшій сынъ Павла Евлампіевича, Михайлъ.

Это былъ также плотно и могуче, какъ отецъ, сложенный молодой человѣкъ, лѣтъ 25; та-же красивая голова, гордо откинутаая назадъ, тѣ-же выющіеся волосы, тотъ-же твердый взглядъ темно-карихъ глазъ, и только свѣжесть молодого лица, да отсутствіе суровости и жестокости въ общемъ выраженіи лица были не старика Щипцова, а то сынъ походилъ на отца, какъ двѣ капли воды.

Михайлъ Павловичъ былъ одѣтъ въ коричневый длинный сюртукъ, въ сапоги съ бураками, въ черный глухой жилетъ, и къ его мощной фигурѣ очень шелъ этотъ костюмъ, немного ушедшій отъ чисто русскаго; небольшая русая бородка окаймляла его красивое открытое лицо, а углы красивыхъ полныхъ губъ нѣсколько скрывали тонкіе, слегка выющіеся усы.

— Товаръ я отправилъ, батюшка, и написалъ накладную, сегодня-же онъ и пойдетъ,—сказалъ, усаживаясь къ столу, молодой человѣкъ.

— Ну ладно... Когда отопьешь чай, съѣзди къ Спигину, скажи ему, что завтра срокъ его векселю, и что я приказалъ ему сказать объ уплатѣ; деньги, молъ, очень нужны,—не отрываясь отъ книги, проговорилъ Павелъ Евлампіевичъ.

— Я чаю не хочу, сейчасъ съ Саловскимъ прикащикомъ пили; не наливайте мнѣ, маменька... Поѣду я сію минуту, а пока лошади закладываютъ — хотѣлось бы мнѣ, батюшка, вамъ два-три слова сказать, — барабана пальцами по столу, обратился Михаилъ Павловичъ къ отцу.

Тотъ поднялъ голову.

— Какія такія слова?.. Говори...

— Нѣтъ, батюшка, хотѣлось-бы сказать по секрету...

Старикъ насупилъ брови и немного подумалъ.

— Ладно... Не наливай мнѣ больше, не хочу, — сказалъ онъ женѣ и всталъ. — Ну, пойдемъ въ контору, что у тебя за слова такія ко мнѣ... Иванъ, вели поди, сѣраго въ одиночныя сани заложить, и когда будетъ готово — скажешь... Пойдемъ, Михайло.

Отецъ и сынъ вышли изъ комнаты.

II.

Комната въ которую вошелъ Павелъ Евлампіевичъ съ сыномъ, помѣщалась въ концѣ дома и была предназначена для конторы: въ ней стоялъ старинный письменный столъ съ порыжѣлымъ и протертымъ сукномъ, заваленный различными счетами, накладными и торговыми книгами; между двухъ оконъ помѣщалась конторка, стѣны украшались дешевенькими гравюрами въ рамкахъ; въ углахъ груды возвышались образцы различныхъ кожъ и дубильныхъ матеріаловъ, наполняя комнату острымъ, такъ и бьющимъ въ носъ запахомъ.

Павелъ Евлампіевичъ сѣлъ у стола и вопросительно взглянулъ на остановившагося у конторки сына.

— Ну, что у тебя за дѣло такое?— спросилъ онъ.

Михаилъ Павловичъ на минуту задумался, потупивъ глаза.

— Дѣло у меня, батюшка, вотъ какое,—заговорилъ онъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ и съ выступившей краской на лицѣ.— Я хочу просить вашего позволенія жениться... Не заговорилъ-бы я этого до тѣхъ поръ, пока вы сами не захотѣли-бы женить меня, да... да полюбилаcь мнѣ одна дѣвушка, и осмѣлился я... Дѣвушка она хорошая...

— Самъ выбралъ?—спросилъ Павелъ Евлампіевичъ.— Отца-то подождать не хотѣлъ?.. Вѣдь пока я еще живъ, изъ ума, слава Богу, не выжилъ—могъ-бы, кажись, избрать тебѣ невѣсту... Или нынче это не въ модѣ?

— Мода на это, батюшка, никогда не отойдетъ; пока свѣтъ стоитъ—завсегда родитель о своемъ сынѣ будетъ заботу имѣть и въ выборѣ жены ему поможетъ, посоветуетъ... Но когда сыну, въ годахъ ужъ не ребячьихъ, полюбится дѣвушка, оцѣнить онъ ее, какъ быть должно—тогда онъ и самъ можетъ избрать невѣсту, а у родителя только благословенія попросить долженъ... Такъ я и дѣлаю, батюшка... Еще я скажу вотъ что: иной женится для того только, что пришла-де пора, или хозяйку въ домъ нужно, тогда ему на комъ ни жениться, лишь бы жениться... Найдеть себѣ по годамъ, да по состоянію пару,—и женится; а иной женится потому, что пришлаcь ему дѣвушка по нраву, по душѣ, полюбилаcь,—и безъ нея жизнь не мила... Я, батюшка, женюсь вотъ такъ, по послѣднему...

Павелъ Евлампіевичъ смѣрилъ сына съ головы до ногъ насмѣшливымъ взглядомъ.

— Вотъ оно что... А что ты мнѣ отвѣтишь, если я тебя спрошу: какъ ты смѣешь такъ-то разговаривать со мной?... Откуда это у тебя смѣлость взялась съ отцемъ такія рѣчи-то говорить?—спросилъ онъ.

— Вѣдь обиднаго въ моихъ словахъ, батюшка, ничего нѣтъ, а заговорилъ я потому, что нужно было заговорить... Гнѣваются вы, батюшка, за то, что я спросилъ васъ, дозволенія вашего сталъ просить, такъ вѣдь еще-бы больше прогнѣвались, если-бъ я безъ позволенія женился...

Старикъ, казалось, былъ пораженъ такимъ аргументомъ и только съ удивленіемъ взглянулъ на сына.

— Все быть можетъ,—точно про себя проговорилъ онъ.—Все быть нонѣ можетъ... Кто-же это такая Милитриса Кирбитьевна, которая тебѣ полюбилась такъ?.. Вѣдь позволеніе даютъ тогда, когда узнаютъ невѣсту... Коли дѣвушка хорошая, изъ семейства порядочнаго, по состоянію намъ подходящая—женись, Богъ съ тобой... Кто она такая?

— Дѣвушка она хорошая, но изъ семьи, не скажу, чтобы хорошей, и богатства у ней, батюшка, нѣтъ... По Рязанской дорогѣ, на десятой верстѣ отъ Москвы есть усадьба барская, Станихино прозывается, такъ вотъ вдовы бывшаго управляющаго этимъ имѣніемъ дочь—дѣвушка эта, Натальей зовутъ ее...

Павелъ Евлампіевичъ вскочилъ съ мѣста.

— Что-о? Что ты сказалъ?—заговорилъ онъ, засверкавъ глазами.—Это дочь управительши Силантьихи, Наташка?.. Да ты ошалѣлъ, что-ли? Или шутишь надо мной?.. Смѣешься, что-ли, надъ отцомъ-то?

— Нѣтъ, я не шучу, батюшка... А вы... вы знаете развѣ ее? — спросилъ Михаилъ Павловичъ.

— Наташку-то?.. Кто-же эту любовницу станинскаго барина не знаетъ?.. Да не въ этомъ дѣло, не въ этомъ — ты скажи мнѣ вотъ что: ужели ты впрямь хотѣлъ жениться на ней?.. Шутки шутить со мной ты словно-бы не сталъ, такъ значить... ты правду говоришь?

— Правду, батюшка; я люблю эту дѣвушку, а что про нее говорятъ — такъ это неправда, это ложь, сплетня...

— Вонъ съ глазъ моихъ, щенокъ! — вдругъ на весь домъ закричалъ Павелъ Евлампіевичъ. — Если ты еще осмѣлишься съ такимъ дѣломъ ко мнѣ придти, такъ я тебѣ рыло сворочу на сторону!.. Вонъ!..

— Я уйду, батюшка, но знайте, что на этомъ дѣлѣ я ужъ по своей волѣ поступлю, и если вашего согласія не будетъ — безъ него обвѣнчаюсь... А клеветникамъ глотки я заткнуть способъ найду!

Михаилъ Павловичъ вышелъ изъ конторы прежде, чѣмъ отецъ успѣлъ придти въ себя отъ неожиданной выходки сына.

Долго смотрѣлъ на затворенную сыномъ дверь Павелъ Евлампіевичъ, потомъ провелъ по лбу рукой и, тяжело вздохнувъ, поднялся со стула.

— Характеренъ парень, въ меня уродился, не сломишь его силой, надо другимъ способомъ покорить, — проговорилъ онъ и сталъ ходить по конторѣ, взъерошивая свои сѣдые кудрявые волосы. — На Наташкѣ станинхинской жениться вздумалъ!.. А знаетъ-ли онъ, что Наташка эта любовницей барской была... знаетъ-ли

онъ еще то, что... что *невѣста* его облюбованная по душѣ старику-отцу его пришлась и тоже чуть-чуть любовницей не сдѣлалась... Лишней сотни цѣлковыхъ пожалѣлъ, а то-бы моей любовницей была невѣста-то эта!.. Нѣтъ, нѣтъ, надо во время пожаръ-то залить, а то-бы бѣды не вышло...

Павелъ Евлампіевичъ быстро вышелъ изъ конторы, сильно озабоченный.

III.

Въ верстахъ въ тридцати отъ Москвы и въ двухъ верстахъ отъ одной изъ станцій Рязанской дороги расположено селцо Станихино.

Проѣзжающему по упомянутой дорогѣ видны изъ вагона высокія столѣтнія липы, окружающія барскій домъ селца Станихина, а золоченый крестъ станихинской колокольни видѣнъ верстѣ на десять, ибо усадьба и церковь расположены на горѣ, и только дома крестьянъ спускаются по откосу этой горы къ небольшой рѣчкѣ.

Станихино, года два тому назадъ, было приобрѣтено съ аукціоннаго торга московскимъ купцомъ Шапиловымъ, а до того времени принадлежало отставному штабъ-ротмистру Григорію Семеновичу Харзевину, какъ родовое имѣнье, перешедшее къ нему отъ отца.

Харзевинъ, по выходѣ въ отставку, жилъ въ Станихинѣ каждое лѣто, оставаясь иногда и на зиму, но лѣтъ десять тому назадъ онъ овдовѣлъ и уѣхалъ за границу поправлять разстроенное здоровье и еще болѣе разстраивать не менѣе разстроенное состояніе.

Барская усадьба въ Станихинѣ опустѣла, многочисленная прислуга была распущена, и изъ всѣхъ обитателей нѣкогда оживленной усадьбы остались только старичекъ управляющій, садовникъ, да ключница Матрена Силантьевна; послѣдняя дѣла никакого не имѣла, но ей за услуги еще отцу Григорія Семеновича было предоставлено право жить въ одномъ изъ флигелей, пользоваться дровами изъ барской роши и держать коровъ на барскомъ кормѣ.

Матрена Силантьевна съ осьмнадцатилѣтней дочкой Наташей и жила въ Станихинѣ; жила небогато, но нужды не имѣла, извлекая довольно порядочные барыши изъ молочнаго хозяйства и кромѣ того снабжая окрестныхъ мужиковъ небольшими суммами денегъ за большіе проценты и подъ вѣрное обезпеченіе.

У разбитной, бойкой ключницы могли-бы водиться и деньжонки, но воспитанная ввиду барской роскоши, она смолоду еще привыкла посаривать деньгами и цѣну имъ хорошенько не знала; легко они доставались ей.

Красавица смолоду, она пришлась по душѣ барину, который и «склонилъ ее на любовь» довольно скоро, не смотря на то, что мужъ ея, страстно ее любившій, протестовалъ противъ этого всѣми силами; мужа скоро съумѣли удалить, и Матрена Силантьевна зажила въ свое удовольствіе, значительно таки обирая барина и проматывая его деньги съ его-же камердинеромъ, красавцемъ-французомъ.

Такъ дѣло шло до смерти барина, послѣ которой Матрена Силантьевна попустилась, но, все еще очень красивая собой, она нашла покровителя въ управляющемъ, и безпечальное житіе продолжалось до тѣхъ

поръ, пока новый владѣлецъ имѣнья, Григорій Семеновичъ, не овдовѣлъ и не уѣхалъ за-границу, послѣ чего управляющій былъ отпущенъ и замѣненъ простымъ мужикомъ; шумная жизнь въ усадьбѣ кончилась, обязанности ключницы сошли до крайняго minimum-а.

Матрена Силантьевна «сократилась». Она перестала пошвыривать деньгами, не стала носить «матерчатыхъ платьевъ» и шумящихъ юбокъ, но гоноръ «барской барыни» въ ней остался цѣликомъ.

Гоноромъ жить было невозможно, а привычки къ жизни на широкую ногу забывались съ трудомъ, такъ что нужно было изобрѣтать какой-нибудь источникъ для поддержки неожиданно улетучившагося благосостоянія.

Таковымъ источникомъ могла послужить дочь. По крайней мѣрѣ такъ рѣшила Матрена Силантьевна, сознавая, что дочь ея не только не уступала наружностью, такъ хорошо эксплуатированной ею, Матреной Силантьевной, матери, а даже затмила-бы и ее въ самую цвѣтущую пору молодости. А дочь была дѣйствительно красавица; обаятельная, чарующая, могущая сводить съ ума своею красотой.

Въ плавныхъ изгибахъ роскошнаго тѣла сказывалась нѣга; каждый поворотъ, каждое движеніе этого на диво созданнаго стана были полны граціи, прелести, изящества, но не того изящества, которое воспитываютъ гувернантки и танцмейстеры, а прирожденнаго и тѣмъ болѣе прекраснаго.

Темно-русые волосы, тяжелой косою упадавшіе на античную, бѣлую, какъ мраморъ шею, мягко очерченныя брови, овалъ личика матовой бѣлизны съ румян-

цемъ, нѣжнымъ, какъ заря весенняго утра, губки, полуоткрытыя, полныя, точно выточенный рѣзцомъ великаго художника носикъ—были неотразимо хороши въ своемъ сочетаніи, но всего лучше были у красавицы-Наташи глаза. Въ нихъ, этихъ большихъ синихъ глазахъ, свѣтилась доброта, манящая ласка, сказывалась душа чудная—кроткая, ласковая.

Такими, вѣроятно, представлялись сказочныя красавицы русской старины пѣвцамъ ея; изъ-за такихъ красавицъ древне-русскіе богатыри хаживали въ невѣдомыя страны на битвы съ чудовищами и чародѣями. Ихъ, такихъ красавицъ, немного, но тѣмъ болѣе у нихъ поклонниковъ, то страстно влюбленныхъ, то сладострастно-развратныхъ, то корыстолюбивыхъ, желающихъ обладать красотой, что-бы не самому насладиться ею, а извлечь изъ нея выгоду, пустить въ оборотъ, нажить денегъ, много, много денегъ. Въ числѣ послѣднихъ поклонниковъ бываютъ, и даже большею частію,—женщины, часто сестры, тетки и... матери.

Матрена Силантьевна и была такой матерью.

Она отлично понимала, что передъ красотой ея дочери не устоитъ никто и все, все отдастъ за эту красавицу, а потому рѣшилась воспользоваться этимъ даромъ природы съ возможно большей выгодой, получить съ этого капитала процентъ, могущій вернуть ей утраченное земное благо.

И берегла же она этотъ капиталъ!.. Наташѣ давался лучшій кусокъ, готовилось какое-нибудь изысканное блюдо; ее нѣжили и холили, какъ врядъ-ли холятъ торговцы невольницами свой *товаръ* передъ тѣмъ, какъ везти его на смотръ какому-нибудь хану: ей шилось

нарядное платье; ее берегли отъ вліянія непогоды, но все это дѣлалось не изъ любви къ дочери, а именно изъ-за желанья увеличить цѣну на товаръ, сдѣлать наилучшимъ, что-бы какъ можно выгоднѣе сбыть его.

Въ силу тѣхъ-же соображеній Наташа оберегалась и отъ каждаго мужчины, недостойнаго, по своему состоянію, обладать ею. Ревниво слѣдила мать за дѣвушкой, и достаточно было ей подарить какого-нибудь молодого человѣка ласковымъ взглядомъ, чтобы привести мать въ бѣшенство и навлечь на себя укоры, брань, побои; цѣлую систему изобрѣла Матрена Силантьевна для воспитанія дочери въ страхѣ и повиновеніи ея только волѣ въ выборѣ мужа; запугиваніе играло важную роль въ этой системѣ. Мать разсуждала такъ: если за одинъ только намекъ на любовь дѣвушка получитъ наказаніе, то, конечно, никогда не рѣшится отдаться кому-нибудь, ожидая болѣе ужаснаго, и была жестока. Излюбленная Матреной Силантьевой, воспитанной на крѣпостничествѣ, розги играли большую роль въ исправительныхъ и карательныхъ наказаніяхъ; двѣнадцати-лѣтнюю дочь мать сѣкла и сѣкла больно; когда-же дочь стала взрослой дѣвушкой, сѣченья эти сдѣлались рѣже, но производились съ болѣею жестокостью, съ жестокостью, не вызванной лишь гнѣвомъ, а расчитанной, хладнокровной, долженствующей привести въ ужасъ и навѣки воздержать наказуемую отъ послѣдующихъ отступленій отъ воли матери. Приводилась какая-то вѣчно полупьяная, потерявшая образъ Божій, баба, дальняя родственница Матрены Силантьевны, запиралась квартира на замокъ, и производилась расправа.

Тамъ были стоны, была кровь; но ни кровь, ни стоны не вызывали жалости въ исковерканной жизнью матери, знакомой со всѣми сладостями порока почти съ дѣтства и любящей только одно сокровище—золото.

IV.

Въ одинъ весенній день, года за три до начала нашего разсказа, въ Станихино неожиданно пріѣхалъ изъ-за границы баринъ. Растерявшійся управляющій засуетился, замѣтался, хотѣлъ было посылать въ Москву за малярами, за обойщиками, но баринъ остановилъ его порывы.

— Не хлопочи, ничего не нужно: я останусь здѣсь на нѣсколько дней; я пріѣхалъ продать Станихино, потому что уѣзжаю за границу навсегда. Пошли въ Москву только за поваромъ; жить я буду въ садовомъ флигелѣ; поставить мнѣ тамъ мебель изъ голубой гостиной.

И баринъ поселился въ саду; поселился на нѣсколько дней, и уже въ послѣдній разъ родовое имѣніе было назначено къ продажѣ, и оставалось исполнить кой-какія формальности.

Наташѣ въ это время было шестнадцать лѣтъ, и она расцвѣла уже, какъ цвѣтокъ первыхъ весеннихъ дней.

Нужно было показать этотъ цвѣтокъ знатоку, специалисту, чтобы произвести ему вѣрную оцѣнку, а кто же могъ быть лучшимъ знаткомъ женской красоты, какъ не Григорій Семеновичъ Харзевинъ, истратившій на эту красоту чуть-ли не половину громаднаго состоянія?

Матрена Силантьевна и рѣшила показать ему дочь.

Въ сердце чадолубивой матери запала мысль о возможности устроить счастье дочери. Харзевинъ, конечно, промотался, но у него все-же еще было слишкомъ достаточно, чтобы окружить избранную дѣвушку роскошью на всю жизнь, а что главное у него была тетка, старуха, чуть-ли не съ миллионнымъ состояніемъ, и Григорій Семеновичъ имѣлъ полное основаніе и право ждать отъ нея наслѣдства, какъ любимецъ и какъ единственный наслѣдникъ.

Съ быющимъ радостными надеждами сердцемъ отправилась Матрена Силантьевна въ садовый флигель къ барину. Камердинеръ доложилъ о ней.

— Пусть войдетъ, — приказалъ Григорій Семеновичъ и, оттолкнувъ ногой игравшую съ нимъ лягавую собаку, надѣлъ пенсне.

Одѣтая по праздничному, подрумяненная и набѣленная, вошла Матрена Силантьевна и поклонилась барину съ той подловато почтительной улыбочкой, съ какою обыкновенно кланяются перезрѣлыя горничныя „въ хорошихъ домахъ“, стараясь быть, и холопкой, и женщиной, не потерявшей надежду кого-нибудь прельстить.

— Здравствуйте, сударь Григорій Семеновичъ, съ благополучнымъ пріѣздомъ имѣю честь васъ поздравить... Осмѣлюсь о здоровьи вашемъ драгоценномъ спросить, — пропѣла заштатная ключница.

— Здравствуй, милая, — благосклонно поклонился Григорій Семеновичъ. — Ты ключница? И, кажется, была любимицей покойнаго батюшки?

Григорій Семеновичъ прищурился и улыбнулся, а

Матрена Силантьевна такъ и расплылась вся въ одну сладкую улыбку, опустивъ глаза и сложивъ бантикомъ губки.

— Да-съ, въ фаворѣ находилась... Покойникъ Семенъ Николаевичъ были очинно ласковы и до прекраснаго пола охотники... А я пришла спросить васъ, сударь, не угодно-ли будетъ приказать что-съ?.. Варенья не прикажете-ли сварить? земляника поспѣвать стала, носятъ деревенскія-съ... не угодно-ли масла сливочнаго? простоквашу не изволите-ли кушать?..

— Спасибо, спасибо... И варенья свари, и масла принеси, я заплачу тебѣ.

— Помилуйте-съ!.. Да осмѣлюсь я предложить вамъ, сударь, вотъ что: безъ женской прислуги вамъ совершенно даже невозможно-съ, потому какъ вы привычны-съ... Дозвольте мнѣ вамъ дочь предоставить на время вашего пребыванія... Она вамъ и присмотритъ за всѣмъ, и порядокъ не тотъ при женскомъ полѣ-съ...

Баринъ поднялъ брови и тронулъ себя за напомаженные усы.

— Гмъ... пожалуй... Да, да, это хорошо, пришли, пришли,—проговорилъ онъ и, доставъ изъ ящика стола нѣсколько депозитокъ, подалъ Матренѣ Силантьевнѣ.

— Это вотъ тебѣ... на память; ну, и дочери что-нибудь сдѣлаешь. Да, да, это хорошо, пришли...

Матрена Силантьевна вышла очарованная, а баринъ послѣ ея ухода поправился передъ зеркаломъ, надѣлъ намѣсто халата палевую лѣтнюю визитку и позвалъ камердинера.

— Видалъ ты дочь этой ключницы?—спросилъ онъ.

— Видѣлъ-съ.

— Хороша?

— Красавица рѣдкостная-съ.

Баринъ многозначительно улыбнулся.

V.

Наташа приняла съ живѣйшей радостью сообщеніе матери о томъ, что баринъ беретъ ее къ себѣ въ услуженіе; извѣстно, что перемѣна мѣста, перемѣна образа жизни всегда бываютъ пріятны для натуръ подвижныхъ, а Наташа была именно такая натура, да и жизнь ея у матери не могла быть особенно привлекательной и разнообразной.

Первой, къ кому Наташа пошла подѣлиться своей радостью, была одна старушка, большая ея пріятельница и постоянная баловница. Старушка эта, «бабушка Анна», какъ звали ее всѣ въ округѣ, была когда-то нянькой въ барскомъ домѣ; послѣднее-же время она жила въ Станихинѣ одинокой бобылкой, занимаясь леченіемъ и продажей по различнымъ ярмаркамъ и базарамъ маковыхъ лепешекъ, которыя она сама приготавливала, и пользовалась маленькимъ барышомъ, прокармливаясь имъ и частичку сберегая «на поминъ души».

Бабушка Анна была старушка кроткая, любвеобильная, богомольная и слыла верстъ на сто кругомъ «душевной Божьей старушкой»; Наташу она любила, какъ родную, и много, много преподавала молодой дѣвушкѣ уроковъ житейской мудрости, многому научила, отъ многого оберегла.

Выслушавъ радостное сообщеніе Наташи о поступленіи въ барскій домъ, бабушка Анна покачала головой.

— Охъ, ты, дитятко мое милое, дитятко мое неразумное! — проговорила она. — Чему-же ты это радуешься-то?

— Какъ чему, бабушка?.. Я буду жить въ барскомъ домѣ, буду получать жалованье, подарки—вотъ этому и радуюсь...

Старушка опять покачала головой.

— Эхъ, дитятко, дитятко!.. Вѣдь у барина камердинеръ есть, пріѣхалъ онъ на срокъ короткій, такъ зачѣмъ-же ему брать дѣвушку-то въ домъ?.. Беретъ онъ тебя, милая, не для услуженія, беретъ тебя онъ въ любовницы къ себѣ...

— Какъ, бабушка?—глубоко огорченная и озабоченная, спросила Наташа.

— А такъ, моя милая... И не ходи ты къ нему, ни за что не ходи!.. Такъ и матери скажи: «не пойду, молъ, я, маменька, къ барину, потому не зачѣмъ мнѣ идти туда!»... Пусть мать побранить тебя, пусть побьетъ, а ты все-же не ходи... Не на хорошее дѣло ведутъ тебя, родная, такъ ты это и знай... Не слѣдъбы мнѣ налаживать тебя противъ воли материнской, да мать-то твоя легкомысленна очень, къ деньгамъ большую склонность имѣетъ и не видитъ, куда дочь свою ведетъ... А ты на мать-то не сердись, прости ей, а сдѣлай-то все-же по моему — не ходи къ барину... Сбережешь ты честь свою дѣвичью и благо великое себѣ заслужишь; а потеряешь ты ее — не воротишь и всю жизнь слезы лить будешь, укоровъ людскихъ не оберешься, совѣсть тебя замучаетъ, да!.. Въ тебѣ, дитятко, сердце золотое, душа прямая, да чистая — вотъ ты ихъ-то и принесешь въ приданое мужу сво-

ему, и хоть онъ будетъ злой человѣкъ, а тебя полюбить, потому ты его своей добротой покоришь, а коли на твоей совѣсти укоръ будетъ — въ глазахъ твоихъ свѣтлоты ужъ той не станетъ, и вѣчно тебя мужъ укорять будетъ... Нѣтъ, не ходи къ барину! Все потерпи, а не ходи... Я знаю мысли-то матери твоей: «онъ-де замужъ дочку возьметъ, въ богатствѣ жить она будетъ»... Ой, не вѣрь этому!.. Не будетъ этого никогда, а коли-бы и случилось, такъ и то не радость, а горе... Потому горе, что коли мужъ съ женой не пара—ладу промежь ихъ ждать нечего...

Глубоко задумавшись, слушала Наташа свою бабушку, и когда та кончила, дѣвушка вздохнула и встала съ мѣста.

— Спасибо, бабушка, за совѣтъ, — проговорила она. — Да, ты вѣрно говоришь бабушка, и я не пойду къ барину... Но чего мнѣ это будетъ стоить, милая!.. Сколько я вытерплю-то за это!..

— Что-же дѣлать, голубушка, потерпи... Знаешь-ли ты, что за каждое-то самое махонькое горе намъ великія, великія радости суждены? Вотъ какъ горе-то къ тебѣ придетъ — ты этимъ и утѣшай себя, тебѣ и будетъ легко, да отрадно...

Наташа посидѣла еще немного у старушки и ушла. Дома она прямо объявила матери, что къ барину не пойдетъ.

— Что-о?.. Это еще за новости выдумала? — удивилась мать. — У меня безъ глупостей, а то вѣдь я по своему поверну!.. Что еще за выдумки выдумала?

— Да, маменька, выдумала... Думала, думала объ этомъ, и вышло у меня, что не зачѣмъ мнѣ идти туда...

Маменька, вѣдь я дочь ваша, зачѣмъ-же, зачѣмъ-же вы посылаете меня туда?

Въ голосѣ дѣвушки послышались слезы; Силантьевна смутилась, но только на нѣсколько минутъ.

— Да что ты? Да съ чего ты? Да какъ ты смѣешь говорить мнѣ это?—заговорила она, возвысивъ голосъ.— Сію-же секунду одѣвайся и маршъ, а то я тебя...

— Что хотите дѣлайте, а я не пойду,—рѣшительно сказала Наташа.

— А, ты вотъ какъ заговорила!—прошипѣла Силантьиха и выбѣжала изъ комнаты.

Дѣвушка упала на колѣни передъ иконой.

— Господи, помоги мнѣ вытерпѣть се, спаси меня, — стала она молиться.— Не дай мнѣ погибнуть!.. У меня одна радость—это моя честь, сохрани-же ее, Господи!.. Не дай мнѣ погибнуть такъ, какъ тутъ гибнуть всѣ...

Минутъ черезъ двадцать явилась Силантьиха съ своей отвратительной товаркой.

— Вотъ, милая, доченька-то у меня какова!—заговорила она.— Я ее поила, кормила, холила, куска не доѣдала, глотка не допивала, а она супротивъ матери идетъ!.. А, каково это материнскому-то сердцу переносить?.. Каково?.. Я о ней забочусь, ночей не сплю, а она... Да что-же это такое, а?

— Накажи, матушка, взыщи, милая!—зашамкала баба.— Посѣки, до крови посѣки, до костей пройми!.. Ахъ, ты дѣвчонка, дѣвчонка негодная!..

— Пойдешь-ли?.. Пойдешь-ли къ барину, дрянъ? — схвативъ за плечо дочь спросила Силантьиха.

— Нѣтъ, матушка!—простонала Наташа.

— Такъ я-же тебя!..

.....

Измученная, избитая дѣвушка не вынесла мукъ и согласилась идти.

Въ этотъ-же день она была представлена барину и оставлена съ нимъ вдвоемъ.

Изящно одѣтый, надушенный, съ закрученными ниточкой усами предсталъ передъ ней заштатный Донъ-Жуанъ.

— О, какъ вы хороши, моя милая!—страстно заговорилъ онъ, подходя къ дѣвушкѣ.—О, какъ вы хороши!.. Я надѣюсь, что вы не будете противъ того, что я поцѣлую васъ... Да?.. Ну, не стыдитесь, не краснѣйте!.. Что за бѣда, если васъ поцѣлуютъ? Одно прикосновеніе губъ и только!.. О, моя нимфа, моя фея, моя богиня!..

— Отойдите отъ меня!—сверкнувъ глазами, сказала дѣвушка.—Я не хочу цѣловать васъ... Отойдите!.. Вамъ стыдно, стыдно... Вы... За васъ мучили меня, били... Вамъ стыдно, стыдно!..

— Ну, полно вамъ, моя дѣвочка!—не унимался баринъ.—Вотъ если вы будете поласковѣе, я вамъ подарю много, много всего, я вѣдь богатъ, у меня все есть; а если вы будете шалить, упрямиться — васъ опять побьютъ... Да, моя нимфочка... Возьмутъ розгу и чикъ, чикъ, чикъ... Хе, хе, хе... Больно будетъ моей дѣвочкѣ!...

Наташа тяжело дышала, грудь у ней высоко подымалась, ноздри широко раздулись.

— Такъ вотъ что, вотъ что,—со слезами заговорила она,—хорошо, бейте меня, мучайте, а я... Богомъ вамъ

клянусь!.. я пойду и въ прудѣ утоплюсь!.. да, да, утоплюсь!.. А если вы запрете меня, я... я задушу себя... Вамъ будетъ грѣхъ, грѣхъ!.. Я буду мученица, а вы... вы мучители!.. Вѣдь меня до крови били, тиранили за васъ, а вы смѣтаетесь!.. Ну, я умру, умру, не надо, не жалѣйте меня!..

Баринъ потухъ какъ-то, точно облако прошло у него по лицу, точно его водой окатили... Заговорила старая барская честь рыцарская — передъ нимъ плакала женщина, а онъ такъ ратовалъ за свободу, за равенство, за самостоятельность женщинъ въ парижскихъ либеральныхъ кружкахъ, и его тонъ хвалили друзья, такъ яро аплодировали ему за его рѣчи.

— О, нѣтъ, нѣтъ, я ничего вамъ не желаю худого, даю вамъ мое честное слово!—заговорилъ онъ, по-французски было, но сейчасъ-же перешелъ на русскій языкъ.— Я не желаю вамъ ничего дурного, не хочу обидѣть васъ...

Харзевинъ подошелъ къ столу и взялся за колокольчикъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте этого!—порывисто подбѣжала къ нему Наташа.—Вѣдь меня...прибьютъ!.. Вы скажите, что я вамъ не нужна, но я немного побуду у васъ...А вы, не сердитесь на меня, простите... Право, я очень, очень страдаю отъ всего этого!..

— Бѣдное дитя!—чувствительно произнесъ Харзевинъ и взялъ дѣвушку за руки.—Ну, посидите у меня, поговоримъ... Эй, кто тамъ, подать намъ шоколаду!..

Баринъ угостилъ дѣвушку шоколадомъ, подарилъ ей конфектъ и отпустилъ домой.

— Ну, что?—пытливо спросила Силантьиха, оглядывая дочь.

— Ничего, маменька... Баринъ велѣлъ мнѣ приходить завтра...

— Ты была съ нимъ ласкова? фордыбаченье-то свое бросила?

— Да...

На другой день Наташа опять отправилась къ Харзевину, но онъ уже встрѣтилъ ее безо всякихъ заигрываній, безъ приторныхъ ласкъ, а просто, по дружески, даже немного сконфуженный, не зная, какъ обращаться съ своей гостьей и за кого считать ее.

VI.

Наташа стала бывать у Харзеина каждый день, и между ними установились отношенія, очень странныя въ глазахъ обитателей села Станихина; дѣвушка ужъ совершенно не была похожа на живущую въ прислугахъ, даже въ прислугахъ-аристократахъ, вродѣ ключницы или экономки,—она скорѣе походила на родственницу, на близкую знакомую.

Придя утромъ, Наташа садилась разливать чай, при чемъ пила его и сама, болтая съ Харзевинымъ совершенно фамиллярно; Харзевинъ-же выходилъ къ чаю одѣтый въ какой-нибудь изящный лѣтній костюмъ, и если иногда Наташа заставляла его въ халатѣ, онъ извинялся и сію-же минуту уходилъ переодѣться.

Послѣ чаю Харзевинъ бралъ какую-нибудь книгу и читалъ вслухъ или просилъ читать Наташу, при чемъ поправлялъ неправильности ея выговора, училъ инто-

нации и объяснял непонятныя для дѣвушки слова или мысли.

— Григорій Семенычъ, я пойду приготовить сливокъ для завтрака, да нужно убрать вашу комнату, — говорила иногда Наташа.

— Э, полно вамъ!.. Сливки приготовить поваръ или ваша мать, а комнату уберетъ челоѣкъ... Посидимъ, а потомъ пойдемъ гулять въ рощу, — удерживалъ Григорій Семеновичъ дѣвушку.

— Да какая-же моя служба у васъ, если я только сижу съ вами, какъ барышня, да гуляю? — улыбалась та.

— И не нужно службы, — вы просто моя собесѣдница, гостя и только... Пойдемте гулять.

И баринъ шелъ гулять съ дочерью ключницы; шелъ нарядный, чинный, подавалъ ей иногда руку, когда приходилось переходить чрезъ какой-нибудь мостикъ или ручей.

Харзевинъ полюбилъ Наташу. Отдайся она ему, продай себя — онъ-бы бросилъ ее чрезъ какой-нибудь мѣсяцъ, но теперь онъ полюбилъ ее.

Ея чарующая красота, ея глубоко симпатичная натура неотрозимой силой покорили опытнаго волокиту, а присущая ему, какъ каждому изучившему «науку страсти нѣжной», смѣлость съ женщинами на этотъ разъ его совершенно оставила; разбилась-ли она о неприступность дѣвушки, поразила-ли ее почти святая цѣломудренность дѣвушки, или просто честный по природѣ, рыцарски воспитанный баринъ жалѣлъ этого нѣжнаго ребенка, — но только Харзевинъ былъ сдержанъ съ Наташей, деликатенъ и скромнень, какъ влюбленный юноша.

А любовь росла и росла.

Почти отжившій свой вѣкъ баринъ, поломанный жизнью, разочарованный, пресыщенный,—точно ожилъ.

Воскресли давно умершія надежды на тихое счастье, воскресла чистая юношеская любовь; да, пожалуй, даже и не воскресла, а только родилась, потому что ужъ съ семнадцати лѣтъ Григорій Семеновичъ постигъ сладость любви и, не научившись еще любить,—уже разучился.

Теперь эта потребность сказалась.

Наташа угадала, что она любима. Какъ дѣвушка ни неопытна, но въ большинствѣ случаевъ она, точно чутьемъ угадываетъ, когда ее полюбятъ, какъ-бы ни былъ скрытенъ полюбившій мужчина; въ угадываніи этомъ помогаетъ и звукъ голоса, и долгій, долгій взглядъ и пожатіе руки. Угадавъ, Наташа стала чего-то бояться.

И рѣчи старушки, и смутное ожиданіе чего-то новаго и такого страшнаго заставляли ее быть насторожѣ; при томъ-же этотъ раздушенный, нарядный баринъ, хотя и ласковый съ нею, деликатный,—все это было какъ-то чуждо дѣвушкѣ, ново; она конфузилась передъ нимъ, стыдилась и за свой костюмъ, такъ мало похожій на костюмы тѣхъ дамъ, портреты которыхъ она видѣла у Григорья Семеновича, и за неумѣнье держать себя съ нимъ... Ей часто казалось, что онъ долженъ презирать ее за все это, и она представляла себѣ, какъ-бы онъ сконфузился, если-бъ одна изъ его знакомыхъ дамъ увидала его сидѣвшимъ съ нею.

А онъ еще смотритъ на нее такими влюбленными глазами.

Наташа перестала-бы ходить къ барину, но мать

была еще страшнѣе его; она ужь и то стала покрикивать на дочь, что та ничего еще не успѣла сдѣлать съ бариномъ и приносила отъ него только конфекты, да картинки.

— Дура ты у меня, не умѣешь взять въ руки челоуѣка, не умѣешь счастье себѣ забрать!—говорила мать.—Всѣ диву даются, что баринъ съ тобой, какъ съ барышней, хороводится, а ты только киснешь съ нимъ!.. Баринъ любитъ ласку, угодливость; коли ему угодишь—онъ тебѣ все отдастъ, а ты что заслужила? Чай, только краснѣешь, да глазки опускаешь; дура, того не понимаешь, что тебѣ на всю жизнь счастье можетъ выпасть!.. Смотри, Наталья, коли упустишь барина, пощады отъ меня не жди—обдеру!..

Матрена Силантьевна слѣдила за бариномъ и очень хорошо понимала, что онъ по уши влюбился въ красавицу дочь ея. Знали это и всѣ, и молва о связи барина съ ключнецевой дочкой росла и росла; всѣ завидовали «хитрой Силантьихѣ», но завидуя, стали пониже гнуть передъ ней голову, неравно-де барской тещей станеть.

Но случиться этому было не суждено.

VII.

Былъ великолѣпный вечеръ. Солнце начинало садиться, и жара спадала. Точно заснувшія стояли высокія столѣтнія сосны Станихинскаго лѣса, наполняя воздухъ смолистымъ запахомъ, смѣшаннымъ съ запахомъ только что скошеннаго сѣна которое убирали въ копны по широкому, заливаемому

небольшой рѣчкой Воробьевкой, лугу; рѣчка эта точно дымилась и тянулась прихотливыми изгибами, какъ серебристая лента, по лугу, огибала рощу, блестяла опять вдали между двухъ пригорковъ и пропадала за ними. Прощальная передъ закатомъ пѣсня жаворонка такъ и лилась, такъ и звенѣла. Съ луга доносилась заунывная пѣсня косцовъ.

Въ такой вечеръ по опушкѣ лѣса шли Григорій Семеновичъ съ Наташей.

На Харзевинѣ былъ нарядный лѣтній костюмъ; широкополая соломенная шляпа и зонть достаточно укрывали его отъ косыхъ, но все еще жгучихъ лучей солнца. Наташа-же шла съ открытой головой, обмахиваясь бѣлымъ платкомъ, въ простенькомъ, но чрезвычайно идущимъ къ ней платьицѣ; дѣвушка весело болтала, срывала цвѣты и поминутно восторгалась чудной погодой.

Харзевинъ былъ задумчивъ и молча любовался ею.

— Сядемъ вотъ тутъ, Наташа, отдохнемъ немного, — предложилъ онъ, указывая на небольшой пригорокъ, защищенный отъ солнца группой деревь.

Наташа разостлала свой платочекъ и сѣла; Харзевинъ присѣлъ рядомъ.

— Вотъ хорошо теперь, Григорій Семеновичъ, — заговорила она. — Лѣсъ, запахъ какой, жаворонокъ поеть, такъ хорошо, что не ушелъ-бы отсюда!.. Я такъ много никогда не гуляла, это вотъ только съ вами, а то я все дома сидѣла...

Дѣвушка сорвала растущій рядомъ цвѣтокъ.

— Вотъ этими цвѣтами гадаютъ, знаете какъ? — обратилась она къ Харзевину.

— Какъ?—улыбаясь и любуясь ею, спросилъ тотъ.

— А вотъ срывають лепестки и говорятъ: «любить», «нѣтъ», «любить», «нѣтъ»; если послѣдній лепестокъ будетъ «любить», значить, васъ любить тотъ, на кого вы гадали, а если «нѣтъ», то—не любить...

— Вы гадали когда-нибудь, Наташа, такъ?

— О, какой вы хитрый!.. Нѣтъ, я не скажу вамъ...

— Значить, любили кого-нибудь?

Наташа засмѣялась, немного покраснѣвъ.

— Да, немного любила... Только это секретъ!...

Тутъ жилъ на дачѣ одинъ студентъ, онъ покупалъ у мамы молоко, и я влюбилась въ него... Вы не смѣйтесь, Григорій Семенычъ!.. Онъ носилъ мнѣ книгъ, но потомъ мама разсердилась, что я выдаюсь съ нимъ, и запретила... Я его видала только въ церкви...

— Тѣмъ ваша любовь и кончилась?

— Тѣмъ и кончилась... У меня осталась на память его книга, стихи Некрасова, я ее почти всю наизусть знаю...

Дѣвушка стала обрывать цвѣтокъ со словами «любить», «нѣтъ»...

— На кого-же вы теперь гадаете?—спросилъ Харзевинъ.

— Такъ, ни на кого... Не любить!.. ну, и не нужно... Говорятъ, любовь очень тяжела, такъ болить сердце, такъ скучно, больно,—правда это?

— Да, правда...

Харзевинъ вздохнулъ.

— Сорвите, Наташа, цвѣтокъ и погадайте на меня—любить-ли меня одна дѣвушка,—сказалъ онъ.

Наташа сорвала цвѣтокъ и стала гадать.

— Любить... А вы ее любите?

— Да, очень люблю...

Харзевинъ снялъ шляпу и поправилъ волосы.

— Наташа,—заговорилъ онъ, взявъ ее за руку. — Дѣвушка, которую я люблю—вы... Да, я люблю васъ, очень люблю!.. Я не молодъ, Наташа, я вамъ не пара, но я сдѣлаю васъ счастливой — будьте моею женой!.. У меня были невѣсты богатые, знатные, красавицы, но я не хотѣлъ жениться на нихъ, я зналъ, что не буду съ ними счастливъ, съ вами же, Наташа, я буду очень, очень счастливъ!.. Будете счастливы и вы, я все сдѣлаю для этого... Наташа, вы поблѣднѣли, у васъ на глазахъ слезы, вы боитесь меня?.. О, не бойтесь, не бойтесь, я вамъ никогда никакого зла не сдѣлаю...

Дѣвушка полными слезъ глазами взглянула на Харзевина.

— Не сдѣлаете?.. Вы любите меня? — спросила она. — О, если такъ, то не сердитесь на меня, не жалуйтесь на меня мамѣ... А я... я не пойду за васъ, не пойду!.. Вы добрый, хорошій, но я не пойду... Не берите меня, милый, добрый!.. Зачѣмъ я вамъ? Я простая такая, глупая... О, нѣтъ, нѣтъ, я не пойду за васъ!

Наташа освободила свою руку изъ рукъ Харзевина и отодвинулась отъ него.

Точно темное облако прошло по лицу Григорія Семеновича; онъ опустилъ голову и задумался.

— Вы сердитесь на меня, Григорій Семенычъ? — тихо спросила Наташа.

— Я?—поднялъ голову Харзевинъ. — Я? О, полноте, дитя мое, я нисколько не сержусь на васъ!.. Я, видите-ли, ошибся немного: я думалъ, что вы полюбили

меня, и сказалъ вамъ эти слова... Теперь вижу, что я ошибся, и эти слова останутся между нами; я васъ попрошу никогда и никому не сообщать о томъ, что я говорилъ вамъ... А теперь прощайте, моя милая дѣвочка: я завтра уѣду отсюда и никогда ужъ не увижу васъ...

— А моя мать?... Вы скажете ей, что я такъ обидѣла васъ? — спросила Наташа.

— О, нѣтъ!.. Вы будьте покойны, мать ваша васъ не обидитъ, я все такъ устрою... Вы, когда придете домой, пошлите ее ко мнѣ, а теперь прощайте...

Харзевинъ всталъ; за нимъ встала и Наташа.

— Прощайте, — повторилъ Харзевинъ, — не поминайте меня лихомъ и позвольте поцѣловать васъ на прощанье...

Не дожидаясь согласія, Григорій Семеновичъ обнялъ дѣвушку и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ ее, потомъ круто повернулся и быстро зашагалъ къ Станихину.

Наташа долгимъ взглядомъ проводила его.

Въ этотъ-же день Харзевинъ уѣхалъ, подаривъ Матренѣ Силантьевнѣ пятьсотъ рублей, причемъ просилъ ее беречь дочь, не обижать, выбрать ей хорошаго жениха и если понадобится приданое — сейчасъ-же писать ему.

Матрена Силантьевна рѣшила, что баринъ «чудакъ», и была очень довольна окончаніемъ, хотя мечта о женитьбѣ барина на Наташѣ и не осуществилась.

VIII.

Наташа прослыла любовницей барина Григорья Семеновича Харзевина; многіе ей завидовали, многіе стали относиться съ пренебреженіемъ, только «бабушка Анна» знала истину и еще больше полюбила свою «дочурку Наташеньку».

А между тѣмъ о «красавицѣ изъ Станихина» шла молва, тѣмъ болѣе, что новый владѣлецъ Станихина, купецъ Шапиловъ, трубилъ о ней, и поговаривали, что онъ тратитъ на дѣвушку большія деньги.

Съ Шапиловымъ былъ пріятель Павелъ Евлампіевичъ Шипцовъ. Старикъ часто подтрунивалъ надъ пріятелемъ и смѣялся, что онъ, словно мальчишка, влюбился въ дѣвченку.

— А ты-бы посмотрѣлъ на нее, старый чортъ, такъ и запѣлъ-бы другое!—полушутя, полусерьезно говорилъ Шапиловъ. — Такая, братецъ ты мой, красавица, что страхъ!.. Словно вотъ тебѣ сердце обжигаетъ, какъ поглядишь на нее, право! Захоти она—погубить! Вотъ такъ-таки и ухлопаешь въ нее все! Не то дѣло—жену, дѣтей забудешь!..

— Ха, ха, ха!—смѣялся Шипцовъ.—Такъ что-же ты дремлешь? Возьми ее и держи въ своемъ Станихинѣ, утѣшайся...

— То-то и есть, что королевой себя держитъ не подступной!.. Я-бы ужъ ничего не пожалѣлъ, да дѣвка-то больно неприступна... Маткѣ ее подарки дѣлалъ, та на нее и покричить, и науку сдѣлаетъ—«будь-де съ купцомъ поласковѣе», куда тебѣ, и слушать не хочетъ!..

— Что за монахиня такая! Аль забыла, что барской полюбовницей была?—улыбнулся Щипцовъ.

— Не то забыла, а баринъ-то, вишь ты, холостой, надежду имѣла женить его на себѣ...

— Ага! Она дѣвка-то, знать съ башкой, красоту свою хочетъ продать по цѣнѣ дорогой.

— Вотъ то-то и есть!.. Ужъ я, братецъ ты мой, и ѣздить пересталъ туда: думаю себѣ, приколдуетъ дѣвка, ума лишишься. .

— Погляжу на красавицу твою, что за Царь-дѣвица такая!—произнесъ Павелъ Евлампіевичъ.

— Погляди, погляди; вотъ поѣдешь рощу-то мою смотрѣть и погляди, она те взболомутить, стараго чорта!..

Павелъ Евлампіевичъ, который покупалъ у Шапилова рощу въ Станихинѣ, не преминулъ съѣздить туда и, подъ предлогомъ попить молока, заѣхалъ къ Силантьихѣ.

Въ голубенькомъ лѣтнемъ платьицѣ, стройная, свѣженькая, шаловливо-веселая попалась ему на дворѣ Наташа; она въ тотъ день узнала, что мать ея ѣдетъ на цѣлый мѣсяцъ къ роднымъ въ Калугу и оставляетъ ее одну у «бабушки Анны»; предстояла, значить, жизнь, полная свободы, безъ строгаго контроля матери, безъ ея вѣчнаго муштрованія и выставки напоказъ различнымъ купцамъ и управляющимъ Шапилова.

Павелъ Евлампіевичъ сдержалъ своего рысака, запряженнаго въ кабріолетъ, и совсѣмъ влюбленными глазами скользнулъ по стройной фигурѣ дѣвушки.

— Тутъ, сказывали мнѣ, молока можно купить, такъ дѣ-бы это?—обратился онъ къ дѣвушкѣ.

— Это у насъ... Если угодно, то привяжите вашу лошадь и пожалуйте въ садикъ, я подамъ вамъ.

— Ладно-съ... Вы — дочка Матрены Силантьевны ключницы будете?

— Да, я дочь ея; маменьки нѣтъ, но все равно я подамъ вамъ всего... Пожалуйте.

Привязалъ на арканъ своего жеребца Павелъ Евлампіевичъ, разгладилъ бороду, усы поправилъ и вошелъ въ маленькій садикъ передъ домомъ эксъ-ключницы.

— Нну, дѣвка! — подумалъ онъ, усаживаясь къ столу. — То-есть вотъ дѣвка, такъ дѣвка!.. Станъ-то, походка-то... А глаза-то, глаза-то!.. Ээхъ!..

Павелъ Евлампіевичъ покрутилъ своей массивной кудрявой головой. Подала Наташа ему молока, ломоть бѣлаго домашняго хлѣба, кусокъ масла и, ласково улыбнувшись, спросила, — не нужно-ли чего еще?

— Нѣтъ-съ, не требуется, — отвѣтилъ точно немножко сконфуженный Павелъ Евлампіевичъ и сталъ придумывать какую-нибудь тему для разговора. Тема понемногу нашлась, и они разговорились, а чрезъ часъ старикъ совершенно влюбленный, ѣхалъ въ Москву, потряхивая головой и вслухъ приговаривая: «ну, дѣвка-красавица»!

Послѣ этого старикъ частенько сталъ пріѣзжать въ Станихино, познакомился съ Матреной Силантьевной и даже заслужилъ ея расположеніе.

Съ Наташей онъ было на первыхъ-же порахъ задумалъ встать въ фамиллярныя отношенія, но дѣвушка такъ холодно, даже презрительно посмотрѣла на него, что старикъ опѣшилъ и почувствовалъ къ ней какое-то уваженіе, смѣшанное со страхомъ. Извѣстно, что деспоты всегда чувствуютъ нѣкоторый страхъ къ лю-

дямъ, которые даютъ имъ отпоръ, не преклоняются передъ ними, какъ всѣ, ницъ, а гордо поднимаютъ голову.

— Глупа дѣвка, пользы своей не понимаетъ,— рѣшилъ Павелъ Евлампіевичъ. — Я-бъ ее такъ вознаградилъ, что любой-бы баринъ не побрезговалъ потомъ взять ее за себя!..

Рѣшивъ такъ, онъ сталъ дѣйствовать на мать, — очень ужъ полюбилась ему «станихинская красавица».

Бѣдной дѣвушкѣ опять пришлось потерпѣть отъ матери, но уже Матрена Силантьевна не стала такъ жестока,—она боялась и Харзевина, который могъ все узнать, и пришла къ заключенію, что лучше выдать Наташу замужъ, чѣмъ извлекать изъ нея пользу, эксплуатируя ея богатыхъ поклонниковъ.

Но все-же «поласковѣе» быть съ этими поклонниками дочку заставляла, грозя въ противномъ случаѣ «комнатой въ мезонинѣ», которая была чѣмъ-то вродѣ застѣнка.

Павелъ Евлампіевичъ тратилъ, тратилъ деньги, да наконецъ и «оборвалъ»; бросилъ все, и ни ногой въ Станихино; желѣзная воля желѣзнаго человѣка сломила страсть.

А теперь вновь передъ нимъ такъ и выросъ образъ «станихинской красавицы».

— Сынъ жениться хочетъ, полюбилъ!—думалъ онъ и, зная по опыту, какъ можно полюбить эту дѣвушку, сильно озаботился.

А полюбилъ Михаилъ Павловичъ Наташу страстно!..

IX.

Вхаль какъ-то Михаилъ Павловичъ изъ Станихина, гдѣ Павелъ Евлампіевичъ купилъ рошу, въ Москву; опустивъ возжи, шажкомъ, пробирался молодой чело-вѣкъ по кочковатой дорогѣ, вполголоса напѣвая пѣсенку.

Не смотря на ранній часъ іюльскаго утра, было уже довольно жарко; малѣйшій вѣтерокъ не колыхаль листы точно уснувшихъ придорожныхъ березокъ; тихо, тихо было кругомъ и только оводы съ жужжаньемъ кружились вокругъ лошади.

Вдругъ довольно живописная группа загородила дорогу Михаилу Павловичу. Какъ разъ посреди этой дороги лежала на боку опрокинутая телѣга, изъ которой выпали на землю какіе-то узлы, корзины и свертки; рядомъ съ телѣгой лежалъ совершенно пьяный мужикъ, благодушно ругаясь и тщетно пытаясь подняться на ноги: то подбѣгая къ пьяному мужику, то дергая безпечно рвущую траву лошадь, суетилась кругомъ молодая дѣвушка, одѣтая въ голубенькое ситцевое платье и коротенькую кофточку изъ чернаго полубархату: дѣвушка отъ усилій сдернуть лошадь и поднять мужика вся покраснѣлась, такъ и пылала румянцемъ, глаза у ней такъ и сверкали; густыя пряди русыхъ волосъ выбились изъ-подъ бѣленькаго платочка.

Михаилъ Павловичъ удержалъ свою лошадь и соскочилъ съ тарантасика.

— Что это у васъ такое случилось?— спросилъ онъ, подходя ближе и любуясь дѣвушкой.

— Да вотъ какая исторія вышла!—съ улыбкой указала она на телѣгу.—Поѣхала я въ городъ, мама за покупками послала, а этотъ вотъ,—дѣвушка толкнула ногой мужика,—напился въ городѣ; дорогой его разморило совсѣмъ, я ужъ сама правила, да вотъ на косо горѣ телѣгу-то перевернула, я упала, ну, и не могу ничего сдѣлать, а его никакъ въ чувство не приведешь... Помогите мнѣ, Бога ради!..

— Съ удовольствіемъ,—проговорилъ Михайлъ Павловичъ и подошелъ къ телѣгѣ.—Э, да у васъ ось сломалась, тутъ ничего не подѣлаешь!.. Да и колесо-то все разсыпалось!..

— Боже мой, что же мнѣ дѣлать?—чуть не со слезами сказала дѣвушка.

— А вы откуда?—спросилъ Шипцовъ.

— Изъ Станихина.

— Ключницы Матрены Силантьевны дочь?

— Да; а вы развѣ знаете мою маму?

— Нѣтъ, не знаю, а слыхалъ; у насъ тамъ роща.

— А, такъ это вы хотите рубить мою любимую рощу!—сказала Наташа и пристально посмотрѣла на молодого Шипцова.

— Да, мы,—улыбнулся тотъ.—А вы развѣ любите эту рощу?

— Очень!.. Это моя любимая роща!

— Гуляйте въ ней, мы еще погодимъ рубить ее до будущаго года.

— Это мало утѣхи; потомъ все же срубите!

— Ну, до того времени вы замужъ выйдете, въ другомъ мѣстѣ гулять будете...

Наташа нич го не сказала.

— Извольте, я помогу вамъ,—заговорилъ послѣ нѣ-
котораго молчанія, Михаилъ Павловичъ,—я переложу
ваши покупки въ свой тарантасъ и довезу ихъ и васъ
до дому, а мужикъ вашъ пусть тутъ проспится...

Наташа подумала немного.

— Благодарю васъ,—проговорила она,—но мнѣ, пра-
во, совѣстно, да и мама не стала-бы бранить...

— Совѣстится нечего, тутъ и двухъ верстъ не
будетъ, пустое дѣло, а маменьки вашей бранить васъ
за что-же?

— Вы—незнакомый мужчина, неловко какъ-то...

— Такой ужъ случай, ничего не подѣлаешь!

— Да, это правда,—согласилась Наташа и еще разъ
взглянула на Щипцова, точно желая узнать, какой
онъ, можно-ли ему довѣриться.

Молодой человѣкъ стоялъ передъ нею такой кра-
сивый, съ такимъ ласковымъ взглядомъ голубыхъ
глазъ.

— Такъ услужите, будьте такъ добры,—попросила
дѣвушка.

Михаилъ Павловичъ положилъ покупки дѣвушки
въ свой тарантасикъ, оттащилъ телѣгу въ сторону,
туда-же оттащилъ и заснувшего подъ говоръ мужика,
затѣмъ отпрягъ его лошадь и, привязавъ на возжи,
пустилъ пастись.

— Ну-съ; пожалуйста, садитесь,—обратился онъ къ
Наташѣ, любовавшейся его ловкими, сильными дви-
женіями.

Дѣвушка сѣла, и тарантасикъ покатилъ обратно
въ Станихино.

— Мѣста тутъ у васъ ничего, привольныя, но

только все-же скучно, я думаю; особливо зимой, — обратился Михайль Павловичъ къ Наташѣ.

— Да, не весело, все одной приходится быть...

«Я-бы съ тобой всю жизнь радъ пробыть, съ такою красавицей!» подумалъ Михайль Павловичъ, смотря съ боку на пылавшую румянцемъ нѣжную щеку дѣвушки. Счастливецъ баринъ станихинскій!

— Пршлое лѣто у васъ баринъ тутъ жилъ, тогда, чай, веселѣе было, — сказалъ вслухъ Михайль Павловичъ и пытливо взглянулъ на дѣвушку, ожидая, что она потупится, покраснѣетъ.

— Нѣтъ, все равно, — сказала Наташа, взглянувъ на Щипцова. — Иногда я ходила съ нимъ гулять, книги онъ мнѣ читалъ, но веселья никакого не было... Я не любила бывать съ нимъ, потому что онъ, знаете, говорить какъ-то особенно, по своему, по барски, и я съ нимъ сидѣть точно боялась, все мнѣ думалось, что онъ будетъ надо мной насмѣхаться...

Михаила Павловича такъ и подмывало спросить объ ея отношеніяхъ къ барину, но прирожденный тактъ мѣшалъ спросить это прямо, а откровенный, безхитростный, онъ подходитъ окольными путями не умѣлъ.

— Въ округѣ говорили, что баринъ въ васъ души нечаялъ, влюбился-де въ «станихинскую красавицу» по уши... Васъ вѣдь всѣ «станихинской красавицей» зовутъ, — наконецъ сказалъ онъ.

Дѣвушка пожала плечами.

— Пусть зовутъ, какъ хотятъ, говорятъ, что хотятъ!.. Про дѣвушекъ, вѣдь, всегда сочиняютъ что-нибудь...

Онъ улыбнулся.

— Красавица!.. Много такихъ-то красавицъ; не знаю, что нашли во мнѣ такого красиваго, а только мнѣ изъ-за красы этой тяжело живется...

— Почему?—спросилъ Михайлъ Павловичъ.

— Да потому, что всякій къ тебѣ съ любовью лѣзетъ, съ непрошенной лаской набивается, а это развѣ хорошо?.. Тяжело живется...

— А развѣ любить нехорошо?—опять спросилъ Михайлъ Павловичъ.

Дѣвушка подумала немного.

— Хорошо, я думаю если тебѣ человѣкъ по душѣ придется, добрый, да ласковый, не корыстный, не измѣнчивый; такой человѣкъ, который полюбить не за одну красоту только, а полюбить душевно, какъ сестру родную .. Такого вотъ человѣка любить хорошо... Умереть если за него, и то съ радостью можно...

Михайлъ Павловичъ шевельнулъ бровями.

«Эхъ, дѣвушка-то разумная рѣчи какія говорить!» опять подумалъ онъ. «Ну, красавица Станихинская!»...

Въ эту минуту изъ-за небольшой рошцы мелькнули крыши построекъ Станихина.

— Вы ужь меня, будьте такъ добры, до дому доведите и мамѣ сдайте, а то мама и Богъ знаетъ что подумаетъ,—обратилась Наташа къ Михайлу Павловичу.

— Непремѣнно-съ,—кивнулъ головой молодой человѣкъ и, хлестнувъ возжами, крупной рысью подѣхалъ къ крыльцу домика Матрены Силантьевны.

Х.

Благосклонно принятый, какъ сынъ богатаго купца, Михаилъ Павловичъ сталъ заѣзжать къ Матренѣ Силантьевнѣ частенько, и когда ему не приходилось бывать въ Станихинѣ съ недѣлю, ему точно не доставало чего, точно скучно дѣлалось, и образъ Наташи, какъ живой, вставалъ передъ нимъ.

«Точно приворожила дѣвка!» — думалъ онъ тогда и искалъ какого-нибудь предлога, что-бы ѣхать къ знакомому сѣренькому домику.

Часто молодой человѣкъ намѣревался прекратить эти поѣздки, не бывать у Силантьихи: „не пара-де мнѣ дочь ея, полюбовница барская, утѣха купцовъ богатыхъ“, но вслѣдъ-же за этимъ намѣреніемъ въ головѣ его вставалъ вопросъ: «да правда-ли все это? не выдумка-ли это досужихъ кумушекъ?»...

И воспоминаніе о скромной красавицѣ съ тихой рѣчью, съ стыдливымъ румянцемъ, съ задушевымъ словомъ заставляло приходиться къ заключенію: „да, вздоръ все это, не такая она, не можетъ быть такой“, а затѣмъ являлось желаніе ѣхать, взглянуть на нее, голосъ ея услышать, дивными очами ея налюбоваться...

И онъ ѣхалъ.

Наташа привыкла къ нему и съ удовольствіемъ проводила съ нимъ время. Въ обращеніи молодого человѣка не было того пошлаго заигрыванія, съ которымъ обращались къ дѣвушкамъ посѣтители ея матери; Михаилъ Павловичъ и говорилъ съ нею просто, переходя иногда въ дружественный тонъ, когда разговоръ ка-

сался предметовъ, близкихъ сердцу молодой дѣвушки, а предметы тѣ были—житейское горе, котораго достаточно извѣдала Наташа, и несправедливость людская, отъ которой она достаточно потерпѣла.

Михаиль Павловичъ чувствовалъ, что готовъ сильно полюбить и даже любилъ ужь, но только прошлое, страшное, таинственное прошлое дѣвушки пугало его.

Частые случаи паденія молодыхъ дѣвушекъ въ средѣ, которая окружала его, заставляли молодого человѣка быть недовѣрчивымъ, готовымъ вѣрить каждому слуху о темномъ прошломъ той или другой дѣвушки, а тутъ все было такъ естественно, что не вѣрить людскимъ слухамъ о связи Наташи съ бариномъ было не изъ за чего, хотъ и не хотѣлось, крѣпко не хотѣлось вѣрить.

Одинъ разъ онъ пріѣхалъ въ Станихино и, бѣгло осмотрѣвъ работы въ ново-купленной рошѣ, поѣхалъ, по обыкновенію, къ домику Матрены Силантьевны.

— Никого нѣтъ дома-то, батюшка, въ городъ уѣхали,—раздался старческій голосъ, когда Михаилъ Павловичъ хотѣлъ войти на крылечко. Онъ оглянулся и увидалъ бабушку Анну, которая сидѣла у входа въ садикъ и кормила циплять.

— А, бабушка Анна, добраго здоровья!—поздоровался молодой человѣкъ со старушкой, которую зналъ, и подошелъ къ ней.

Старушка поздоровалась и подвинулась на скамьѣ, давъ мѣсто гостю.

Михаиль Павловичъ сѣлъ, отеръ лобъ платкомъ и задумчиво сталъ чертить кончикомъ кнута по песку.

— Въ городъ, говоришь, уѣхали?—спросилъ онъ.

— Да, въ городъ.

— Такъ... А я заѣхалъ было, посидѣть хотѣлъ, побалагурить отъ скуки...

Бабушка Анна стряхнула послѣднія крошки и, отогнавъ прутикомъ циплять, опять сѣла на скамью.

— Дозволь-ка мнѣ, молодецъ, кой о чемъ спросить тебя,—заговорила она,—не посѣтуй на любопытство мое старушечье... За какимъ ты дѣломъ ѣздишь къ Матренѣ Силантьевнѣ?

Михаилъ Павловичъ смѣшался немного.

— Да такъ... Дѣла особеннаго нѣтъ, а заѣзжаю иногда... А что, бабушка?

— А вотъ что, родимый, не слѣдъ тебѣ ѣздить сюда... Ты на меня, на старуху, не сердись, я потому такъ говорю тебѣ, что первое дѣло вижу я, человѣкъ ты хорошій, душевный, а второе дѣло—Наташенька крѣпко любя мнѣ, милѣе дочери, дитяти родного милѣе, а гощенье твое на нее славу нехорошую положить, а, пожалуй, и хуже выйдетъ... Человѣкъ ты молодой, собой пригожій, рѣчи у тебя покладливыя—полюбить она тебя, а любовный-то жаръ сжигаетъ человѣка, и человѣкъ, жаромъ тѣмъ объятый, отъ грѣха не далекъ... Коли у тебя намѣренія чистыя, коль человѣкъ ты не женатый—поклонись свяхѣ и кончай дѣло честнымъ вѣнцомъ, а коли у тебя на умѣ мысли недобрыя—оставь дѣвушку, не губи ее... Вотъ восьмой десятокъ мнѣ идетъ, всякаго народу я видала, а такой чистой души, сердца такого хорошаго, какъ у Наташеньки, я не видывала, и погубить такую дѣвушку грѣхъ незамолимый... Оставь ее, Михайлушко, коли о вѣнцѣ съ ней не думаешь!..

Простыя слова эти тронули Михаила Павловича.

— Не бойся, бабушка,— сказалъ онъ,—я ничего худого не желаю твоей любимицѣ, она мнѣ и самому любя, я-бы съ великой охотой назвалъ ее женой своею, но... про нее ужь очень идетъ слава-то нехорошая, бабушка...

— Да, голубчикъ, идетъ... Она бѣлѣе снѣга бѣлаго, голубки чище, а слава идетъ... Оттого и идетъ, что всякій, на красоту ея прельщаючись, ходитъ за ней, ищетъ ее, а люди изъ того молву дѣлаютъ... Ты это про барина говоришь, про славу-то? А баринъ вотъ такъ-же, какъ и ты, частымъ свиданіемъ съ Наташенькой добраго имя ее лишилъ... Ой, мудрено дѣвушкѣ убережъ себя отъ молвы-то людской, больно мудрено!...

Старушка вздохнула.

— Спасибо, бабушка, что ты мнѣ сказала все это, я теперь знаю, что дѣлать, и больше людямъ не изъ-за чего будетъ судачить... Прощай, бабушка...

Михаиль Павловичъ поѣхалъ домой и всю дорогу, а потомъ и дома у него не выходила изъ головы мысль о Наташѣ.

„Нѣтъ, не даромъ привязалось къ ней сердце мое“, думалъ онъ, „полюбилъ я ее, а теперь, теперь она дороже для меня и самаго свѣта бѣлаго!... Чиста и невинна она... Правду говорила старуха, что слухъ пустить про дѣвушку легко, легко опозорить ее, а она, красавица моя, чиста, невинна!“...

Скоро послѣ этого Михаилъ Павловичъ нашелъ случай встрѣтиться съ Наташей, и у молодыхъ людей произошло объясненіе; не было въ томъ объясненіи пылкихъ рѣчей, громкихъ фразъ, просто вышло все; какъ-то невольно сказалось робкое слово „люблю“, а

потомъ такой-же робкій поцѣлуй завершилъ дѣло, и оба почувствовали, что крѣпко, сильно любятъ другъ друга. Михаилъ Павловичъ общалъ на дняхъ-же пріѣхать къ матери Наташи съ предложеніемъ, и молодая дѣвушка, радостная, ликующая, возвратилась домой. Весело было и Михаилу Павловичу, но мысль объ отцѣ туманила это веселье: онъ ждалъ упорнаго отказа, ждалъ сильной борьбы и, какъ видитъ читатель, не ошибся.

XI.

Зналъ Павелъ Евлампіевичъ характеръ своего сына и былъ вполне увѣренъ, что мудрено будетъ сломить его упорство и заставить отказаться отъ развѣдываннаго намѣренія; зналъ также старикъ и обаятельную красоту „станихинской красавицы“, а потому серьезно опасался за послѣдствія, съ ужасомъ ожидая, что вотъ, вотъ принесутъ ему извѣстіе о женитьбѣ любимаго сына на брошенной бариномъ любовницѣ, на такой-то безродной, сомнительнаго поведенія, дѣвицѣ... И она, эта популярная красавица, будетъ женой его, Михаила Щипцова, за котораго съ восторгомъ выдадутъ богатую купеческую дочку изъ лучшаго московскаго дома, да еще и придачи дадутъ хоть сто тысячъ... „Нѣтъ, не бывать этому!“ рѣшилъ старикъ и пошелъ за совѣтомъ къ своему пріятелю, Егору Васильевичу Рукавицыну.

Егоръ Васильевичъ Рукавицынъ — не пара Павлу Евлампіевичу: онъ ни больше, ни меньше, какъ мелкій торговецъ сапожнымъ товаромъ, ведущій обороты на такую-нибудь тысячу рублей; но своимъ хитрымъ, про-

нищательнымъ умомъ, своей сметкой, Рукавицынъ умѣлъ войти въ полное довѣріе къ богачу Шипцову, да и къ одному ему, а къ очень многимъ московскимъ куцамъ, стоящимъ неизмѣримо выше его на общественно-лѣстницѣ. Умный отъ природы, начитанный—онъ умѣлъ поставить себя даже повыше тузовъ-коммерсантовъ, они чувствовали его превосходство надъ собою, особенно когда Рукавицынъ выигралъ два очень запутаныхъ процесса, ничуть не уступая въ изворотливости умѣньи прибѣгнуть къ статьямъ закона любому адвокату. Рукавицынъ могъ-бы легко нажить деньги, пустивъ въ оборотъ свой умъ и знанія, но лѣнивый, какъ все почти даровитые люди, онъ „не пекся о дѣлахъ своихъ“ и часто манкировалъ очень выгоднымъ дѣломъ, увлечшись какой-нибудь книгой и слушая интересный процессъ въ судѣ.

Это былъ типъ „самоучки“, довольно часто встречающійся среди небогатаго купечества и мѣщанства. Выученный на мѣдныя деньги, такой самоучка знаетъ и исторію, и географію; особенно отечественныя, въ политикѣ силенъ, понимаетъ, зачѣмъ Англія послала дипломата въ Алжиръ и что на это скажетъ Франція; онъ обо всемъ толкуетъ, все судитъ и рядитъ, критикуетъ того или другого писателя, и краснобайствомъ заткнетъ кого угодно за поясъ. „Всю химію босикомъ прошелъ!..“ выражается народъ и недоумѣваетъ, почему у него „своя крыша каплетъ“; а крыша у такого самоучки непременно каплетъ, онъ чужую бѣду руками разведетъ, а къ своей и головы не приложитъ.

Такіе люди особенно падки давать совѣты и иногда довольно удачные.

Павелъ Евлампіевичъ засталъ Рукавицына дома и прямо приступилъ къ цѣли своего посѣщенія.

— Дѣло у меня есть до тебя, Егоръ Васильевичъ, — казалъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій.

Рукавицынъ потеръ руками, какъ человѣкъ, ожидающій чего-нибудь пріятнаго.

— Не больно досугъ мнѣ, — статейку тутъ одну пишу, редакторъ знакомый просилъ, но однако радъ тебя выслушать, проговорилъ Рукавицынъ. — Что у тебя какое? Или подъ горячій часъ по обыкновенію заушеніе кому-нибудь сдѣлалъ?

— Какое тамъ заушеніе! — махнулъ рукой Павелъ Евлампіевичъ. — Сынъ дѣвицу небольшою гожую полюбилъ и жениться хочетъ, вотъ что... Знаешь ты мово Михайлу-то — кремень-парень, не согнешь его и напроломъ идти тутъ нельзя, все дѣло испортишь. Нужно какую-нибудь механику подвести, вотъ я къ тебѣ за совѣтомъ и пришелъ, не придумаешь-ли чего?

Рукавицынъ глубокомысленно потеръ лобъ рукой.

— Нда, Мишу твоего переломить мудрено, характеръ сильный, самобытный... Пусть женится, самъ по-тому каяться будетъ...

— Эхъ, умный ты человѣкъ, а какую глупость скажешь!.. Пусть женится!.. Да развѣ это шутка? Вѣдь жена не сапогъ, съ ноги не сбросишь, чудакъ-человѣкъ!..

— Пошутилъ я, а ты и повѣрилъ! — улыбнулся Рукавицынъ. — Любовный жаръ это, другъ, его нужно лечить исподволь, хитростью, да горячностью все дѣло испортишь, пуще разожжешь только...

— Про то я и говорю; полюби мой меньшакъ али дочка — я-бы вылечилъ: разобралъ-бы метлу, да пол-

сотни всыпаль въ бокъ, вотъ-бы и излечились, а съ Михайломъ такъ нельзя—онъ напроломъ пойдетъ, головы своей не пожалѣетъ... Особливо опасно то, что дѣвка-то ужъ очень увлекательна... Вотъ какъ приворожить умѣетъ, что старикъ не устоитъ!.. Барина одного знатнаго чуть не женила на себѣ, прошлымъ лѣтомъ..

Павелъ Евлампіевичъ оглянулся на дверь и понизилъ голосъ.

— *Меня* чуть съ ума не свела!

— Ну?! Такъ ты ужъ не отъ ревности-ли хлопчешь?

— Поди ты!.. Заворожила дѣвка парня, приколовала, того гляди, обвиняется на ней, на любовницѣ барской!.. Помоги, братъ, по гробъ не забуду...

— Пой чаемъ, придумаю что-нибудь,—сказалъ Рукавицынъ и лукаво улыбнулся.—Въ головѣ планикъ маленькій ужъ составилъ... Пойдемъ-ка въ трактиръ, тутъ не рука...

Въ трактирѣ за излюбленной „парочкой чайку“ Щипцовъ разсказалъ все дѣло; разсказалъ, какъ онъ влюбился было въ Наташу, какъ она хороша, какъ Михаилъ Павловичъ прямокомъ объявилъ ему, что женится на ней во чтобы-то ни стало.

— Такъ слушай же, что я буду говорить тебѣ,—началъ Рукавицынъ. На Воробьевыхъ горахъ есть старикъ одинъ, котораго всѣ считаютъ за колдуна, и ваша братья, купечество, вѣрять ему, какъ богу какому...

— Знаю, слыхалъ, Устиномъ его зовутъ...

— Ну, вотъ, онъ самый; старикъ онъ умный, хитрый и нашему дѣлу поможетъ большую...

— То-есть отворожить любовь Мишкину, думаешь? спросил Павелъ Евлампіевичъ.

Рукавицынъ засмѣялся.

— Вотъ еще чудакъ-то! Да ты баба, что-ли, дура неповитая, что такимъ пустякамъ вѣришь? Эхъ, ты, голова!.. Механику мы подведемъ одну, ты слушай, знай... Твой Михайло парень хоть умный, но, какъ челоѣкъ необразованный, вѣритъ, вотъ какъ и ты-же, колдунамъ разнымъ, вотъ ты и подстрой какъ-нибудь чрезъ жену, чтобы онъ сѣзидилъ къ колдуну этому поворожить, что-ли, тамъ, сбудется-ли его желаніе, а раньше того—мы съ тобой побываемъ у колдуна и за двѣ красненькихъ подстроимъ его, чтобы онъ наговорилъ Мишѣ разныхъ ужасовъ: „дѣвица-де эта позорная, умыселъ-де имѣеть нечистый, чрезъ мать-де свою, колдунью, приворожила тебя, и въ этомъ родѣ“. Парень, конечно, изумится страшно. когда Устинъ всѣ его мысли и намѣренія знать будетъ и ужъ поэтому одному повѣритъ ему. Раздумье его возьметъ непременно, а вотъ пока онъ на распутьи-то будетъ—дѣвицу эту прибрать нужно, а сдѣлать это просто, сама мать ея отвадить сына твоего, стоитъ только сказать ей, старой, что ты сына, коли онъ женится на дочери ея, со двора прогонишь и гроша ему не дашь...

— Вѣрно, вѣрно, Васильичъ!—весело перебилъ Павелъ Евлампіевичъ Рукавицына.—Такъ все придумалъ, что и лучше не надо, удружилъ!.. Поѣдетъ-ли вотъ только Мишка къ колдуну-то?..

— Это ужъ бабѣ дѣло, на это ужъ пусть жена твоя его подобьетъ...

— Придурковата баба-то у меня, не сѣумѣтъ...

— Такъ я самъ его научу...

— Ну?!

— Конечно; вывѣдаю отъ него все, да и посовѣтую, меня-то послушается!

— Еще-бы!.. Спасибо, братъ, утѣшилъ!.. Я тебѣ самъ услужу... Когда-бы это намъ къ колдуну-то съѣздить?

— Да поѣдемъ сегодня, чего тамъ откладывать-то? Захватишь ему бутылочку наливки, закуски и обѣдаешь все за первый сортъ!

Допили пріятели чай и вышли изъ трактира.

Обоимъ было весело; Щипцовъ надѣялся обладать дѣло, а Рукавицынъ вполне былъ увѣренъ, что не только Павелъ Евлампіевичъ отсрочить ему плату по векселю, а и еще довѣрить хоть на пять лѣтъ.

XII.

Мартовское солнце садилось и косыми лучами освѣщало дивную панораму Москвы, которая вся, какъ на ладонѣ, открывалась съ Воробьевыхъ горъ; тысячами яркихъ огней горѣли кресты на московскихъ церквахъ и колокольняхъ; алмазами искрились позолоченныя лучами заката окна домовъ и пестрой лентой тянулась вдоль красавица-Москва далеко, далеко, сливаясь съ горизонтомъ и точно утопая въ туманъ наступающаго вечера.

Грандіозными уступами поднимались Воробьевы горы, кое-гдѣ обнаженные уже отъ снѣга и поросшія по склонамъ лѣсомъ; тамъ и сямъ виднѣлись отвѣсныя обрывы, темными массами глины выступая на бѣломъ фонѣ снѣга; внизу глухо шумѣли потоки весенней воды,

изливаясь въ Москву-рѣку и бороздя ее извилистыми шумящими лентами; точно на воздухѣ стояла живописная дача графа Мамонова, возвышаясь надъ самой рѣкой и точно грозя паденіемъ въ эту рѣку вмѣстѣ съ своими башенками, бельведерами и густымъ, словно лѣсъ дремучій, садомъ.

По спиральной тропинкѣ, которая начинается у самой рѣки и извилинами идетъ на гору, ѣхали въ легонькихъ санкахъ, запряженныхъ красивымъ сѣрымъ конемъ, Щипцовъ и Егоръ Васильевичъ Рукавицынъ; сытый, сильный конь едва, едва взбирался по крутой дорогѣ, поминутно оступаясь и скользя задними ногами.

— Экой чортовой дорожкой посовѣтоваль ѣхать! — сказалъ Павелъ Евлампіевичъ. — Тутъ, того гляди, голову сломишь!.. Ужъ прямая колдовская дорога, только къ колдунамъ и ѣздить по ней!

Рукавицынъ засмѣялся.

— Ничего, доѣдемъ! За то на горѣ съ пріятностью выпьемъ, закусимъ и чайку попьемъ...

— Да если еще гдѣ?

— Есть; крестьянинъ Крынкинъ тамъ трактирчикъ держитъ; хоть дорогонько беретъ за все, да за то подастъ—любо-дорого! Такого сыра, такой икры и у Тѣстова не каждому подадутъ, а сливки, такъ и совѣмъ рѣдкость... Да и у колдуна есть чего взять—наношено всякой всячины; купчихи ворохами ему таскаютъ, а онъ имъ за это туры на колесахъ разводитъ; дѣвицамъ жениховъ выколдовываетъ, а замужнимъ—мужнюю ласку, да любовь привораживаетъ... Иногда и замужняя пріѣдетъ на чужаго молодца погадать; прошлый годъ тутъ препотѣшная штука вышла: у купца Палилова

жена вторая молоденькая, а онъ-то старикъ; вотъ и влюбилась она въ чиновника одного, захотѣла его приколдовать и стала къ колдуну ѣздить, а мужъ это и узнай, пріѣхалъ къ колдуну и говоритъ ему: «вотъ», говоритъ, «тебѣ четвертная, пошли вотъ такую-то купчиху въ избу къ мужику Степану», а изба эта тутъ, въ селѣ Воробьевѣ-же. «Скажи», говоритъ, «что тамъ ее возлюбленный ждетъ». Колдунъ такъ и сдѣлалъ; пошла жена, а тамъ, замѣсто возлюбленнаго-то, мужъ!..

И задалъ же женѣ Палиловъ такую трепку, что она еле-еле отдышалась, а потомъ оставилъ въ мужицкой избѣ, «живи, говоритъ, тутъ и выучись полотна ткать, а пока, говоритъ, ты мнѣ собственноручно полотно не соткешь, я тебя каждую субботу бить буду»!.. Такъ и сдѣлалъ. Мѣсяца два жила его жена у мужика Степана, въ паневѣ ходила и ткать училась, а каждую субботу Палиловъ пріѣзжалъ къ ней и, замѣсто бани, по полусотнѣ горячихъ розгачей ей задавалъ!..

— Умная бестія!—замѣтилъ Павелъ Евлампевичъ и погналъ коня, такъ какъ круча кончилась, и дорога пошла по ровной улицѣ села Воробьева.

— Что-же, сперва попьемъ чайку или прямо къ колдуну поѣдемъ?—спросилъ Рукавицынъ.

— Сперва къ нему,—обладимъ дѣло, да вмѣстѣ съ нимъ пойдёмъ въ трактиръ... Гдѣ къ нему ѣхать-то?

— А вотъ поворачивай за село, тамъ на берегу у него особнякомъ изба стоитъ...

Путешественники наши проѣхали село и, своротивъ немного въ сторону, спустились по крутой тропинкѣ къ довольно красивому, отдѣльно стоявшему, домику.

Это и было жилище колдуна Воробьевыхъ горъ, знаменитаго когда-то дѣдушки Устина.

XIII.

На порогѣ довольно чистой избы Шипцова и Рубакицына встрѣтилъ старикъ, въ бѣлой ситцевой рубахѣ, поверхъ которой былъ надѣтъ глухой синій жилетъ съ мѣдными пуговицами.

Худощавое лицо старика, обрамленное сѣдой бородой, дышало насмѣшливой хитростью; глаза съ лучистыми вокругъ морщинками едва замѣтно улыбались и проницательно смотрѣли изъ-подъ черныхъ густыхъ бровей.

Безъ всякаго раболѣпства, съ сознаниемъ достоинства встрѣтилъ гостей старикъ и, окинувъ ихъ пристальнымъ взглядомъ, пригласилъ въ избу.

Изба была чиста, опрятна и даже щеголевата; въ углу, подъ образами, въ фольговыхъ ризахъ, стоялъ столъ, покрытый чистой скатертью; налѣво отъ входа, во всю почти стѣну, тянулись полки съ наложенными на нихъ пучками травъ и кореньевъ; въ простѣнкѣ между окнами стоялъ другой столъ, на которомъ были положены книги, въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ; надъ этимъ столикомъ висѣла большая не то картина, не то карта съ изображеніемъ какихъ-то линій, круговъ, страннаго зданія, окруженнаго сіяніемъ, и нѣсколькихъ человѣческихъ фигуръ; картина эта была писана масляными красками по совершенно бѣлому фону.

— Прошу садиться, гости дорогіе,—проговорилъ

колдунъ и указаль гостямъ на стоявшіе въ рядъ стулья, а самъ сѣлъ на скамью у печки.

Щипцовъ и Рукавицынъ сѣли и съ любопытствомъ оглянули избу.

— Вотъ ворожить къ тебѣ пришли, дѣдушка Устинъ! — шутливо сказалъ Щипцовъ, разглядывая колдуна.

— А ты, купецъ, не шути, — оговорилъ тотъ. — Пошто-же ты шель ко мнѣ, коли шуточкой дѣло начинаешь?.. Вѣдь у тебя горе на душѣ-то, беспокойно и одолѣла тебя забота, такъ зачѣмъ-же ты съ веселымъ ликомъ начинъ дѣлаешь? И достатокъ у тебя есть, и уваженіе отъ людей имѣешь, а вотъ вышла-же бѣда! Ну, значитъ, и нужно вѣру имѣть, да смиреніе, а не то что...

Щипцовъ съ изумленіемъ переглянулся съ пріятелемъ; Рукавицынъ согналъ съ лица скептическую улыбку.

— Тотъ вотъ, пріятель-то твой, — продолжалъ Устинъ, кивнувъ головой на Рукавицына, — человѣкъ невѣрующій, безпечный, модный человѣкъ, книжнымъ ученіемъ отшлифованный, такъ ему простительно, а тебѣ не слѣдъ... А о горѣ ты не думай, — оно пройдетъ... Видалъ, какъ солнышко тучами заволакиваетъ, туманить его, а потомъ опять оно, солнышко возсіяетъ?.. Ну, вотъ, и горе твое такъ...

Колдунъ опустилъ голову и сталъ чертить что-то пальцемъ на полу.

— Бѣжитъ потокъ по полю, чистый, да студеный, кажинный камешекъ въ немъ видѣнъ, — заговорилъ онъ точно про себя, — а потомъ бросятъ въ потокъ тотъ дрянъ какую-нибудь и затуманятъ его, муть послѣ

пустятъ, грязь со дна подымутъ, и нехорошій потокъ сдѣлается, а прошло время, сгладило все волной, и опять чисто, и опять потокъ весель, да пригляденъ... Все то смывается, все то проходитъ!..

— Это онъ про твое дѣло толкуеть, — шепнулъ Рукавицынъ Шипцову.

— Да... Все знаетъ! — такимъ-же шепоткомъ отвѣтилъ тотъ и обратился къ Устину. — А я вотъ къ тебѣ, дѣдушка Устинъ, пріѣхаль о дѣлѣ посовѣтоваться... Горе у меня, дѣдушка Устинъ!..

— Горе-гореваньице, съ милымъ разставаньице?.. Хе, хе, хе... Горе горькимъ виномъ гонять, сладкимъ пряникомъ закусываютъ... Принесъ-ли вина-то? — хитро улыбнулся старикъ.

— Принесъ, дѣдушка...

Шипцовъ досталъ сакъ-вояжъ и вынулъ оттуда двѣ бутылки водки, бутылку наливки и разныхъ закусокъ и все это подаль колдуну.

— О, магазей цѣлая! — проговорилъ Устинъ. — Спасибо, купецъ! выпью за твое здоровье и тебя угощу... А теперь ты мнѣ горе твое рассказывай... Я вижу у тебя его на сердцѣ, да безъ словъ человѣческихъ никому горю не поможешь... Господь, Тотъ и безъ словъ поможетъ, коли человѣкъ стоитъ того, а человѣкъ одинъ другому человѣку безъ словъ помощи не окажетъ... Выкладывай горе твое безъ утайки, а пока ты говоришь, — я карты разложу, соображеніе по твоему дѣлу сдѣлаю.

Устинъ досталъ изъ кармана шароваръ колоду засаленныхъ картъ и, разложивъ ихъ на лавкѣ, сталъ что-то шептать, а Шипцовъ рассказаль ему всю исто-

рію любви Михаила Павловича, его намѣреніе жениться на Наташѣ и закончилъ разсказъ предложенной Рукавицынымъ программой—повліять на влюбленнаго молодого человѣка вмѣшательствомъ его, дѣдушки Устина.

Старикъ внимательно выслушалъ, и когда Павелъ Евлампіевичъ кончилъ и попросилъ его „помочь горю“, положивъ при этомъ на колѣни ему двадцатипятирублевую бумажку—взялъ эту бумажку, сунулъ въ карманъ и смѣшалъ карты.

— Помогу я тебѣ, купецъ, помогу!—проговорилъ онъ. — Давно у меня все созрѣло, и знаю я, какъ помочь тебѣ... А сына ты пошли ко мнѣ, пошли... Да, не гоже твоему сыну взять за себя такую дѣвку! Вотъ картишки мои всю правду про нее сказали — негожая она... Картишками-то люди игры играютъ, въ забаву ихъ обратили, а кого Богъ разумомъ умудрилъ—тотъ въ нихъ многое видитъ, да... Коли не хочешь погубить сына—воспротивься ему...

— Ну, а какъ ты полагаешь, дѣдушка, женится онъ или нѣтъ?—съ глубокой вѣрой въ слова колдуна спросилъ Щипцовъ.

Колдунъ пожалъ плечами.

— Любовный бѣсъ,—сказалъ онъ,—большую силу имѣетъ; ежели онъ обуюетъ человѣка—человѣкъ безъ разума становится и на все-то, на все идетъ... Убійства смертныя изъ-за любви бываютъ, да... Хочешь ты обещать сына, отъ любовнаго недуга излечить—нужно дѣло дѣлать...

— Что-же такое нужно дѣлать, дѣдушка?

— А нужно, чтобы красавица эта соблазнительная сгинула, пропала чтобы.

— Такъ какъ-же это сдѣлать? Вѣдь не раба она моя; сдѣлать это мудрено...

— У тебя есть злато, а злату всѣ рабы... Много богатства лишишься ты, коли сынъ твой съ недостойной дѣвицей бракомъ сочается, горя тебѣ будетъ—числа нѣсть, а посему ты лучше теперь не жалѣй, да соблюди и сына... Коли хочешь, я твоему горю пособлю, дѣвицу ту уничтожу...

— Изведешь?.. Отравишь чѣмъ?—съ испугомъ спросилъ Шипцовъ.

— Хе, хе, хе! — добродушнымъ смѣхомъ залился колдунъ. — Ахъ, купецъ, купецъ!.. Нѣшто я убійца? Отравитель, нѣшто я?.. Муху, жучка какого-нибудь я и то не лишаю жисти, потому они твари, жить хотятъ, а человѣка отравить... Хе, хе, хе!.. Объ этомъ и подумать-то страшно!.. Нѣтъ, не бойся, купецъ, не убьемъ мы дѣвицу, а въ укромное мѣсто ее спрячемъ да и попридержимъ, доколѣ у твоего сына огонь-то любовный пройдетъ.. Въ старинные годы мы, бывало, и все такъ дѣлывали.

— То въ старинные годы, дѣдушка, а теперь это мудрено,—сказалъ Шипцовъ.—Куда ты ее припрядешь-то теперь?

— А это ужъ мое дѣло, купецъ... Коли хочешь ты все разумно устроить—выкладывай сотенный билетъ, да по окончаніи дѣла такой-же, — тоись когда твой сынъ дѣвку ту позабудетъ,—я тебѣ все облажу.

Шипцовъ вопросительно посмотрѣлъ на Рукавицына.

— Что-же, дай, Павелъ Евлампіевичъ, потому такъ-ли, сякъ-ли, а Мишу спасти надо: не жениться-же ему на фрелингъ-то барской!—сказалъ Рукавицынъ.

— Я дамъ; сотенный билетъ—пустое дѣло, я и не столько дамъ, только ладно-ли все будетъ?—сказалъ Павелъ Евлампіевичъ.

— Боюсь я вотъ чего: какъ приберешь ты дѣвицу, а парень-то мой тосковать будетъ,—вѣдь онъ ее полюбилъ-то крѣпко, приворожила она его, злодѣйка, крѣпко!.. Ну, какъ онъ сдѣлаетъ что-нибудь надъ собой?

Колдунъ махнулъ рукой.

— Не бойся ты этого, купецъ!.. Я ужъ его отворю, наговорю ему того, что онъ и самъ радъ будетъ бросить ее... Скажу я ему, что бѣжала-де она съ любовникомъ. Хе хе-хе!

Павелъ Евлампіевичъ вынулъ бумажникъ и подалъ старику сто рублей.

— Обдѣлывай дѣло, дѣдушка, я тебя наградить не пожалѣю, лишь-бы все кончилось благополучно,—со вздохомъ сказалъ онъ.

Колдунъ еще разъ подтвердилъ, что все кончится отлично, и пригласилъ гостей закусить. На столикѣ появились и отварные грибки, и икра свѣжепросольная, и осетрина, и маринованная стерлядь, такъ что купцы плотно поѣли и, ужъ не заѣзжая въ трактиръ, отправились домой, всю дорогу толкуя о колдунѣ и удивляясь его проницательности.

Скептикъ—Рукавицынъ только плечами пожималъ и нѣсколько разъ повторялъ: „да, есть на свѣтѣ вещи, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ“!

Отвлеченный умъ „образованнаго“ мѣщанина не могъ отгадать, что вся таинственная проницательность старика вытекала изъ пріобрѣтенной долгимъ опытомъ наблюдательности.

Михаиль Павловичъ въ этотъ промежутокъ времени еще разъ попросилъ у отца позволенія жениться на Наташѣ, клятвами увѣряя его, что она дѣвушка вполне хорошая, достойная даже лучшаго жениха, но опять отецъ прогналъ его и не приказалъ никогда упоминать объ этомъ, грозя въ противномъ случаѣ выгнать изъ дому и лишить всѣхъ правъ сыновнихъ.

Молодой человѣкъ рѣшился жениться безъ позволенія. Къ такому рѣшенію онъ пришелъ безъ всякой борьбы, потому что привязанность его къ любимой дѣвушкѣ была сильна, любовь выросла и пустила въ юное, неизвѣдавшее еще ее сердце крѣпкіе корни. Онъ сознавалъ, что уже не въ силахъ отказаться отъ Наташи, и одна мысль объ этомъ пугала его, и не только лишеніе отцовскаго наслѣдства, лишенія любви этого суроваго отца, самую смерть перенесъ-бы онъ скорѣе, чѣмъ потерю своей юной подруги.

Самое названіе „Станихино“ было уже для него дорого: въ немъ слышалось что-то родное, близкое, имя „*Наташа*“ звучало какъ-то особенно и какъ музыка тѣшило слухъ.

Сколько наслажденія было для молодого человѣка ѣхать въ Станихино, ждать въ роцѣ свиданія и затѣмъ проводить съ Наташей нѣсколько отраднхъ минутъ, мечтая, что скоро, скоро эти минуты обратятся въ дни, въ цѣлые годы счастья и радости...

И вдругъ отречься отъ всего этого!.. Это было не

по силамъ и такой могучей натурѣ; и даже такой могучей болѣе, чѣмъ слабой, потому что люди съ сильной натурой и любятъ сильно.

Окончательно убѣдившись въ упорствѣ отца и рѣшившись жениться безъ его позволенія, Михаилъ Павловичъ далъ замѣтить Матренѣ Силантьевнѣ, которая согласилась на бракъ дочери, что придется, можетъ быть, обойтись безъ согласія отца, который-де потомъ и простить, но первое время посердится и, можетъ, не пустить даже въ домъ.

Силантьевна возстала противъ этого и объявила, что она въ такомъ случаѣ дочь свою не выдастъ.

— Вы, батюшка,—сказала она,—богаты родителемъ, а сами по себѣ, извините меня, не богаче насъ; такъ за бѣднаго человѣка выдавать мнѣ дочь разсчету нѣтъ, у ней жениховъ и богатыхъ-то дѣвать некуда!.. Хорошо, — родитель простить васъ, а если онъ навсегда прогонитъ васъ и наслѣдства лишитъ? Э, нѣтъ, родной, такъ я не хочу!.. Вотъ вамъ мое послѣднее слово: коли родитель вашъ пріѣдетъ ко мнѣ и самъ засватаетъ за васъ Наташу — берите ее, а безъ того и думать нечего... Я попрошу васъ, батюшка, и не ѣздить къ намъ, потому зачѣмъ-же вы худую молву пустите про дѣвушку; коли ничего, можетъ быть, и не выйдетъ! И тутъ же Силантьиха выслала изъ комнаты Наташу и потомъ запретила ей выходить, когда пріѣдетъ молодой Щипцовъ.

Тогда Михаилъ Павловичъ рѣшилъ повидать свою дорогую невѣсту и обвѣнчаться съ нею тайно.

Сильно замирало сердце молодого человѣка, когда онъ ждалъ въ рощѣ Наташу, чтобы объявить ей о

своемъ рѣшеніи. Зналъ онъ, что Наташа любитъ его: можно было убѣдиться въ этомъ въ теченіе всей зимы, видаясь, не смотря ни на морозы, ни на вьюги, въ этой самой роцѣ у выстроенной для лѣсныхъ сторожей «зимовкѣ» раза два въ недѣлю; но боялся онъ, что не рѣшится робкая дѣвушка на такой смѣлый шагъ. Кто знаетъ, что одержитъ побѣду—любовь-ли, страхъ-ли къ беспощадной матери и боязнь за невѣдомое будущее, въ которое приходилось броситься, очертя голову, надѣясь только на прочность любви жениха, который и самъ-то не зналъ, что будетъ впереди, и надежна ли пристань, въ которую онъ войдетъ послѣ всѣхъ бурь.

А бурь впереди предстояло много.

Помимо того, что приходилось идти противъ воли грознаго отца и навлечь на себя его страшный гнѣвъ, нужно было еще озаботиться устройствомъ своей жизни, что являлось задачей не легкой, ибо начинать слѣдовало съ грошей, а на рукахъ должна была быть молодая, нѣжно любимая жена.

Крѣпко задумался Михайль Павловичъ и не замѣчалъ холоднаго мартовскаго вѣтра, который такъ и пронизывалъ его.

Думы были нарушены скрипомъ снѣга подъ чьими-то легкими торопливыми шагами.

Михайль Павловичъ поднялъ голову и увидалъ идущую къ нему съ радостной улыбкой Наташу.

XV.

Наташа только и жила въ послѣднее время мыслью быть вмѣстѣ съ Михаиломъ Павловичемъ, стать его женой и бѣжать, навѣки бѣжать изъ опротивѣвшаго ей Станихина. Любила Наташа не пылко, но прочно, и эта *прочность любви* росла съ каждымъ днемъ.

Дѣвушка ужъ успѣла оцѣнить молодого Щипцова и глубоко уважала его доброту, его ясный взглядъ на міръ Божій, его взглядъ на женщину; до сихъ поръ мужчины только пожирали ее глазами, да пошленько заигрывали съ нею; Михаилъ-же Павловичъ любилъ ее. Это она чувствовала, вѣрила этому и дорожила, какъ сокровищемъ, этой любовью, — она показалась ей самымъ вѣрнымъ залогомъ для счастья. Жить съ этимъ человекомъ всю жизнь, любить его, заботиться о немъ, а потомъ стать матерью и воспитать дѣтей—вотъ какія мечты наполняли жизнь дѣвушки и давали ей возможность довольно хладнокровно переносить и пустоту домашней жизни, и вѣчные нападки матери; нападки эти усилились съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ Павловичъ заявилъ о трудности склонить отца на согласіе дать позволеніе жениться на Наташѣ.

Матрена Силантьевна стала слѣдить за Наташей, стала постоянно упрекать ее въ излишней ласкѣ къ Михаилу Павловичу и грозить всѣми ужасами за какую-нибудь попытку сблизиться съ нимъ до вѣнца. У Наташи явился роковой вопросъ: что же будетъ, если она разстанется съ Михаиломъ Павловичемъ?

Она съ замираніемъ сердца спрашивала себя объ этомъ и боялась дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Какъ и всѣ слабыя натуры, Наташа искала помощи не въ себѣ, а извнѣ; «онъ, Миша, долженъ придти и все устроить», рѣшила она. «Онъ такой умный, такой смѣлый, безстрашный»,—думала она, «и съумѣетъ все сдѣлать... Онъ спасетъ меня, и выведетъ изъ этого страшнаго житія и не покинетъ меня, а съ нимъ, я пойду всюду!»

И вотъ теперь, когда мальчикъ-садовникъ сказалъ ей, что ее ждетъ Михаилъ Павловичъ, Наташа, радостная, счастливая, пошла къ нему.

— Наташенька, голубушка моя! — встрѣтилъ дѣвушку молодой человѣкъ и взялъ ее за руки. — Какъ одѣта-то легко, простудишься еще, храни Богъ... Михаилъ Павловичъ снялъ съ себя шубу и накинулъ ее на плечи дѣвушкѣ.

Наташа звонко засмѣялась, оглядывая себя въ длинной волочившейся по землѣ шубѣ.

— Ой, какая я смѣшная... Но вы простудитесь, возьмите назадъ, мнѣ тепло...

— Нѣтъ, нѣтъ, я въ тепломъ пиджакѣ, — сказалъ Михаилъ Павловичъ, любуясь дѣвушкой.

— Ну, хорошо, если тепло, побуду въ вашей шубѣ, а то мнѣ, дѣйствительно, немного холодно... Поторопилась я, побоялась, чтобы не увидала мама...

Наташа опять оглянула себя и снова засмѣялась.

— Вы веселитесь, Наташа. смѣтается, должно быть, вашему сердцу не больно, что насъ разлучить хотятъ, — съ легкимъ укоромъ проговорилъ Михаилъ Павловичъ.

Смѣющееся личико дѣвушки въ одну минуту омрачилось, вѣки глазъ дрогнули.

— Разлучить?—протянула она.—Разлучить?.. Нѣтъ, этого сдѣлать нельзя, я ужъ теперь не перенесу этого... Я думала, что вы все устроите, все сдѣлаете, и не думала объ этомъ, о разлукѣ...

— Я и устрою, радость моя, все устрою, все обдѣлаю, жизнь свою положу, но устрою, только... Михаилъ Павловичъ подвинулся къ Наташѣ и положилъ ей руки на плечи.

— Только согласишься ли ты, голубка моя, на все то, что я скажу тебѣ?

— На все, на все соглашусь!—рѣшительно воскликнула дѣвушка, и глаза у ней заблестѣли. Я теперь безъ васъ прожить не могу и тутъ не останусь... Что будетъ со мной, если все то, о чемъ я думала, чѣмъ жизнь-то моя красна была—отнять у меня?.. Вѣдь если у человека вынуть сердце—онъ умретъ... Вотъ такъ и я: я тоже умру, потому что все мое сердце тутъ, въ васъ... Нѣтъ, нѣтъ, самоубійцей я быть не хочу, и что бы вы ни сказали—я сдѣлаю...

— Такъ приди же ко мнѣ, жизнь ты моя, свѣтлая ты моя звѣздочка, жемчужинка ты моя!—съ порывомъ нѣжной страсти сказалъ Михаилъ Павловичъ и, обнявъ дѣвушку, покрылъ поцѣлуями ея щеки, глаза, волосы, шею.

— Все, все сдѣлаю я для тебя и дамъ тебѣ счастье!.. Коли ты любишь меня, ты не будешь требовать отъ меня богатства, роскоши первое время, а потомъ я тебѣ все дамъ... О, Боже мой, коли люди изъ-за одной только славы, да жадности богатство наживаютъ, такъ

неужели я изъ-за тебя-то не наживу его! Нѣтъ, нѣтъ, я не боюсь бѣдности, я возьму тебя, голубка моя!.. Бѣжимъ со мной и обвинчаемся тайкомъ, Наташенька!

Наташа близко прижалась къ Щипцову.

— А меня не отнимутъ у тебя, когда узнаютъ, гдѣ мы живемъ?—спросила она.

— О, нѣтъ!.. Обвинченныхъ не разлучить никому... Коли не хотятъ намъ люди дать счастья, такъ мы его сами возьмемъ! Сегодня-же, сегодня-же ѣдемъ, Наташа! Я найду тебѣ пріютъ и все устрою...

Михаилъ Павловичъ хотѣлъ снова поцѣловать дѣвушку, но вдругъ слышались быстрые шаги нѣсколькихъ человѣкъ, и чрезъ мелкій кустарникъ можжевельника на полянку, гдѣ стояли влюбленные, вышли: Матрена Силантьевна, какая-то франтовато одѣтая женщина и человѣкъ пять мужиковъ.

— А, вотъ ты какъ! — прошипѣла Силантьиха и бросилась къ дочери съ сжатыми кулаками.

Михаилъ Павловичъ загородилъ дѣвушку и поддержалъ ее, готовую упасть отъ испуга и всю поблѣднѣвшую.

— погоди, батюшка, заступаться-то, еще не мужъ! — злобно проговорила Силантьиха и обратилась къ мужикамъ. — Ребята, возьмите-ка ее отъ него, да проучите путемъ молодца, пусть не сманиваетъ дѣвокъ... Ну-ка, ребята!

Одинъ изъ мужиковъ, рыжеватый, тщедушный малый съ наглыми глазами, пошелъ впередъ.

— Робя, вали его!—обратился онъ къ товарищамъ и сбросилъ съ правой руки дубленку.

— Прочь!—съ перекосившимъ и поблѣднѣвшимъ

лицомъ крикнулъ Шипцовъ и схватилъ рыжаго за борта дубленки, тряхнулъ и какъ щенка швырнулъ въ сторону.—Убью, коли пальцемъ дотронется кто!..

Мужики отступили; рыжій съ трясущейся отъ страха нижней челюстью поднялся съ земли и потиралъ бока.

— Коли подойдете, пощады не ждите —убью!—продолжалъ Шипцовъ. — Коля возьмете, стрѣлять буду, револьверъ есть... На чай, что-ли, дали вамъ? Больше въдесятеро дамъ, оставьте и идите съ Богомъ...

— А, ты вотъ какъ!—опять заголосила Силантьиха, видя, что мужики сразу-же опѣшили и нерѣшительно переминались съ ноги на ногу, почесывая затылки.

— Ты вотъ какъ!.. Дочь-то отдашь, отдашь, голубчикъ, на это правъ нѣтъ, чтобы дочерей отъ матери отнимать! Отдашь!.. Наталья, иди домой!.. Проклянущу, засужу, въ тюрьмѣ сгною!.. Господи, да что-же это такое, а? Православные, да заступитесь-же, вѣдь родную дочь отнимаютъ!

Силантьиха завывала на всю рошу.

— Ты, купецъ, тово, ты дочку ей отдай, потому она, браисъ ты мой, дочь!—заговорилъ одинъ изъ мужиковъ. — Тутъ село, народъ сбѣжится—убьютъ и ее, полюбовницу твою убьютъ, у насъ раздѣлка-то съ руки, народъ вольный.. Ты отдай...

Шипцовъ быстро сообразилъ весь ужасъ своего положенія. Дѣйствительно, въ селѣ могли услышать крики Силантьихи и прибѣжать, а подгородный, буйный, драчливый народъ надѣлалъ-бы ужасныхъ вещей.

— Матрена Силантьевна!—обратился онъ къ воющей бѣлугой матери. — Я не отнимаю у васъ дочь, я хочу жениться на ней... Богомъ заклинаю васъ—не троньте

ее!.. Не браните, не бейте... Завтра я съ отцомъ при-
ѣду къ вамъ... Я вамъ денегъ дамъ, въ работники къ
вамъ пойду, но Христа ради не трогайте Наташу!.. Я...

Но въ эту секунду рыжій мужикъ, подкравшись
сзади, ударилъ Щипцова по затылку обрубкомъ полѣна,
и Михаилъ Павловичъ, вскрикнувъ упалъ ничкомъ въ
снѣгъ, увлекая за собой Наташу.

— Вотъ такъ-то лучше!— злобно проговорилъ рыжій
и схватилъ въ охапку дѣвушку.

— Пойдемъ, Матрена Силантьевна, пойдемъ, робята!..
Ты дочкѣ науку дома сдѣлай, мы, пожалуй, поможемъ,
а этотъ, — онъ толкнулъ ногой Щипцова. — этотъ отле-
жится, здоровъ! И, не дожидаясь отвѣта, мужикъ по-
несъ безчувственную Наташу, волоча по снѣгу ея распу-
щенной косой.

Матрена Силантьевна, пришедшая съ нею женщина
и мужики пошли слѣдомъ за нимъ, оглядываясь на
Михаила Павловича, лежащаго съ закинутой головой
и слегка стонущаго.

XVI.

Въ одномъ изъ переулковъ знаменитой Драчевки
есть домъ нѣкоего Зетова. Домъ этотъ стоитъ
во дворѣ и смотритъ на свѣтъ Божій семнадцатью
окнами, расположенными въ двухъ этажахъ безъ вся-
кой симметріи; окна эти малы, грязны и зиму, и лѣто
затворены двойными рамами.

Господинъ Зетовъ отдастъ верхній этажъ полной

и довольно видной дамѣ, Олимпіадѣ Захаровнѣ Иванчиковой.

Профессія госпожи Иванчиковой никому неизвѣстна; кто ни бывалъ у ней, всегда заставлялъ ее пьющей чай или кофе и читающей книжку, вродѣ «Чернаго гроба», «Заднѣпровской вѣдьмы» и т. п. На нескромные вопросы: «чѣмъ вы живете?» Олимпіада Захаровна отвѣчаетъ: «содержу нахлѣбницъ и не обижена богатыми благодѣтелями». У ней, дѣйствительно, постоянно живетъ человѣкъ пять, а иногда и болѣе молодыхъ дѣвушекъ, тоже читающихъ по цѣлымъ днямъ «Черные гробы».

Нахлѣбницы очень боятся своей хозяйки и называютъ ее «мадамъ».

Что касается до „богатыхъ благодѣтелей“, то къ мадамъ Иванчиковой иногда пріѣзжаютъ молодые и старые франты, и послѣ cadaго такого пріѣзда одна изъ нахлѣбницъ переѣзжаетъ на новую квартиру и затѣмъ является къ оставшимся подругамъ и хозяйкѣ на лихачѣ, а иногда и на своей лошади въ бархатной ротондѣ и въ соболяхъ.

Бываетъ часто такъ, что одна изъ нахлѣбницъ, вѣроятно, недовольная столомъ и квартирой, тайкомъ уходитъ изъ гостепріимнаго дома мадамъ Иванчиковой, но всегда находится заботливой хозяйкой и возвращается опять, а за капризъ, вѣроятно, получаетъ выговоръ, и выговоръ очень серьезный, ибо изъ дома слышатся крики и стоны.

Впрочемъ, господинъ Зетовъ такъ устроилъ свой домъ, что никакихъ „дразгъ“ изъ него не слышно, и упомянутые крики достигаютъ до слуха очень немногихъ.

Въ одинъ темный мартовскій вечеръ къ подъѣзду квартиры мадамъ Иванчиковой подкатила крытая пролетка, изъ которой вышла сама мадамъ Иванчикова и стройная скромно одѣтая дѣвушка въ бѣломъ низко спущеномъ платкѣ.

Мадамъ Иванчикова вошла въ свою квартиру и, приказавъ служанкѣ поставить самоваръ, раздѣлась и пригласила тоже сдѣлать свою спутницу.

Дѣвушка молча раздѣлась и осталась въ свѣтленькомъ ситцевомъ платьѣ.

— Иди, милая, въ комнаты, — обратилась къ ней мадамъ.

Въ комнатѣ дѣвушку встрѣтили пять такихъ же дѣвушекъ, но одѣтыхъ гораздо наряднѣе ея.

— Вотъ, барышни, я къ вамъ привезла подругу, — сказала своимъ нахлѣбницамъ мадамъ Иванчикова, — полюбите ее, обласкайте, она въ горѣ — жениха у ней отняли!.. Ну, да ничего, утѣшишься здѣсь, милушка, и найдешь себѣ жениха и покрасивѣе, и побогаче твоего сиволапаго медвѣдя... Кто у меня ни жилъ изъ дѣвушекъ — всѣ пристроились за людей богатыхъ и теперь въ каретахъ разъѣзжаютъ... Садись-же, Наташа, будешь пить чай, а пока поговори съ новыми подругами... Это вотъ Лиза, это Оля, это Катя, это Варенька, это Дара, а это, барышни, Наташа... Познакомьтесь!

Мадамъ пріятно улыбулась и вышла изъ комнаты.

Новая нахлѣбница Олимпиады Захаровны была Наташа, „станихинская красавица“.

XVII.

Въ тотъ самый день и въ тѣ самые часы, когда Михаилъ Павловичъ видѣлся съ Наташей въ рошѣ и уговаривался съ нею тайно обвѣнчаться, къ Матренѣ Силантьевнѣ пріѣхала изъ Москвы какая-то дама.

— Здѣсь живетъ Матрена Силантьевна?—спросила эта дама, входя въ домикъ ключницы.

— Здѣсь, — отвѣтила Матрена Силантьевна, съ любопытствомъ оглядывая посѣтительницу, одѣтую въ нарядное драповое пальто на лисьемъ мѣху и покрытую шелковымъ платкомъ.

— Это вы сами и есть?—сладко улыбнулась дама.

— Да, я... Что вамъ угодно?

— Позвольте отрекомендоваться вамъ: московская урожденка Олимпіада Захаровна Иванчикова... Пріѣхала я къ вамъ, милая Матрена Силантьевна, по дѣлу, — позвольте раздѣться?

— Милости просимъ, милости просимъ, пожалуйста!

Матрена Силантьевна помогла раздѣться гостьѣ и ввела ее въ довольно чистенькую и мило убранную домовитой Наташей комнату.

„Московсаая урожденка“, оставшаяся въ лиловомъ шерстяномъ платьѣ и въ бархатной кофѣ, оглядѣлась и, вынувъ серебряный порт-папирсъ, достала папирску.

— Не обезпокою васъ куреньемъ своимъ? — „манирно“ улыбнулась она.

— Ахъ-съ, нѣтъ!.. Я и сама, знаете, курю, но среди нашего необразованнаго класса энто п еп овожденіе

времени какъ-то манкируютъ, — сказала Матрена Силантьевна, старающаяся показаться гостьѣ „тонкой и образованной дамой“.

— Конечно! — проговорила гостя и, попотчивавъ Матрену Силантьевну папиросой, завела разговоръ о различныхъ московскихъ новостяхъ, о погодѣ, о политикѣ и даже коснулась литературы, заявивъ, что „теперича какъ-то нѣтъ хорошихъ сочинителей и пишутъ все больше о пустомъ, такъ что образованной дамѣ нечего читать“.

Поговоривъ о томъ и о другомъ и выкуривъ нѣсколько папиросъ, „московская урожденка“ приступила къ дѣлу.

— Я къ вамъ, милая Матрена Силантьевна, вотъ по какому случаю, — начала она и немного замялась.

— Что вамъ угодно? — почтительно спросила Матрена Силантьевна, исполнѣ очарованная любезностью и всѣмъ внѣшнимъ видомъ гостыи.

— У васъ есть дочь? — спросила въ свою очередь гостя.

— Да, есть... Вышла куда-то, должно быть, къ сосѣдкѣ-старушкѣ; я сейчасъ позову ее..

— Нѣтъ, ненужно: безъ нея намъ будетъ удобнѣе... Ваша дочь, какъ я слышала, красавица, и у ней очень много поклонниковъ... Да? Ну, вотъ, такъ я и слышала... Это, знаете, для молодой дѣвушки, особенно сироты, неудобно: какой-нибудь негодяй можетъ увлечь и бросить, да ужъ, какъ я узнала, и близко къ тому дѣло... До меня стороной дошло, что сынъ московскаго купца Щипцова ухаживаетъ за ней и обѣщаетъ жениться... Негодяй!.. Во-пе выхъ, онъ этого

сдѣлать не смѣть, потому что отецъ его прогнать, а во-вторыхъ, онъ и самъ этого не сдѣлаетъ, такъ какъ въ то-же время ухаживаетъ за одной богатой купеческой вдовой, на которой женится...

— Такъ неужто это правда, милая моя? — всплеснувъ руками, воскликнула Силантьиха.

— Истинная правда, истинная!.. Самъ старикъ Щипцовъ, — онъ мой хорошій знакомый, — просилъ меня побывать у васъ и попросить постеречь дочку и прогнать его сына...

— Сегодня-же отдеру ее, негодяйку, а его, подлеца этого — вонъ, сію-же минуту, чтобъ и духу его не было!.. Ишь ты, что задумалъ!.. Да нѣтъ, не на ту попалъ!.. Я ужъ, матушка, давно его пугнула и объявила, что безъ отца его и на порогъ не пущу!..

— И отлично сдѣлали... А вотъ вамъ старикъ Щипцовъ прислалъ пятьдесятъ рублей; это за хлопоты ваши, а потомъ онъ и еще дастъ вамъ... Госпожа Иванчикова подала разсыпавшейся въ благодарностяхъ Матренѣ Силаньевнѣ двѣ двадцати-пяти рублевыхъ бумажки.

— Чаю вамъ не угодні-ли? — сіяя, спросила Матрена Силантьевна.

— Пожалуй, но сперва мы поговоримъ о дѣлѣ. Гостя закурила папироску и пыхнула раза два.

— Я предложила-бы вамъ, милая Матрена Силантьевна, — заговорила она, — отпустить вашу дочь ко мнѣ... Я, видите-ли, одинокая, мой мужъ, — онъ былъ военнымъ, — умеръ уже давно; я имѣю состояніе, и все мое наслажденіе — воспитывать молодыхъ дѣвушекъ... Какъ я люблю это, Боже мой, Господи!.. У меня теперь живутъ три барышни: дочь полковника Голоступина

дочь помѣщицы Утиралкиной и племянница совѣтницы Артамоновой... Я люблю ихъ, какъ родныхъ, моихъ дѣвочекъ!.. А двухъ: Лизочку и Устиньку, я отдала замужъ; Лизочку за директора банка, а Устиньку за полковника; у того и другого по милліону состоянія!.. Помня моего мужа, ко мнѣ ѣздитъ много гостей; люди все богатые, знатные и все такіе влюбчивые — они непременно влюбятся въ вашу дочь и женятся на ней!.. Знаете, моя милая, почтенная Матрена Силантьевна, старикъ Щипцовъ говоритъ мнѣ: «возьмите, говоритъ, дочь у Матрены Силантьевны, а то, говоритъ дѣвушку погубятъ шалопаи; я же, говоритъ, не оставлю Матрену Силантьевну и за то, что она не женила моего сына на своей дочери — буду ей помогать»... Отпустите, моя дорогая!..

Госпожа Иванчикова съ жаромъ поцѣловала Матрену Силантьевну.

— Ахъ, я очень рада, голубушка, очень рада, но...

У чадолюбивой маменьки замелькали въ головѣ полковники Голоступины, директора банка, милліоны, вспомоществованія Щипцова, женихи, наслѣдство, приданое, и среди всего этого возникъ вопросъ: «но кто же эта госпожа Иванчикова?» Но тутъ опять замелькали женихи-милліонеры и различные полковники.

— Возьмите, возьмите, милая! — съ восторгомъ заговорила она и засуетилась. — Гдѣ же Наташа? Куда она дѣвалась?.. Я пойду, сейчасъ пойду, приведу ее.

Но въ это время въ комнату вошла извѣстная подруга Силантьихи, пьяная баба.

— Сиди, жди тутъ, балагу ь! — произнесла она, на-

пуская сивушнаго запаху.— Ты тутъ сидишь, а дочь-то съ любовникомъ въ рощѣ!.. Сиди тутъ, жди!

— Гдѣ?.. Какъ въ рощѣ? Съ кѣмъ? — привскочивъ съ мѣста, спросила Силантьиха.

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ!.. Знамо, съ кѣмъ?— Съ Мишкой Щипцовымъ... Я подглядѣла, куда она пошла, и выслѣдила ее, ну, и увидала... Стоять, обнявшись, да цѣлуются... Пойдемъ, поймаемъ на мѣстѣ.

Матрена Силантьевна заметалась, какъ кошка; она то хватала одежду, то бросалась къ Иванчиковой и къ бабѣ и положительно выла.

Иванчикова успокоила ее и предложила сейчасъ же идти въ рощу, захвативъ съ собою мужиковъ, проучить хорошенько Щипцова и въ ту-же минуту отправить Наташу въ Москву, къ ней, Иванчиковой: вознаграждать рабочихъ она бралась на свой счетъ.

Какъ была успѣшна облава — читатель знаетъ, мы добавимъ только, что разъяренной Силантьихѣ не удалось на этотъ разъ истязать свою дочь—госпожа Иванчикова не допустила ее до этого и, наскоро собравшись, усадила ее въ сани и поѣхала въ Москву, обѣщая завтра-же пріѣхать опять, захватить съ собою Матрену Силантьевну и ужъ въ Москвѣ, въ новомъ жилищѣ Наташи, проучить ее за все, въ примѣръ прочимъ барышнямъ.

Силантьиха напилась съ своей постоянной подругой „до положенія ризъ“ и, глубоко счастливая, рассказывала ей, какъ ея дочь выйдетъ за миллионера, и тогда она, Матрена Силантьевна, будетъ ѣздить на рыскахъ „въ бархатномъ манти“ и „пренебрегать знакомыми“.

XVIII.

Долго лежалъ Михайлъ Павловичъ; совершенно темно стало въ рощѣ; холодный пронзительный вѣтеръ зашумѣлъ надъ вершинами берёзъ; затянуло ледкомъ отошедшія за день проталинки, и снѣгъ холодными колючими снѣжинками запорошилъ въ лицо молодого человѣка. Онъ очнулся и раскрылъ глаза

Какъ разъ надъ нимъ выплывала изъ разорванныхъ темныхъ тучъ луна и холоднымъ блѣднымъ свѣтомъ своимъ осеребрила обледенѣлыя вѣтки деревьевъ, которыя кинули длинныя уродливыя тѣни по бѣлой снѣжной полянкѣ.

«Гдѣ я? Что со мной?» — тяжело шевельнулъ мозгами Михайлъ Павловичъ.

Голова у него сильно болѣла, вѣки точно придавливались чѣмъ-то тяжелымъ, въ горлѣ пересохло, руки и ноги ныли тупой ломящей болью.

И вотъ въ больной головѣ зашевелились мысли; сначала точно сонъ какой проходилъ въ воображеніи, грезилось что-то сладкое, пріятное, потомъ это смѣнилось чѣмъ-то тяжелымъ, гнетущимъ, и вотъ пошли воспоминанія...

Онъ пріѣхалъ, оставилъ у знакомаго крестьянина въ сосѣдней деревни лошадь, пошелъ въ Станихино... Потомъ былъ тутъ, въ рощѣ... Наташа пришла... А тамъ?.. Тамъ пришли люди, его ударили, онъ упалъ... А Наташа? Гдѣ-же она?

„Увели ее!“ не то подумалъ, не то крикнулъ молодой человѣкъ и вскочилъ на ноги.

Сперва онъ зашатался было, но потомъ твердо всталъ на ноги, глотнулъ, схвативъ горстью, снѣга.

„Да, да, ее увели!“ думалъ онъ. — „Гдѣ-же она? Что тамъ дѣлають съ ней?“...

Жгучая, давящая тоска, какой-то страхъ, ужасъ наполнили сердце молодого человѣка, и онъ, крѣпкій, могуче-сильный, зарыдалъ въ этой, одѣтой ночью мглой, роцѣ, какъ ребенокъ.

Потомъ онъ схватилъ брошенное пальто, покрылъ жаркими поцѣлуями тѣ мѣста его, которыя касались Наташинаго лица, когда она стояла, одѣтая имъ, надѣлъ пальто въ рукава и бѣгомъ пустился въ Станихино, задѣвая ногами за сучья и спотыкаясь.

Въ домикѣ Силантьихи не было видно огня, когда Михаилъ Павловичъ добѣжалъ до него и сталъ заглядывать въ окна. Страстное, непреодолимое желаніе взглянуть на дѣвушку овладѣло имъ. Онъ вбѣжалъ на крыльцо и сталъ стучаться въ дверь.

Никто не отозвался на его стукъ.

— О, Боже мой, Боже мой, что они сдѣлали съ ней!—прошепталъ Михаилъ Павловичъ и ухватился за толстую желѣзную скобу.

Не помня себя, онъ рванулъ за эту скобу разъ, другой, третій... Что-то затрещало, и дверь, соскочивъ съ петель, упала на Михаила Павловича; онъ оттолкнулъ ее и вошелъ въ комнату.

— Кто тутъ?—раздался откуда-то хриплый голосъ, и затѣмъ чиркнула спичка, мигнулъ огонекъ въ темнотѣ, и кто-то зажегъ свѣчу. Заспанная, растрепанная баба съ изумленіемъ на пьяномъ безобразномъ лицѣ поднялась съ полу, гдѣ она спала, и оглянула Михаила

Павловича; другая женская фигура, въ чемъ-то бѣломъ, вышла изъ-за перегородки и тоже уставилась на вошедшаго, шепча слова молитвы.

— Гдѣ... гдѣ Наташа?— подошелъ къ ней Михаилъ Павловичъ, узнавъ Силантьиху.

— Она... она... Да что-же это такое, матушки?.. Вѣдь это онъ! — приходя въ себя, заговорила Силантьиха.— Господи, разбой, что-ли, унасть?.. Марьюшка, голубушка, бѣги, кричи, поди, созывай народъ!— метнулась она къ бабѣ.

— Не шевелись, вѣдьма, а то убью, какъ муху поганую! — бѣшенымъ шепотомъ обратился Щипцовъ къ бабѣ и, схвативъ ее за плечи, посадилъ на лавку. — Гдѣ Наташа, гдѣ она?— подошелъ онъ къ Силантьихѣ. — Куда вы дѣвали ее? Что вы сдѣлали съ ней?.. Да говори-же, говори, не вводи ты меня въ грѣхъ великій — вѣдь убью я тебя... убью!..

Лицо Щипцова было блѣдно, глаза сверкали, и онъ трясъ за плечи Матрену Силантьевну.

— Да гдѣ-же она?— вдругъ зарыдалъ онъ и склонился предъ отшатнувшейся отъ него Силантьихой на колѣни.

— Скажите, скажите мнѣ— гдѣ она?.. Гдѣ Наташа?— съ страшной тоской, рыдая, спрашивалъ Михаилъ Павловичъ. — Куда вы дѣвали ее? что вы съ ней сдѣлали?.. Матрена Силантьевна, отдайте ее мнѣ!.. Я вамъ денегъ дамъ, пойду къ вамъ въ работники, жизнь свою отдамъ!.. Вѣдь она дочь ваша, пожалѣйте-же ее, --- она любитъ меня, она будетъ со мной счастлива... А я, я умру безъ нея. .

Матрена Силантьевна растерялась. Видъ рыдающаго

мужчины всегда поражаетъ и глубоко трогаетъ самыя черствыя натуры.

— Встаньте, батюшка, встаньте, что это вы!—растерянно проговорила она, поднимая за плечо Шипцова.

Тотъ поднялся съ колѣнъ и сѣлъ у стола, подперши голову руками.

— Я, батюшка, мать,—я счастія своей дочери желаю,—продолжала Силантьиха,—и выдать ее супротивъ вашего родителя, на покоры, да на мученье, мнѣ не охота... Я, сама по себѣ, ничего... я васъ уважаю, да только дѣло-то у насъ пошло неладно... Вы, коли вамъ Наташа такъ любя, попросите своего родителя, поклоняйтесь ему, и если онъ согласится, — честнымъ пиркомъ, да и за свадебку, а то вѣдь, батюшка такъ-то какъ будто нескладно...

Шипцовъ всталъ.

— Хорошо, я все, все устрою, все сдѣлаю!—сказалъ онъ.—Но только вы не мучьте Наташу. не обижайте ее и... и Бога самого ради, не отдавайте ее никому!.. Я знаю, что вамъ нужно богатство, деньги — у меня все будетъ!.. Гдѣ она теперь?

— Она-то? — спросила Матрена Силантьевна и задумалась. — Голова у меня болитъ, выпила я, признаться малость... Марьюшка, дай-ка поди, мнѣ рюмочку водки, я освѣжусь немного...

Пріятельница Матрены Силантьевны, съ любопытствомъ глядѣвшая на все происходившее, пошла въ соседнюю комнату и принесла оттуда водки.

— Попотчуй и молодца-то, Матрена Силантьевна,—обратилась она къ Силантьихѣ,—а то, вѣдь онъ дрожитъ весь...

Матрена Силантьевна молча налила двѣ рюмки водки и, выпивъ одну сама, пододвинула другую Михаилу Павловичу; тотъ залпомъ выпилъ.

— Гдѣ Наташа, спрашиваете вы?.. А гдѣ она—я и сама то не знаю!—съ тревогой въ голосѣ сказала Силантьиха.

— Какъ не знаете?—изумился Щипцовъ.

— А такъ, не знаю... Выслушайте меня, да и скажите, хорошо-ли я сдѣлала... Приѣхала ко мнѣ изъ Москвы какая-то барыня и говоритъ мнѣ, что «вотъ-де жалѣючи ваше сиротство, купецъ Павелъ Евлампьевичъ Щипцовъ, сына котораго вы прогнали, прислалъ меня къ вамъ»...

— Зачѣмъ?—перебилъ Михаилъ Павловичъ.

— А вы ужъ слушайте, я все по порядку расскажу... „Такъ какъ, говоритъ, дочь ваша красива изъ себя, и вы, говоритъ, женщина неопытная—отдайте мнѣ дочь вашу на воспитаніе... Я, говоритъ, воспитываю много барышенъ и многихъ за богатыхъ людей замужъ отдала; вашу, говоритъ, тоже пристрою, а Павелъ-де Евлампьевичъ за то, что вы сына его не окрутили, а спровадили отъ себя, завсегда вамъ помощь сдѣлаетъ“, и на первый разъ родитель вашъ прислалъ мнѣ съ барыней этой пятьдесятъ рублей...

— Ну?—съ нетерпѣніемъ спросилъ Михаилъ Павловичъ.

— Ну, я согласилась отпустить Наташу къ барынѣ этой, потому она понравилась мнѣ: «ладно, говорю, я отпущу»... Я-бы разузнала, кто это барыня, спросила-бы, гдѣ она живетъ; да вышла тутъ суматоха-то эта, когда изъ рощи-то Наташу привезли—я и отпустила

ее впопыхахъ-то, и адреса барыни не спросила, потому ужь очинно взволнована была... Завтра она прѣдетъ ко мнѣ...

— Господи!—прошепталъ Михайлъ Павловичъ.— Ну, а если не прѣдетъ? Если вы отдали Наташу Богъ знаетъ куда?... Можетъ, въ руки какой-нибудь дряни попала она!.. О, они на все, на все пойдутъ!..

Михайлъ Павловичъ въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Ой, ужь вы не пугайте меня, я ужь и то измучилась вся!—проговорила Силантьиха.—Вы ужь просите родителя своего, да кончайте, что-ли, скорѣй, а то это все индо голову мнѣ вскружило!.. Неужто тутъ подвохъ какой?... Барыня-то, кажись, хорошая... Я и не усну до завтра: смутили вы меня!..

Силантьиха выпила еще рюмку водки.

— Я поѣду и все узнаю,—сказалъ Щипцовъ.— Да, быть можетъ, она попала въ какія-нибудь дурныя руки!.. Если такъ—я найду ее, вырву мою голубку, но знайте тогда, что я не отдамъ вамъ ее!.. Я, Матрена Силантьевна, тоже имѣю на нее права: она любитъ меня, и коли не хотятъ мнѣ отдать ее добромъ, силой возьму!.. Прощайте пока, поѣду... Дверь я тутъ сорвалъ у васъ. отдайте поправить, я заплачу... Да коли вамъ деньги нужно — я привезу, у меня есть и свои тоже... Прощайте...

Михайлъ Павловичъ вышелъ и черезъ полчаса во весь духъ мчался въ Москву, погоняя своего ходкаго, выносливаго иноходца, запряженнаго въ бѣговыя санки.

XIX.

У госпожи Иванчиковой сидѣль въ это время дѣ-
душка Устинъ, колдунъ Воробьевыхъ горъ.

На старикѣ былъ надѣтъ длиннополый сюртукъ,
изъ тонкаго сукна, на ногахъ поскрипывали нарядные
смазные сапоги съ бураками, а волосы такъ и лосни-
лись отъ изобилія деревяннаго масла.

Прихлебывая чай съ ромомъ, старикъ весело улы-
бался и самодовольно поглаживалъ себѣ бородку.

— Ловко, ловко дѣльцо уладили, Олимпіада Заха-
ровна, ловко!—говорилъ Устинъ.— Дѣвицу къ рукамъ
теперича прибрали, желаніе стараго богача исполнили,
и исполать намъ!.. Сотенный билетикъ чистоганомъ
имѣете, да на мою долю семьдесятъ пять рубликовъ
есть, а впереди,—что Богъ дастъ... А ужъ будетъ впе-
реди, вѣрно знаю, что будетъ!.. Дѣвица дѣйствительно
красоты неизъяснимой и на вашу долю тутъ, при лов-
кости-то вашей, перепадетъ; какой-нибудь «франтъ,
сапоги въ рантъ» раззорится на эту красоту, и вамъ—
обиліе и добро!.. А я ужъ тоже какъ-нибудь отъ ста-
рика поживусь!.. Да, Олимпіада Захаровна, «голенькій
то охъ, а за голенькимъ-то Богъ!.. Какъ это пріѣхалъ
ко мнѣ Щипцовъ-то, рассказалъ все дѣло свое, тотъ-
же часъ я и вспомнилъ про васъ: «а», думаю, „Олим-
піада Захаровна мнѣ тутъ поможетъ!“ Такъ вотъ и
вышло... А я, право, такъ сейчасъ и подумалъ тогда:
«любить, молъ, Олимпіада Захаровна красивыхъ дѣ-
вицъ и найдетъ мѣстечко для красавицы, которая ку-
печескаго сына съ панталыку сбила»... Прихожу къ

ней, а ужь дѣвица-то въ клѣточкѣ! Хе, хе, хе, ловкая ты у меня бабочка!..

— Ловкая-то, ловкая, а вотъ ты, дядя Устинъ, обижаешь меня, себѣ-то берешь вонъ сколько, а мнѣ даешь вотъ сколько!

Олимпіада Захаровна сначала разставила руки во всю длину, а потомъ свела ихъ на вершокъ одна отъ другой.

— Экая ты какая завистливая! — засмѣялся старикъ.— Да вѣдь я дѣлюсь съ тобой во всемъ, чего-же тебѣ? Вѣдь какую ты кралоу-то себѣ пріобрѣла— диво! Вѣдь тебя **за нее** золотомъ осыплютъ, барыня!

— Когда-то еще осыплютъ, а ее поить, кормить нужно, одѣвать прилично, да еще упираются за всѣ мои благодаренія! Подъищешь какого-нибудь обожателя богатѣйшаго, а она на дыбы! То, да се. упрямится!..

— Э, у тебя не заупрямится!.. Знаю я, какъ ты ихъ въ чуланѣ за упрямство-то паришь!.. У тебя раздѣлка-то бѣдовая—шкуру спускаешь!..

— Строго нонче стало, того гляди, въ бѣду попадешь за паренье-то это,---сокрушенно замѣтила мадамъ Иванчикова.—Прошлымъ лѣтомъ я одну дѣвушку поскла, а она убѣжала отъ меня, да въ судъ было!.. На-силу, на-силу на ста рублѣхъ помирилась!

— А потомъ, чай, пять разъ по сту нажила отъ нея! — опять засмѣялся старикъ.

Олимпіада Захаровна улыбнулась.

— Да, къ банкиру одному пристроила ее; теперь принцессой живетъ, въ бархатахъ ходитъ, и я захожу къ ней, не забываетъ меня, даритъ частенько..

— А про старое, про науки не вспоминаетъ. Хе, хе. хе...

— Вспоминаетъ! „Спасибо, говоритъ, что меня, дѣвченку, на умъ-разумъ наставляли, учили; теперь, говоритъ, оцѣнила науку вашу, а то, говоритъ, по глупости не понимала пользы своей“. И другихъ также учить велитъ!..

— То-то!

Старикъ допилъ чай, перевернулъ стаканъ на блюдечкѣ вверхъ дномъ и всталъ.

— Ну! за угощеніе благодаримъ; къ намъ просимъ милости,--сказалъ онъ, помолившись на образа. — Ты, Олимпіада Захаровна, не забывай меня, заѣзжай новости-то мѣсковскія рассказывать, секреты-то бабы передавать; тебѣ вѣдь полгорода знакомо, а мнѣ, по ремеслу, моему, энтю нужно... Обиды отъ меня не будетъ; что чрезъ тебя добуду — пополамъ!.. До свиданья пока... Дѣвицу береги мотри! Гдѣ ласкай, гдѣ страхомъ, а что-бы она отъ тебя ни-ни!

— Ужъ объ этомъ не хлопочи!.. Лихо было заманить, а попала—такъ не выскочить!.. До свиданья, дядя Устинъ; какъ-нибудь на дняхъ заверну къ тебѣ... Прощай!

Олимпіада Захаровна проводила старика до дверей и приказала позвать къ себѣ ново-прибывшую нахлѣбницу — Наташу.

Нежданно, негадано попала эта новая нахлѣбница подъ гостепріимный кровъ Олимпіады Захаровны и очень обрадовала хозяйку. Большія надежды возлагала теперь мадамъ Иванчикова на красавицу дѣвушку. И всѣ нахлѣбницы мадамъ Иванчиковой были хорошень-

кія, но сравнительно съ Наташей онѣ пропали. какъ пропадаетъ, говоря избитой фразой, „скромный полевой цвѣтокъ передъ душистой махровой розой“.

Хорошо отблагодарилъ дѣдушка Устинъ за многолѣтнія сообщенія Олимпіадой Захаровной «купеческихъ тайнъ».

Олимпіада Захаровна, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей и вдова еще болѣе бѣднаго, хотя и не столь благороднаго выѣзднаго лакея, за котораго она вышла «по любви», бросивъ благородныхъ родителей, поняла, что ни работой иголкой, ни должностью горничной или ключницы не наживешь капиталовъ, и стала придумывать, оставшись вдовой, какой-нибудь особый родъ занятій. Сперва она занялась просто сватовствомъ и хотя отъ этого ремесла перепали деньжонки, но ихъ было недостаточно любящей «пожить» вдовѣ, и вотъ изъ роли свахи она перешла къ роли «воспитательницы молодыхъ дѣвушекъ», какъ она сама называла себя иногда.

Олимпіада Захаровна отыскивала какую-нибудь сироту-дѣвушку, непременно хорошенькую и брала ее къ себѣ, иногда съ разрѣшенія родственниковъ. а иногда и безъ разрѣшенія и начинала воспитывать. Воспитаніе это состояло въ томъ, что дѣвушку одѣвали куколкой. водили по театрамъ, гуляньямъ, а кончалось тѣмъ, что „воспитанница“ поступала подъ покровительство богатаго савраса или не менѣе богатаго старца.

Олимпіадѣ Захаровнѣ перепадаль въ такихъ случаяхъ кушъ довольно солидный.

Кромѣ такого воспитанія дѣвицъ, вдовушка зани-

малась еще секретными порученіями влюбчивыхъ купеческихъ женъ и часто устраивала свиданія «двухъ любящихъ сердець»; сердца платили ей и за свиданіе. и за держаніе въ секретѣ этихъ свиданій; послѣднія платы соразмѣрялись со степенью строгости супруга влюбленной.

О всѣхъ свиданіяхъ Олимпіада Захаровна доносила дѣдушкѣ Устину и потомъ совѣтовала влюбленнымъ погадать у колдуна на Воробьевыхъ горахъ; отъ этой комиссіи тоже перепадало не мало, и Олимпіада Захаровна жила припѣваючи, скапливая денежки на домикъ, облюбованный ею въ одномъ изъ переулковъ Тверской, а часть проживая съ отставнымъ штыкъ-юнкеромъ Завихляйскимъ, молодцомъ въ косую сажень.

Отъ новой нахлѣбницы Олимпіада Захаровна ждала милостей особенно щедрыхъ и богатыхъ.

— А, Наташенька!—съ нѣжной улыбкой встрѣтила Олимпіада Захаровна, вошедшую дѣвушку.—Садись-ка, милушка, покушай со мной чайку, да поговоримъ... присаживайся, душенька!

Наташа, все еще не пришедшая въ себя, все еще находящаяся какъ во снѣ, сѣла на пододвинутый стулъ.

Олимпіада Захаровна налила ей чаю и ласково стала гладить наклоненную, точно увядшій цвѣточекъ, головку.

— Ты, милая, не будешь вѣдь скучать у меня? — заговорила Олимпіада Захаровна, лаская Наташу.

— Вѣроятно, нѣтъ... Мнѣ не очень весело жилось, сказала Наташа, —но...

— Что, милая?

— Но... увижу-ли я скоро своего жениха?.. Я вѣдь

не знаю, зачѣмъ меня взяли сюда... Можетъ быть, для того, чтобы разлучить съ Миш... съ Михаиломъ Павловичемъ? Если такъ то не ласкайте меня, не уговаривайте: мнѣ не забыть, не забыть его!.. Я все перенесу, но... но его я не забуду...

— О, не бойся, душенька! — весело успокоила Олимпіада Захаровна. — Я и не думаю разлучать тебя съ твоимъ женихомъ, напротивъ того—я очень желаю, чтобъ ты вышла за него...

— Да?—просіявъ, спросила дѣвушка.

— Да!.. Но только, голубчикъ мой, нужно подождать: твоя мама поуспокоится, позабудетъ все, тогда мы тебя и устроимъ; да и женихъ твой тѣмъ временемъ устроить все, отца своего уговорить...

— О, какъ я благодарна вамъ, какъ я полюбила васъ!—пылко воскликнула Наташа и бросилась обнимать мадамъ Иванчикову.

Та весело смѣялась.

— А вотъ что: мама будетъ бить меня за это, за свиданіе въ рошѣ?—спросила Наташа.

— Нѣтъ, милушка!.. Ты ~~этого~~ теперь не бойся, тебѣ ничего не будетъ... Я тебѣ вотъ что скажу; я тебя и не отдамъ мамѣ!.. Она даже не будетъ знать гдѣ ты...

— Какъ?

— А такъ, очень просто... Я тебѣ объясню это... Я, милушка моя, очень люблю устраивать счастье молодыхъ дѣвушекъ, я на это всю жизнь свою пожертвовала!.. Вотъ и узнала я, что тебя не отдаютъ за любимаго жениха... „Бѣдная дѣвушка!“ подумала я, и дала себѣ слово устроить твое счастье... Я и устрою

его, только ты будь терпѣлива, послушна, люби меня, а ужь счастье тебѣ будетъ вотъ какое — полное!.. Я тебѣ и лучше еще жениха найду...

— О, нѣтъ, нѣтъ, лучше не надо!—испуганно схватила Наташа за руку мадамъ Иванчикову.

— Ну, хорошо, не надо, того возьмемъ, ты только потерпи.

— А вотъ что: мамаша меня не возьметъ отъ васъ судомъ? Не заставитъ она начальство взять меня?—спросила Наташа.

— О, не бойся!.. У меня всѣ судьи знакомы, начальниковъ много въ гостяхъ бываетъ, и я ничего, ничего не боюсь.

— Еще я васъ спрошу одно, моя милая... тетя, — заговорила, помолчавъ, Наташа.

— Зови меня не тетей, а мамашей, — поправила Олимпиада Захаровна.

— Ну, хорошо, я буду васъ такъ звать... Вотъ что, мамаша: я могу увидаться съ моимъ женихомъ?

У „мамаши“ дрогнули брови.

— Да, Наташенька, можешь, но не скоро...

— Не скоро!—печально протянула дѣвушка.

— Да, милая; нужно, знаешь, подождать, пусть все устроится... Но ты не скучай: тебѣ будетъ очень весело! Я тебя буду возить по гостямъ, по театрамъ, по циркамъ, по гуляньямъ... Очень, очень будетъ весело!.. Ты увидишь то, чего въ своемъ Станихинѣ и во снѣ не видала... А потомъ мы и жениха тебѣ покажемъ! Да, милая...

Олимпиада Захаровна еще нѣсколько разъ поцѣловала Наташ и, позвавъ остальныхъ нахлѣбницъ, стала

ихъ угощать чаемъ съ различными печеньями и вареньями.

Наташа въ эту ночь спала хорошо. Ей впереди представлялось много, много счастья. Жизнь съ нимъ, съ Мишей, грезилась ей въ эту ночь подъ гостеприимнымъ кровомъ „мамаши“.

XX.

Фильно озабоченный ходилъ по своей конторѣ Павелъ Евлампіевичъ.

Значительно упала въ немъ въ послѣдніе два дня увѣренность въ благополучный исходъ дѣла съ Михаиломъ Павловичемъ.

Дѣдушка Устинъ далъ ему, положимъ. знать, что „станихинская красавица“ спроважена въ надежное мѣсто и надолго разлучена съ Михаиломъ Павловичемъ, но, во-первыхъ, Михаилъ Павловичъ еще ранѣе того наотрѣзъ отказалъ Рукавицыну ѣхать къ колдуну гадать, чѣмъ положительно разрушилъ планъ повліять на него этимъ гаданьемъ и рѣчами старика, а, во-вторыхъ, вотъ уже два дня прошло, какъ Павелъ Евлампіевичъ не видалъ своего сына и болѣлъ объ немъ всей душой.

Мысли о томъ, гдѣ онъ, что съ нимъ, чѣмъ все кончится—не давали ему покою, и угрюмъ, мраченъ былъ Павелъ Евлампіевичъ.

Онъ очень любилъ старшаго сына и возлагалъ на него большія надежды.

— И дочь, и младшаго сына въ гробъ-бы положилъ за Михайлу! — говорилъ часто онъ. И вдругъ

теперь этотъ сынъ, любовь и гордость старика, «гибнетъ»!

Павелъ Евлампіевичъ положительно былъ убѣжденъ, что сынъ именно «гибнетъ», увлекшись Наташей. Помимо того, что дѣвушка безъ роду, безъ племени, безъ средствъ и хотя-бы какого-нибудь положенія была не пара сыну Шипцова, за Наташей, въ глазахъ Павла Евлампіевича, было темное прошлое, и онъ скорѣй-бы согласился лишиться сына, чѣмъ позволить ему взять въ жены «отставную барскую любовницу».

Выборъ во всякомъ случаѣ былъ не красивъ.

Но къ характеристикѣ Павла Евлампіевича нужно прибавить, что ему бѣдность Наташи, ея «безродность» были горше ея прошлаго. Онъ былъ истый сынъ своей среды, и будь невѣста съ упрекомъ, и съ упрекомъ очень яснымъ, но имѣй она десятки тысячъ и дома—онъ-бы, не колеблясь, благословилъ сына.

Но тутъ... тутъ не было ни тысячъ, ни домовъ. а лишь „худая слава!“

Именно только „слава“, а не доказанное, не очевидное паденіе избранной сыномъ дѣвушки.

И болѣло сердце у старика, и разрывалось оно тяжелыми, почти невыносимыми муками. Питъ началъ Павелъ Евлампіевичъ.

«Растерзалъ-бы я эту дѣвку!» думалъ онъ, мѣрдя полъ широкими шагами. «Своими-бы руками по кусочкамъ разорвалъ, задушилъ-бы, проклятую!.. Придумать не могу, что дѣлать!.. Круто повернуть — дѣло испортишь, Мишка-то больно упористъ, въ меня, чортъ, уродился, еще покремнистѣе будетъ!.. Выжидать, да придумывать—время опустишь!.. Эхъ, чтобъ тебя!.. А

ну, женится?... Сохрани, Господи!.. Я въ свой домъ безродную, голую дѣвку возьму! Нѣтъ, нѣтъ!.. А какъ помѣщаешь-то?... Эхъ, индо въ холодъ бросаетъ!»..

Павель Евлампіевичъ подошелъ къ шкафчику, досталъ графинъ и залпомъ выпилъ два стакана водки.

По корридору раздались быстрые шаги, и едва успѣлъ старикъ убрать графинъ, какъ въ контору вошелъ Михаилъ Павловичъ.

Лицо молодого человѣка было мертвенно-блѣдно, глаза лихорадочно блистали изъ-подъ сдвинутыхъ бровей.

Онъ остановился у дверей конторы, и облокотившись о косякъ, тяжело вздохнулъ.

Павель Евлампіевичъ уставилъ на него испытующій взглядъ.

— Гдѣ пропадалъ, сынокъ? — заговорилъ онъ. — Давно-ли это въ моду взялъ изъ дома-то, не спросясь, на двое сутокъ отлучаться?

Михаилъ Павловичъ шагнулъ впередъ.

— Давно-ли? — спросилъ онъ, и голосъ его задрожалъ. — А съ тѣхъ поръ, батюшка, какъ вы губить меня стали... Что вы надѣлали-то со мной?... За что вы меня хотите, какъ злого врага своего, погубить?... За что?... Мало вамъ того, что вы захотѣли лишить меня счастья, не дали мнѣ, въ мои годы совершенные, избрать себѣ жену по мыслямъ, такъ вы еще дѣвушку загубить хотите?... Этого, батюшка, я вамъ не позволю!.. Не дамъ я вамъ ее, не дамъ!.. Со мной вы вольны дѣлать, что хотите, а ее я не дамъ... Чтобъ она, чистая, добрая, свѣтлая, да гибла изъ-за меня? О, нѣтъ, батюшка, этого не б детъ... Куда вы дѣли ее? Гдѣ

она?.. Сказывайте, батюшка, сію-же минуту сказывайте! Михаилъ Павловичъ еще разъ шагнулъ и взялъ отца за руку. Тотъ освободилъ руку и отступилъ.

— Что ты? Гдѣ ты?—съ напускнымъ гнѣвомъ, спросилъ онъ.—Пьянъ ты, что-ли, что ко мнѣ съ такими рѣчами лѣзешь? Кто я тебѣ?

— Отецъ вы мнѣ, а я вашъ сынъ... Бейте меня, коли я виноватъ предъ вами, но сперва скажите, гдѣ она?.. Гдѣ она? спрашиваю я васъ!.. Скажите мнѣ, сію-же секунду скажите, или я батюшка, живымъ отсюда не выйду...

Михаилъ Павловичъ быстро распахнулъ свой пиджакъ и вынулъ изъ бокового кармана револьверъ.

— Коли вы не скажете мнѣ въ сей-же моментъ, куда вы дѣли Наташеньку—я тутъ-же, на глазахъ вашихъ и кончу съ собой... Мнѣ, батюшка, безъ нея не жить!..

Павель Евлампіевичъ бросился къ сыну, но тотъ отстранилъ его и приложилъ револьверъ къ виску.

— Не троньте меня!—крикнулъ онъ.—Если вы не хотите моей гибели—скажите мнѣ...

— Миша... Михайлушка... Сынъ, оставь, оставь, что ты дѣлаешь?—съ ужасомъ, съ мучительнымъ стономъ боли закричалъ старикъ и протянулъ къ сыну руки, невольно зажимая глаза отъ страшной картины и холодного, рѣшительнаго блеска сыновнихъ глазъ.

— Брось, брось, остановись!.. Я скажу тебѣ все скажу!.. Ухъ!..

Старикъ взглянулъ на спрятавшего револьверъ сына и, тяжело вздохнувъ, безсильно опустился на первый попавшійся стулъ

— Уморилъ было отца-то, злодѣй! — прошепталъ онъ, схватившись за сильно бьющіеся виски.

— Простите меня, батюшка, но противъ воли своей дѣлаю я это! — сказалъ Михайлъ Павловичъ, подходя къ отцу. — Гдѣ-же она, батюшка?.. Успокойте вы меня, пожалѣйте хоть немножко, вѣдь я сынъ вашъ!.. Вѣдь я измучился весь... Такъ она любима мнѣ, батюшка, что и жизни мнѣ не нужно безъ нея, а ее нѣтъ пропала... Гдѣ она, батюшка?

Михайлъ Павловичъ склонился передъ отцомъ на колѣни и зарыдалъ, зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Перестань, Михайла! — поднялъ его старикъ. — Сядь вотъ тутъ, я поговорю съ тобой... Павелъ Евлампіевичъ показалъ сыну на стулъ.

— Горько мнѣ, Михайло, очень горько, что ты идешь противъ воли моей, — заговорилъ Павелъ Евлампіевичъ тихимъ, упавшимъ голосомъ, — но, видно, судьба моя такая, али вѣкъ насталъ такой, что дѣти идутъ противъ родителей... Я тутъ подѣлать ничего не могу, знать, ты не ребенокъ... Ладно, бери себѣ въ жены безвѣстную дѣвку...

— Батюшка, Богомъ вамъ клянусь, что хорошая она! — воскликнулъ Михайлъ Павловичъ. — Не богатая, но хорошая, честная...

— Погоди... Это ужъ дѣло теперь не мое; какая она тамъ есть, такая и будетъ, съ такой тебѣ и жить... Былъ ты мнѣ хорошимъ сыномъ, не расточалъ имущество мое, не выходилъ изъ воли моей, работникомъ былъ. За все за это я награжу тебя, выдѣлю и иди ты отъ меня, куда хочешь...

— Батюшка!..

— Погоди не перебивай... Это мое послѣднее слово, и я его не измѣню. . Бери ты теперь любое: или будь мнѣ сыномъ и наслѣдникомъ добра моего, или женись на ней, на любовницѣ своей, и уходи... И изъ дома моего уходи и, коли уважаешь меня, изъ Москвы уѣзжай... Нонѣ-же я выдѣлю тебѣ часть капитала, и съ Богомъ...

Старикъ замолчалъ.

— Тяжело мнѣ, батюшка, будетъ идти изъ родительскаго дома, тяжело подпасть подъ вашу немилость,—сказалъ Михаилъ Павловичъ, — но я. . я принимаю ваше разрѣшеніе и женюсь... Если вы, батюшка, захотите узнать, какъ живетъ вашъ сынъ, то узнаете, что живетъ онъ хорошо, и полюбите, Богъ дастъ жену его... Ее не полюбить нельзя... Надежда на это и облегчить мнѣ перенести вашу немилость... Михаилъ Павловичъ всталъ и низко поклонился отцу. Благодарю васъ, батюшка, за позволеніе... Благословите меня и простите, что мнѣ пришлось огорчить васъ...

— Сдѣлаю по формѣ все послѣ... завтра, что-ли, а теперь иди... Побуду я одинъ, позаймусь кой-чѣмъ... Отсчитаю тебѣ долю твою...

— Нѣтъ, батюшка, этого не нужно: я отъ васъ ничего не возьму до тѣхъ поръ, пока вы меня сыномъ въ домъ не примите, — рѣшительно сказалъ Михаилъ Павловичъ.—Теперь я спрошу васъ: гдѣ моя невѣста?

— Она-то?... Я этого и самъ доподлинно не знаю... Положивши разлучить тебя съ нею, я попросилъ этого... колдуна тамъ какого-то съ Воробьевыхъ горъ, найти ей гдѣ-нибудь мѣсто, ну, онъ и устроилъ ее

гдѣ-то... Мать-то ее знаетъ, чай, ее и спроси... Тещу свою,—добавилъ съ горькой насмѣшкой старикъ.

— Она не знаетъ, впопыхахъ взяли то ее... Ужь вы дозвольте мнѣ колдуна этого спросить, — какъ-то застенчиво проговорилъ Михайль Павловичъ.

— Кто тебѣ мѣшаетъ —спроси... Рукавицынъ укажетъ тебѣ, онъ знаетъ... Ну, иди теперь, а утресъ придешь ко мнѣ...

Павель Евлампіевичъ отвернулся отъ сына, и Михайль Павловичъ вышелъ.

На разсвѣтѣ поѣхалъ молодой человѣкъ, и радостный, и задумчивый, къ Рукавицыну, распросилъ его о мѣстѣ жительства колдуна и отправился на Воробьевы горы.

— Сегодня въ ночь скоропостижно скончался нашъ дѣдушка Устинъ,—сообщили ему мужики села Воробьеве.—Въ Москвѣ, въ гостяхъ былъ, пріѣхалъ, да Богу душу и отдалъ!..

Словно громомъ пораженный, выслушалъ эту вѣсть Михайль Павловичъ.

XXI.

Доскакалъ Михайль Павловичъ опять къ Силантьихѣ и въ ужасъ привелъ ее, сообщивъ, что отецъ его не знаетъ, гдѣ Наташа, а человѣкъ, чрезъ посредство котораго она была увезена, внезапно умеръ.

Матрена Силантьевна рвала на себѣ волосы, плакала, кричала, грозила судомъ, начальствомъ, но все это нисколько не помогло горю, и когда она обратилась къ подлежащимъ властямъ, то ей весьма логично объяснили, что, если-де дочь ваша согласилась ѣхать

и живетъ гдѣ-нибудь по собственному своему желанію, такъ, если ее и можно найти, то не скоро, ибо по знакомству съ домовыми хозяевами можно очень долго не прописывать вида и жить безъ такового, а такъ какъ за уѣхавшей никакого преступленья нѣтъ, да и уѣхала она, отпущенная матерью, то судебной власти или полиціи нѣтъ и надобности ее розыскивать, и что ее доставятъ тогда, когда будетъ обнаружено проживаніе ее безъ вида.

Михаиль Павловичъ тоже было явился просить розыскать Наташу, объясняя, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ жить по собственному желанію, а гдѣ-нибудь держится насильно.

— Это вы такъ думаете,—сказалъ ему полицейскій чиновникъ, къ которому онъ обратился,—а на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, она живетъ съ полнѣйшаго своего согласія, такъ какъ Москва—не старинная Венеція, гдѣ находились подземныя тюрьмы, различные подземелья и тому подобное!..

Чиновникъ былъ большой любитель „страшныхъ романовъ“ и съ Венеціей былъ знакомъ по этимъ романамъ.

— Впрочемъ, согласно заявленію матери о пропажѣ дочери, мы, чрезъ трехъ-дневный срокъ, сдѣлаемъ явку и куда слѣдуетъ напишемъ,—добавилъ онъ.

Не дождался Михаилъ Павловичъ этихъ явокъ, переписокъ и справокъ, и, томимый страшной неизвѣстностью, измученный тоской, отчаяніемъ,—запилъ.

Запилъ онъ „во-всю“.

Люди со складомъ характера, какой былъ у молодого Щипцова, запиваютъ рѣдко, но ужъ если запиваютъ, то въ широкихъ размѣрахъ.

У нихъ велика любовь, велика, хоть и трудно вызываема, ненависть, велико горе, и затопить такое горе виномъ не легко, да и натура, подъ стать характеру, бываетъ желѣзная, выносливая, не скоро ее сломишь и сдѣлаешь безчувственной ко всему.

Размахнется такой человѣкъ во всю силу, во всю ширь мощной натуры и пойдетъ „косить“ направо и налево; хочется избыть горе, забыть его.

Пока есть возможность и основаніе къ борьбѣ — такіе люди борются и не знаютъ устали въ этой борьбѣ; бьются, какъ львы, но когда все потеряно, ухватиться не за что, борьба бесплодна — они не складываютъ руки, не опускаютъ голову, а начинаютъ топить горе въ винѣ.

Это имѣетъ глубокій смыслъ и значеніе: отъ широкаго разгула горе хоть немного, да облегчается, муки затихаютъ. Конечно, вмѣсто медленно губящаго вина можно употребить скоро дѣйствующій револьверъ, ножъ или утопить себя съ горемъ не въ винѣ, а въ рѣкѣ, но вотъ тутъ-то и сказывается человѣчность, — помимо страха отъ вопроса: „что будетъ тамъ, въ той безвѣстной сторонѣ, откуда нѣтъ пришельцевъ?“... у человѣка еще не пропало, не смотря на всю безысходность горя, любовь къ жизни, да нѣтъ, нѣтъ и мелькаетъ, какъ огонекъ у заблудившагося путника, передъ глазами надежда: а вдругъ, а какъ-нибудь, а авось!...

И живетъ человѣкъ, и топитъ горе „на днѣ станкана“, и забывается въ дикомъ разгулѣ, отдыхая иногда на этомъ могучемъ для каждаго человѣка „а *можетъ быть*“!...

Прокутивъ одинъ разъ всю ночь, Михаилъ Павловичъ сидѣлъ утромъ въ грязненькомъ трактирѣ на Разгуляѣ и пилъ чай.

Подперши страшно болѣвшую послѣ кутежа голову, сидѣлъ онъ за столомъ, не замѣчая ничего вокругъ, и думалъ, думалъ о такъ неожиданно улетѣвшемъ отъ него счастіи...

Послѣ разгула, въ минуты мучительнаго „похмѣлья“ человѣку, пьющему „съ горя“, бываетъ еще тяжелѣй, еще невыносимѣе, а Шипцову тѣмъ болѣе, потому что онъ, при всемъ желаніи, не могъ ужъ утромъ пить, какъ это всегда бываетъ съ людьми непьющими.

И ныло сердце, и болѣло, и просились на глаза горькія, жгучія слезы.

— Что киснешь, купецъ, аль башка съ похмѣлья болить?—раздался голосъ сзади Шипцова.

Онъ оглянулся и увидалъ молодого малаго, въ оборванномъ платьѣ, съ воспаленными отъ долгаго пьянства глазами.

Шипцовъ вспомнилъ, что онъ познакомился съ этимъ малымъ ночью въ развеселомъ трактирѣ гдѣ-то у Преображенской или Покровской заставы. Это былъ низенькій брюнетъ, лѣтъ двадцати-пяти, сухой, жилистый, мускулистый парень, съ насмѣшливыми черными глазами и вьющимися и спускающимися на лобъ черными-же волосами. Пилъ онъ страшно много, но не хмѣлѣлъ, а только дѣлался все блѣднѣе и блѣднѣе, да скрипѣлъ зубами, грозя кому-то страшными словами и кого-то проклиная. Безшабашной удали въ немъ было много и въ трезвомъ; человѣкъ точно нарочно

рвался на опасность, точно искалъ какой-нибудь отчаянной гибели.

Михаилъ Павловичъ вспомнилъ, какъ этотъ черненькій маленькій человѣкъ удивилъ вчера всѣхъ посѣтителей отчаянной выходкой.

Въ трактирѣ сидѣло человѣкъ шесть ломовыхъ извозчиковъ, звѣрски пьяныхъ, звѣрски дикихъ, съ красными свирѣпыми лицами, съ налитыми кровью глазами; говорили, что эти извозчики убили какого-то артельщика и пропивали ограбленные у него деньги. Съ ними сидѣла женщина, еще молодая, недурная, но съ такимъ испитымъ лицомъ, съ такимъ яркимъ румянцемъ на впадинахъ щекъ, что видно было присутствіе въ ней самой злой чахотки, а осунувшіяся плечи и впалая грудь еще больше подтверждали это. Женщина пила почти наравнѣ съ извозчиками и не уступала имъ въ страшной ругани. Вдругъ она разсорилась съ ними, что-то украла, чѣмъ-то обманула и хотѣла было убѣжать, но извозчики схватили ее и начали бить.

Каждому приводилось видать, какъ ломовые извозчики бьютъ своихъ кормилецъ-лошадей; такъ-же они бьютъ и женъ, и подругъ своихъ; полѣно, ременный кнутъ, пудовой кулакъ, возжи — все идетъ въ дѣло, и не знаешь чему удивляться — жестокости-ли бьющаго или живучести жертвы.

— Ай, батюшки, — съ отчаяніемъ воскликнулъ бунфетчикъ, — убьютъ они бабу-то!.. Ребята, ребята, — обратился онъ къ половымъ, — отнимите ее!..

Но тѣ только рукой махнули и посторонились къ дверямъ, видя, какъ пьяные мужики повскакали съ

мѣстъ и начали бить и женщину и другъ друга, плохо разбирая, кто ея заступникъ, кто врагъ.

Затрещали столы, зазвенѣла разбитая посуда; буфетчикъ проворно сталъ надѣвать сюртукъ, чтобы бѣжать за полиціей.

— Смирно, вы, черти лохматые!— вдругъ звонкимъ металлическимъ голосомъ крикнулъ черненькій и подошелъ къ извощикамъ. — Оставь бабу, лѣшіе, я васъ!..

Мужики бросили драку и дикими глазами уставились на парня, недоумѣвая.

— Осатанѣли, черти, налили бѣльмы-то!— продолжалъ тотъ. — Вотъ я вамъ бороды вытреплю...

— Бей яво! — вдругъ хрипло крикнулъ одинъ и, уронивъ столъ, бросился на черненькаго; тотъ ловкимъ ударомъ, вдоль всего лица сбилъ его съ ногъ и, схвативъ бутылку изъ-подъ пива, не разбирая началъ бить ею направо и налево ошеломленныхъ мужиковъ. Все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно, удары сыпались такъ часто, что мужики растерялись, дрогнули и, объятые паническимъ, животнымъ страхомъ, бросились бѣжать.

Черненькій, какъ ни въ чемъ ни бывало, сѣлъ за столъ и, обнявъ окровавленную бабу, сталъ угощать ее водкой и просить спѣть пѣсню.

Всѣ только руками развели.

— А, это ты!— вспомнилъ Шипцовъ и протянулъ черненькому руку.

— Я, братъ, самый...

Черненькій сѣлъ за столъ и спросилъ водки.

— Выпьемъ-ка вотъ лучше, купецъ, а то ты, замѣчаю я, слабѣе, въ башкѣ-то трезвонъ идетъ... Выпивай!

— Нѣтъ, не могу... Въ горло нейдетъ, все еще не могу привыкнуть, — съ отвращеніемъ глядя на водку, сказалъ Михаилъ Павловичъ.

— Привыкнуть не можешь? Да ты развѣ недавно, что-ли, пьешь-то?—спросилъ черненькій.

— Недавно...

— А, вотъ оно что!.. Съ радости, видно? Ха, ха, ха!.. То-то я замѣчаю, что купецъ чистякъ такой. а изъ трактира въ трактиръ ѣздитъ, да водку хлещетъ зря... Обидѣли, что-ли тебя, али дѣло лопнуло?

— Обидѣли...

— Ага!.. Ты вотъ что: ты надъ обидчикомъ сердце сорви, душу отведи, тогда и пить перестанешь, и челювѣкомъ будешь, а то погибнешь, вотъ какъ я погибъ... Я, братъ, отъ того погибъ, что обидчика найти не могу... Меня тоже обидѣли, невѣсту у меня отняли...

— Невѣсту? — спросилъ Щипцовъ, сильно заинтересованный.

— Да, невѣсту... Вотъ какая у меня невѣста была — утѣха! Отняли, братъ, погубили, въ полюбовницы старому купцу отдали, а потомъ и дальше пустили... Умерла она теперь, въ больницѣ умерла...

Черненькій залпомъ выпилъ два стакана водки.

— Въ больницѣ умерла и на казенный счетъ, въ досчатомъ гробѣ ее схоронили! — добавилъ онъ и опять выпилъ.

— Я теперь, купецъ, нагуливаюсь, волей тѣшусь, потому скоро меня въ Сибирь, въ каторгу сошлютъ...

— Въ Сибирь? За что?—спросилъ Щипцовъ.

— Какъ за что? А погубительницю-то моей невѣсты

я убью... Я ее нашелъ, узналъ и вотъ скоро сосчитаюсь съ ней... Погуляю вотъ, а потомъ и приду...

Глаза у черненькаго засверкали.

— Приду и скажу ей: „здравствуй, Олимпіада Захаровна, здравствуй, матушка“, да ножемъ ее и пырну!.. Пырну-то такъ, что не сразу убью, а издыхать будетъ долго... А сперва потѣшусь съ ней, поговорю, ножъ покажу... Эй, подай мнѣ водки еще, да живо, а то вверхъ башкой на всю жизнь поставлю!

Черненькій сталъ пить, уговорилъ выпить и Щипцова, который, выпивъ, дѣйствительно „отошелъ“ немного, какъ выразился черненькій, когда, выпивъ, пріятели отправились на нанятой тройкѣ за городъ.

«У него хоть утѣха впереди есть, надъ обидчикомъ душу отведетъ», думалъ Щипцовъ, «а у меня и того нѣтъ!.. Кто мой обидчикъ? Отецъ родной!.. Нѣтъ, умереть, видно, лучше, а то это не жизнь!..» Но сейчасъ-же являлся вопросъ: «да неужели-же Наташа такъ-таки и пропала навсегда?».. А вслѣдъ за вопросомъ являлось страшное желаніе жить, жить и жить!..

Михаилъ Павловичъ рѣшилъ немного освѣжить своего новаго пріятеля, вызвать его на откровенность и заставить рассказать исторію съ его невѣстой, съ надеждой найти въ этой исторіи нить къ развязкѣ страннаго и во всякомъ случаѣ непонятнаго исчезновенія Наташи.

XXII.

А Наташѣ жилось очень недурно.

Полная радостныхъ надеждъ на близкое, быть можетъ, свиданіе съ женихомъ, она весело проводила

день за днемъ въ незнающемъ скуки домѣ Олимпіады Захаровны. Дѣвушка то проводила время съ подругами, то ѣздила кататься, то въ циркъ, то въ театръ; съ нею познакомились нѣсколько молодыхъ людей, все такихъ изящныхъ, вѣжливыхъ, веселыхъ; эти молодые люди не могли замѣнить для нея „дорогого Мишу“, но съ ними не было скучно, тѣмъ болѣе, что они всѣми силами старались угодить нахлѣбницамъ мадамъ Иванчиковой, и хотъ были иногда немножко вольны, но, во-первыхъ, Наташа, не знавшая совсѣмъ общества, не считала эту вольность оскорбительной, а во-вторыхъ, съ нею, всегда сдержанной, цѣломудренно-чистой, даже въ помыслахъ, гости какъ-то стѣснялись, да и Олимпіада Захаровна не позволяла особенно сближаться съ Наташей.

— Она, господа, не для васъ! — говорила почтенная дама.

— Для кого-же? Для какого-нибудь очень богатаго и очень дряхлаго старца? — спросилъ одинъ разъ молоденькій гусарскій офицеръ, особенно ухаживающій за Наташей.

— Это ужъ мое дѣло! — уклончиво отвѣтила Олимпіада Захаровна.

Наташа предположила, что ея «милая мамаша» разумѣетъ Михаила Павловича и искренно поблагодарила ее въ душѣ.

Одинъ разъ утромъ, вернувшись откуда-то, Олимпіада Захаровна торжественно объявила, что сегодня къ ней пріѣдетъ богатѣйшій и знаменитѣйшій князь Угарскій кушать чай. По этому случаю квартира приняла видъ вполнѣ праздничный: съ мебели были сняты

чаклы, въ бронзовые подсвѣчники вставили свѣчи, въ комнатѣ накурили духами, а нахлѣбницы были одѣты въ лучшія платья.

Особенно была хорошо одѣта Наташа.

На ней было надѣто серебристо-бѣлое платье изъ дорогой шелковой матеріи, все отдѣланное синимъ атласомъ; довольно большой вырѣзъ низкаго лифа не скрывалъ античную шею и часть груди; вокругъ шеи въ нѣсколько разъ обвивалась нитка мелкаго жемчуга; граціозныя складки тюника поддерживались сбоку бантомъ изъ того-же синяго атласа; причесана Наташа была изящно, но совершенно просто: длинная коса ея, собранная тугимъ узломъ, спускалась на затылокъ, небрежно сброшенная прядь подстриженныхъ спереди волосъ какъ будто не нарочно спадала на лобъ, завиваясь мелкими колечками; сбоку, надъ лѣвымъ ухомъ былъ приколотъ цвѣтокъ бѣлой камеліи.

Шелестя шелкомъ платья, благоухая нѣжнѣйшими дорогими духами, вышла Наташа въ гостиную и остановилась передъ трюмо.

— Боже мой, какая я хорошенькая!—невольно воскликнула она и вся вспыхнула отъ взрыва хохота по-другъ, засмѣявшихся на это наивное восклицаніе.

— Хорошенькая, хорошенькая, чудо какая хорошенькая.—подтвердила Олимпіада Захаровна и расцѣловала Наташу.—Ну, милушка, будь-же умницей, не конфузься князя, будь съ нимъ ласкова — онъ старикъ важный, богатый...

Олимпіада Захаровна замѣтила, что личико дѣвушки начало туманиться, глаза испытующе устремились на нее, и обавила:

— Онъ можетъ пригодиться намъ во всякомъ дѣлѣ и заступиться за тебя, если твоя мама захочетъ взять тебя отъ насъ.

Наташа просвѣтлѣла.

— Князь пріѣхалъ! — дoloжила нарочно поставленная у окна дѣвушка.

Наполняя комнату ароматомъ тончайшихъ духовъ, вошелъ князь Угарскій, ласково улыбаясь своимъ старческимъ со вставными зубами ртомъ встрѣтившей его Олимпіадѣ Захаровнѣ.

Князь былъ старецъ, лѣтъ шестидесяти, но уже совершенно разрушившійся, хотя и старавшійся казаться молодцомъ; онъ молодцовато выкидывалъ, точно хранившійся пѣтухъ, ноги, гордо держалъ голову съ обильными, но подкрашенными волосами и совѣмъ юношей закручивалъ лѣвой рукой усы, опираясь правою на трость чернаго дерева съ золотымъ набалдашникомъ. Одѣтъ былъ князь въ темно-синюю визитку, въ сѣрые брюки и ослѣпительно бѣлый жилетъ; въ петлицѣ визитки краснѣлась какая-то ленточка, могущая показаться за орденскую, но на самомъ дѣлѣ просто взятая на память у какой-нибудь Клемансъ или Адель, ибо князь нигдѣ и никогда не служилъ, проживъ почти всю жизнь за-границей, и только недавно пріѣхалъ въ Москву получать какое-то наслѣдство.

— Здравствуйте, моя милая, здравствуйте! — улыбаясь, заговорилъ князь, надѣвая пенснэ и кивая головой на почтительные поклоны Олимпіады Захаровны и ея нахлѣбницъ. — Пріѣхалъ посмотреть на вашихъ воспитанницъ... Э, да тутъ все прехорошенькія!.. О, мои бутончики, какія онѣ всѣ свѣженькія!.. А кон-

фекты любите?.. Хе, хе, хе... Madame Иванчикова, пошлите когонибудь къ моему кучеру — я тамъ оставилъ конфекты.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство, сейчасъ пошлю... Эй, кто тамъ?.. Анна, Степанида!.. Пожалуйте на диванъ, ваше сіятельство... Вотъ сюда-съ...

Олимпіада Захаровна усадила князя на диванъ, подложила ему за спину подушку, а подъ ноги пододвинула скамейку.

— Что-же это вы меня, точно старика, усаживаете?.. А? Хе, хе, хе... зачѣмъ-же передъ барышнями стыдите?.. А?.. Я вѣдь не старикъ еще такой... А?.. Хе, хе, хе!.. Вѣдь еще не старикъ, mesdames? — болталъ князь, закуривая сигару.

Барышни что-то пробормотали, а Олимпіада Захаровна весело захихикала.

— Какой еще вы старикъ, ваше сіясь!.. Вы, ваше сіясь, любого молодого за поясъ заткнете!.. Гдѣ у насъ такого-то красавца найдешь другого, какъ вы, ваше сіясь? Глазки-ли у васъ, ушки-ли, рѣчи-ли — на-диво вѣдь всѣмъ!..

— Ну, ну, какже!.. Хвалите тамъ, а барышни скажутъ: „фи, какой старикашка!“... А?.. — Хе, хе, хе... Это кто такая?.. Какъ зовутъ вотъ ту? — спросилъ онъ, прищуривая глаза на Наташу.

— Это-съ Наташенька, ваше сіясь... Та самая, про которую я вамъ говорила, наклонившись къ князю, доложила Олимпіада Захаровна.

— Ага!.. Подойдите ко мнѣ, моя барышня, подойдите! — ласково обратился князь къ Наташѣ, пожирая ее глазамъ.

Наташа, весело улыбаясь, подошла къ князю; старикъ взялъ обѣ ея руки и поцѣловалъ, сперва ладони, потомъ немного повыше браслета.

— О, вы красавица, совсѣмъ красавица! Я вотъ и старикъ, а готовъ влюбиться въ васъ!.. Честное слово!.. Ну, а вы, не прочь влюбиться въ меня?.. А?.. О, какъ она мило краснѣетъ! Такъ влюбитесь въ меня? А?

— Мнѣ нельзя влюбляться, князь, потому что я уже вл.... Потому что я невѣста,—бойко проговорила Наташа, ободренная привѣтливостью старика.

— Да-а?—протянулъ князь. — Ну что-же? мы васъ выдадимъ за вашего жениха, наградимъ его такимъ сокровищемъ... Я, пожалуй, посаженнымъ отцомъ буду, а потомъ... хе, хе, хе—крестнымъ!.. Дважды буду отцомъ, а, пожалуй, и трижды!.. Хе, хе, хе!.. Вашъ женихъ бѣденъ?

— У него богатый отецъ, но онъ не позволяетъ ему жениться на мнѣ...

— Какой-же онъ дуракъ!.. Ну, да мы обойдемся и безъ него... Садитесь, дитя мое, на диванъ, будемъ ѣсть конфекты и пить кофе... Вотъ ваша маман несетъ намъ всего...

Олимпіада Захаровна, удаливъ подъ разными предлогами прочихъ нахлѣбницъ, оставила князя вдвоемъ съ Наташей и подала имъ кофе, конфекты, печенье, сливки и маленькій граненый графинчикъ съ коньякомъ; поставивъ все это на столъ, почтенная дама ушла.

— Вы сливокъ въ кофе не кладите, а вотъ я налью вамъ немного коньяку, это превкусно!—обратился князь къ Наташѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не могу его пить, у меня кружится голова,—улыбнулась Наташа.

— Пустое!.. Я немножко, чуть-чуть...

Князь влилъ въ чашку ложки три ароматнаго коньяку.

— Неправда-ли — вкусно?.. Это укрѣпляетъ, бодряетъ и такимъ молодымъ дѣвушкамъ грѣетъ сердце; онѣ тогда лучше любятъ!.. Хе, хе, хе... Пейте, моя дѣвочка...

Князь себѣ налилъ одного коньяку въ маленькую рюмку и сталъ пить его маленькими глотками.

Послѣ трехъ рюмокъ, которыя онъ выпилъ, болтая, смѣясь, рассказывая анекдоты, князь покраснѣлъ, глаза его заблистали, и онъ совершенно влюбленнымъ юношей глядѣлъ на дѣвушку.

Коньякъ у Олимпіады Захаровны былъ отъ князя и приготовлялся по его рецепту его кондитеромъ; это былъ коньякъ особый, вкусный, какъ нектаръ, ароматный и имѣющій свойство молодить стараго, а молодого—дѣлать пылкимъ, страстнымъ...

— А я въ васъ влюбленъ, честное слово порядочнаго челаэка—влюбленъ!—болталъ князь.—Такихъ глазокъ, такихъ губокъ, такой шейки—я не видывалъ... Не видывалъ и такой бѣлизны и нѣжности кожи!.. Какія, я думаю, у васъ плечи!.. А?.. Вы не носите декольте?.. О, моя богиня, нимфа, сильфида!..

Князь обнялъ Наташу за талию и хотѣлъ поцѣловать, но она освободилась отъ него и встала съ дивана. Лицо у дѣвушки поблѣднѣло, глаза засверкали.

Она вспомнила первое свиданіе съ Хорзевинымъ, вспомнила слова бабушки Анны, вспомнила своего «дорогаго Мишу».

— Князь, — заговорила она дрогнувшимъ голо-
сомъ, — я—не барышня, но я порядочная дѣвушка и
никому не позволю такъ поступать съ собой!.. Вамъ
стыдно такъ дѣлать, ваше сіятельство!..

— О, какъ она хороша!.. Полно, полно, моя бо-
гиня, вѣдь я люблю, люблю васъ!..

Князь поймалъ дѣвушку за руку и привлекъ къ себѣ.

— Пустите меня! — вырвавъ руку, крикнула На-
таша. — Если вы еще осмѣлитесь такъ поступать со
мною — я ударю васъ, какъ бьютъ у насъ въ деревнѣ
дѣвушки своихъ парней, если они забываются... Старый,
нехорошій, гадкій!..

Наташа, задыхаясь, вышла изъ комнаты, встрѣтив-
шись въ дверяхъ съ вышедшей на ея крикъ Олимпіа-
дой Захаровной.

— Куда? — крикнула та. — Ваше сіятельство, она огор-
чила васъ? Обидѣла?.. Да я ее... Ахъ, она гадкая дѣвченка!

Дама растерялась, то пытаясь догнать Наташу, то
подбѣгая къ князю, который откинулся на спинку
дивана и тяжело дышалъ, бессмысленно хлопая глазами.

— Оставьте, оставьте ее, ничего, — проговорилъ онъ,
разстегивая жилетъ. — Дайте мнѣ воды...

Выпивъ стаканъ воды, князь вздохнулъ всей грудью.

— Ухъ!.. Вотъ очаровала дѣвченка!.. Нну, такой
я еще не видалъ... Да я... я вамъ тысячу, двѣ, три,
пять дамъ, если буду обладать ею!

— Но она оскорбила васъ, ваше сіясь? — заискива-
ющимъ тономъ заговорила Олимпіада Захаровна.

— Пустое!.. Дѣвочка робѣетъ, конфузится, а я
ужь очень круто... Ну, что за дѣвочка!.. Вы вотъ что,
вы ее не трогайте, ничего не говорите ей и привезите

ее въ маскарадъ... Я, будто нечаянно, встрѣчу ее тамъ, попрошу прощенья, подарю что-нибудь... Что она любить?.. Ну, все равно, я подарю ей браслетъ, брошку, серьги... Угощу ужиномъ, шампанскимъ... Она будетъ моя, будетъ!.. О, что за роскошь!.. Формы-то, формы-то!.. А? Замѣтили?.. Вы сдѣлайте ей костюмъ пажа изъ чернаго бархата... Къ этой бѣлизнѣ, къ этому изящному тѣлу такъ пойдетъ черная мягкость бархата, его нѣжныя складки... А?.. Костюмъ пажа, да... Шелковые бѣлые чулки, грудь съ вырѣзомъ... Восторгъ!.. Закажите у Пиронэ, вотъ вамъ деньги... А если она будетъ моею — я вамъ полсостоянія дамъ!.. А теперь я поѣду, поѣду, нужно на воздухъ .. О, какъ я страстенъ!.. А?.. Я какъ испанецъ!..

Но я люблю, но я люблю;
На то испанецъ я!..

Князь бросилъ на столъ двѣ сотенныя бумажки и нетвердыми шагами пошелъ изъ гостиной, сопровождаемый Олимпіадой Захаровной, которая, и испуганная, и счастливая надеждами, лебезила предъ старикомъ, увѣряя его, что никакая дѣвушка не устоитъ предъ такой любовью и такой щедростью.

Проводивъ князя, почтенная дама позвала Наташу и сдѣлала ей строгій выговоръ, сказавъ, что князь — старикъ, что ему можно позволить вольность, за которую онъ щедро заплатитъ и отблагодаритъ, и что такъ благовоспитанныя дѣвушки не дѣлаютъ.

Наташа ничего не возражала своей „мамашѣ“ и рѣшила мысленно: немедленно-же уйти отъ нея и во что-бы то ни стало увидаться съ Михайломъ Павловичемъ.

XXIII.

Михаилъ Павловичъ все продолжалъ кутить съ своимъ новымъ пріятелемъ «черненькимъ», какъ называли его половые многочисленныхъ трактировъ, посѣщаемыхъ пріятелями во время загула.

Черненькій этотъ, московскій мѣщанинъ, служившій когда-то артельщикомъ на желѣзной дорогѣ, Иванъ Степановичъ Посудниковъ, дошелъ до галлюцинацій, до помѣшательства; ему, послѣ сильнаго похмѣлья, грезились какія-то видѣнія; онъ то рыдалъ, какъ ребенокъ, то грозилъ кому-то со скрежетомъ зубовъ, стискивая въ рукѣ постоянно носимый въ карманѣ ножъ.

Михаилъ Павловичъ просто бояться его сталъ и давно-бы бросилъ компанію съ нимъ, но жалѣлъ оставить на произволъ судьбы полюбившагося ему молодого человѣка, крайне симпатичнаго, не смотря на цѣлые мѣсяцы безпробуднаго пьянства и кутежей.

Одинъ разъ утромъ, послѣ сильнаго кутежа, Посудниковъ, ночуя вмѣстѣ съ Михаиломъ Павловичемъ, нѣсколько пришелъ въ себя, принялъ холодную ванну, выпилъ множество сельтерской воды и, хотя сильно блѣдный, съ воспаленными глазами, но покойный, вошелъ въ номеръ, гдѣ они ночевали.

— Баста, будетъ пить! — проговорилъ онъ, садясь за чайный столъ. — Нѣтъ, пора все кончить, надоѣло...

— Что-же будешь дѣлать, Ваня? — спросилъ Щипцовъ.

— Дѣлать то что буду?.. А вотъ, вотъ поѣду сегодня въ гости къ своей благодѣтельницѣ, къ Олимпіадѣ

Захаровнѣ, и возблагодарю ее за все... За невѣсту отблагодарю, за погубленную жизнь, ну, а потомъ — золото копать, грѣхи свои искупать...

— Ты убьешь ее?—съ ужасомъ спросилъ Шипцовъ.

— Убью...

— Ваня, полно, голубчикъ, образумься, не губи себя! — сталъ уговаривать Михаилъ Павловичъ, взявъ Посудникова за руку.

— Ужъ погубленъ! — мрачно произнесъ тотъ. — Нѣтъ, Миша, не уговаривай, я ужъ рѣшилъ это... Ты вотъ что будешь дѣлать?

Шипцовъ пожалъ плечами.

— И не знаю!.. Попытаю еще разъ съѣздить на Воробьевы горы, не узнаю ли чего о Наташѣ... Пропала, точно въ воду канула моя красавица!.. Хранятъ эту тайну старыя горы Воробьевы, не сказываютъ!..

Посудниковъ съ участіемъ посмотрѣлъ на Михаила Павловича, исторію котораго зналъ.

— Авось, найдемъ, Миша!—сказалъ онъ — Тоже, чай, у какойнибудь этакой-же вотъ *тетеньки* проживаетъ... Эхъ, Миша, Миша, сколько тутъ въ Москвѣ такимъ вотъ манеромъ дѣвушекъ гибнетъ, такъ это страхъ!.. Всѣ-бы вѣдь могли хорошими женами, матерями быть!.. А теперь-то?.. И ты говоришь — не трогать ее!.. Нѣтъ, братъ, одну такую гадину раздавить—много добра сдѣлаешь!..

Посудниковъ склонилъ голову и помолчалъ.

— Знаешь что, Миша,—продолжалъ онъ,—поѣдемъ мы съ тобой на Воробьевы горы вмѣстѣ, поразспросимъ тамъ о твоей невѣстѣ, а коли ничего не узнаемъ — мы пошлемъ двухъ лихачей за моей благодѣтельницей, за

Олимпіадою свѣтъ-Захаровной: не знаетъ-ли она что?.. Не у ней-ли, быть можетъ, и Наташа твоя? Право!.. Возьмемъ двухъ лихачей и велимъ сказать, что-де богатѣйшіе купцы одни зовутъ васъ на Воробьевы горы и пусть съ собою барышенъ привезетъ, познакомитъ-де съ тѣми купцами... Приѣдетъ она, ты поразспросишь ее, а потомъ приду я... Приду, да тамъ на горахъ этихъ и покончу съ ней, съ анаѰемой!.. Ты не бойся, тебя я отстраню... Идетъ, что-ли?

Михаилъ Павловичъ задумался.

— Хорошо, ѣдемъ. — сказалъ онъ. — Вдругъ и въ самомъ дѣлѣ она знаетъ, гдѣ Наташенька! Вотъ-бы радость-то была!..

— Хорошо, коли радость, а то, можетъ, и горе.

— Какое горе?

— Можетъ, ужъ она и ее погубила...

Щипцовъ сверкнулъ глазами и поблѣднѣлъ.

— А коли такъ, то я тебѣ не дамъ убивать ее, вѣдьму эту!.. Тогда я самъ ужъ покончу съ ней! — глухо произнесъ онъ.

— То-то! — сказалъ Посудниковъ. — А еще меня уговариваешь... Поѣдемъ-же, Миша, нечего время терять...

Черезъ часъ молодые люди на двухъ лихачахъ ѣхали къ Воробьевымъ горамъ по той самой дорогѣ, по которой еще такъ недавно ѣхалъ Павелъ Евлампіевичъ съ Рукавицынымъ.

XXIV.

Олимпіада Захаровна, сперва косившаяся на Наташу, но потомъ перемѣнившая гнѣвъ на милость, пред-

ложила ей и еще другой своей нахлѣбницѣ ѣхать въ маскарадъ.

— Благодарю васъ, мамаша, но мнѣ не хочется, — сказала Наташа, грустная и задумчивая всѣ эти дни.

— Отчего-же?—вспыхнула мадамъ Иванчикова, едва сдерживая злобу. — Это очень глупо, моя милая!.. Ты никогда не бывала въ маскарадѣ, не имѣешь объ немъ понятія, почему-же тебѣ не ѣхать?

— Мнѣ не хочется... Не до веселья, когда на сердцѣ тоска, — отвѣтила дѣвушка.

— Пустое!.. Тосковать тебѣ, во-первыхъ, не отъ чего, а во-вторыхъ, отъ тоски и слѣдуетъ развеселить себя... Нѣтъ, ты не отговаривайся, мы поѣдемъ; я уже заказала тебѣ и костюмъ...

— Я не поѣду, мамаша...

Мадамъ Иванчикова побагровѣла.

— А я тебѣ говорю, что поѣдешь! — крикнула она. — Я не привыкла, что-бъ мои дѣвушки ослушивались меня, и не совѣтую тебѣ прекословить... Я тебя кормлю, одѣваю, а потому ты обязана оказывать мнѣ повиновеніе!..

— Я въ такомъ случаѣ лучше уйду опять къ мамашѣ, — сказала Наташа сквозь слезы. — За вашъ хлѣбъ я должна дѣлать то, что мнѣ не нравится, и выслушивать оскорбленія вашихъ пьяныхъ гостей...

Олимпіада Захаровна сдѣлала порывистое движеніе къ дѣвушкѣ, но удержалась и, задыхаясь отъ бѣшенства, сказала ей, что-бъ она непрекословно ѣхала, а завтра обѣщалась привести ея жениха и передать ее въ его распоряженіе, отказываясь воспитывать такую упрямую и капризную дѣвченку.

По уходѣ взволнованной хозяйки, Наташа задумалась. Ей очень не хотѣлось ѣхать въ маскарадъ, гдѣ знала она, опять придется быть въ обществѣ гостей Олимпіады Захаровны и выслушивать ихъ пошлыя любезности; но съ одной стороны дѣвушка боялась идти наперекоръ хозяйкѣ ибо слыхала отъ подругъ, что въ такихъ случаяхъ Олимпіада Захаровна поступаетъ иногда круто, а съ другой стороны она готова была вѣрить, что завтра, наконецъ, она увидитъ жениха и, быть можетъ, онъ возьметъ ее, наконецъ, къ себѣ.

Дѣвушка рѣшилась ѣхать, о чемъ и объявила Олимпіадѣ Захаровнѣ, попросивъ при этомъ у ней извиненія за упрямство. Мадамъ Иванчикова нѣжно поцѣловала ее, похвалила за послушаніе и приказала принести только что полученный изъ магазина Пиронэ костюмъ пажа, заказанный по желанію князя.

Наташа видѣла этотъ костюмъ и сама на себя залюбовалась въ немъ,—такъ шелъ онъ къ ней.

Костюмъ состоялъ изъ черныхъ бархатныхъ панталонъ, доходящихъ до колѣнъ и отдѣланныхъ кружевами внизу и пышными буфами изъ розоваго атласа на бедрахъ; съ той-же отдѣлкой и вся вышитая золотомъ, была надѣта на бѣлую батистовую рубашку бархатная безрукавка, открывающая часть груди; на причесанную парикмахеромъ и завитую головку былъ надѣтъ беретъ съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, а стройныя ноги плотно обхватывались бѣлыми шелковыми чулками.

Костюмъ былъ не вполне вѣренъ исторіи, но пикантности и шiku въ немъ было много.

— Ну, Наташа, теперь князь окончательно влю-

бится въ тебя и подарить Олимпіадѣ Захаровнѣ ужъ не двѣсти рублей, а цѣлую тысячу! — сказала Наташѣ одна изъ подругъ, съ завистью оглядывая ее.

— Какой князь?—спросила Наташа.

— А тотъ старикъ, князь Угарскій, который былъ у насъ... Вѣдь онъ велѣлъ сшить тебѣ костюмъ и привезти тебя въ маскарадъ... Онъ, старый, по уши влюбился въ тебя!..

У Наташи захолонуло на сердцѣ. Она поняла, наконецъ, все. Поняла, зачѣмъ везутъ ее въ маскарадъ, поняла, что такое этотъ князь; поняла, вполнѣ поняла свою «милую мамашу» Олимпіаду Захаровну...

Она рѣшилась бѣжать сію-же минуту.

Бѣжать, не медля ни одной минуты бѣжать! Къ матери, къ жениху, куда глаза глядятъ, но только бѣжать.

„Но какъ?“ думала она. „Черезъ нѣсколько минутъ нужно уже ѣхать, Олимпіада Захаровна уже одѣвалась, а на ней былъ этотъ маскарадный костюмъ, тоненькія туфельки, а на дворѣ—ночь глухая, разгулялась мартовская непогода, снѣгъ, дождь льетъ на дворѣ!..“

Наташа вышла въ переднюю.

Вотъ виситъ шуба Олимпіады Захаровны; вотъ на скамьѣ лежитъ забытый кухаркой платокъ; вотъ стоятъ чьи-то теплыя ботинки.

Наташа проворно надѣла все это и, задыхаясь, подошла къ двери. Крѣпко заложенный крюкъ не поддается ея усиліямъ, не отпирается, только громыхаетъ... Всѣ силы напрягла дѣвушка, поцарапала руки и отперла.

Внизу лѣстницы опять такой-же крюкъ, опять

битва съ нимъ, и наконецъ она на дворѣ. Собака подбѣжала, залаяла, но узнала свою и, замахавъ хвостомъ, отошла.

— Кто тутъ? — окликнулъ дворникъ, услыхавъ, что отворяютъ калитку.

— Я... Отопри мнѣ, пожалуйста, ворота. — умоляющимъ голосомъ обратилась дѣвушка къ подошедшему дворнику.

Этотъ умоляющій голосъ смутилъ мужика.

— Ты энто откедова-же? — спросилъ онъ... — Бытто отъ Лимпiяды Захаровны дѣвица... Куда энто ты?

— Я... Меня послали... Я иду къ знакомымъ... Отопри, голубчикъ, мнѣ некогда, я опоздаю... Вотъ тебѣ, возьми, продашь ..

Дѣвушка сняла кольцо и сунула въ руку дворника.

— Нѣтъ, ты, барышня, погоди... Ты што-то неладно толкуешь... Я пойду, спрошу Лимпiяду Захаровну...

— Голубчикъ, родной, отопри! — бросилась къ дворнику дѣвушка.

Въ это время по двору слышались голоса, шаги.

— Здѣсь она, здѣсь, у воротъ! — крикнулъ кто-то, и къ воротамъ подбѣжала Олимпiада Захаровна, кухарка и двѣ нахлѣбницы.

Наташа зарыдала и прислонилась къ воротамъ.

— А, ты вотъ какъ! — замѣтила почтенная дама, хватая Наташу. — Побѣгомъ задумала отплатить мнѣ, да еще и обокрала — мою шубу унесла, костюмъ, кольца... Тащите ее наверхъ!.. Я съ тобой раздѣлаюсь, голубушка...

Кухарка повела дѣвушку въ домъ.

Наговоривъ Наташѣ ужасныхъ вещей, напугавъ ее чуть не каторгой, ударивъ нѣсколько разъ по лицу, Олимпиада Захаровна объявила ей, что если она сію-же минуту не поѣдетъ въ маскарадъ, то ее свяжутъ и какъ воровку отправятъ въ полицію.

— Поѣдьте, поѣдьте! — съ небывалой рѣшимостью, сверкая глазами, заговорила Наташа. — Но знайте, что если вашъ противный старикъ подойдетъ тамъ ко мнѣ, то я ударю его и всѣмъ, всѣмъ скажу, что вы продаете меня! Поѣдьте, злая, дурная, нехорошая женщина!..

— Связать ее! — какъ-то завизжала мадамъ Иванчикова и бросилась на дѣвушку.

Неизвѣстно, чѣмъ-бы все кончилось, но въ эту минуту въ прихожей раздался звонокъ. Олимпиада Захаровна толкнула Наташу въ сосѣднюю комнату.

Пріѣхалъ посланный отъ князя Угарскаго, сказать, что сегодня его сіятельство, по причинѣ нездоровья, въ маскарадъ не будутъ, а когда поправятся, то извѣстятъ.

Олимпиада Захаровна приказала надѣть на Наташу старое ситцевое платье и запереть ее въ темную комнату подъ лѣстницей, обѣщаясь завтра раздѣлаться съ нею за все.

— А руки ей свяжите, а то она еще сдѣлаетъ что-нибудь надъ собой, — добавила Олимпиада Захаровна, когда Наташа ушла. — Завтра проучу ее, мерзавку, хорошенько, да и отправлю къ матери, ну, ее, измучила она меня, проклятая!..

Это было наканунѣ того дня, когда Михаилъ Павловичъ съ Посудниковымъ поѣхали на Воробьевы горы.

XXV.

На другой день, утромъ, къ дому господина Зетова подкатили два личаха. Одинъ изъ нихъ отдалъ лошадь подъ надзоръ товарища, а самъ вошелъ на дворъ.

Здѣсь живетъ Олимпіада Захаровна Иванчикова? —спросилъ онъ дворника.

— Здѣсь; вотъ въ энто крыльцо ступай.

Лихачъ отправился по указанію и, войдя въ кухню, попросилъ вызвать къ себѣ самое хозяйку.

— Что тебѣ нужно, любезный?—спросила Олимпіада Захаровна, величественно выходя въ кухню.

— За вами пріѣхали, сударыня... Два купца, по фамиліямъ ихъ не знаю, а только купцы богатѣйшіе, пріѣхали погулять на Воробьевы горы и прислали за вами; «пригласите Олимпіаду Захаровну, да пусть двухъ барышенъ съ собою захватитъ, награжденіе-де будетъ, сколько пожелаетъ»... Извольте собираться, докатимъ духомъ-съ...

Олимпіада Захаровна сію-же минуту согласилась, предположивъ, что ее зовутъ какіе-нибудь знакомые, а таковыхъ у ней среди молодого и не молодого купечества было много.

Сначала мадамъ Иванчикова хотѣла взять съ собой двухъ давно зажившихся у ней дѣвушекъ: Машу и Олю, но потомъ передумала и рѣшила взять вмѣсто Оли—Наташу.

«Все равно съ этой дрянью ничего не подѣлаешь, думала она, такъ отвезу ее къ купцамъ этимъ, пусть

познакомятся съ ней и дѣлають куда хотять, тамъ ужь не мое дѣло»...

Наташѣ, которая всю ночь провела въ темной комнатѣ со связанными руками, она объявила, что повезетъ ее въ село Воробьево, гдѣ ее будетъ ждать пріятель ея жениха, чтобы переговорить съ нею и увести куда-то въ деревню, въ которой и произойдетъ вѣнчаніе.

Наташа, полная радостныхъ надеждъ, совершенно забывшая всѣ невзгоды, веселая и счастливая, поѣхала; какой-либо козни она не подозрѣвала на этотъ разъ и не могла подозрѣвать, ибо, разговорившись съ лихачемъ, пока Олимпіада Захаровна одѣвалась, она узнала, что одного изъ купцовъ зовутъ Михаиломъ Павловичемъ. Дѣвушка рѣшила, что ея дорогой женихъ хочетъ устроить ей сюрпризъ.

Скоро, очень скоро домчали лихачи Олимпіаду Захаровну и двухъ дѣвушекъ до Воробьевыхъ горъ.

У вѣзда въ село ихъ встрѣтилъ посланный изъ трактира мальчикъ, который передалъ, что господа купцы просятъ барышень въ гостинницу, а барыню зовутъ къ лѣтнему ресторану, гдѣ хотять съ нею о чемъ-то переговорить.

Олимпіада Захаровна знала эти переговоры и приказала дѣвушкамъ ѣхать въ трактиръ, а сама пѣшкомъ пошла къ лѣтнему ресторану, расположенному на самой кручѣ берега Москвы-рѣки.

Ресторанъ былъ запертъ, и кругомъ его не было видно никого; почтенная дама оглянулась кругомъ.

— Сюда пожалуйста! — раздался голосъ изъ за ресторана, и Олимпіада Захаровна увидала Посудникова, присѣвшаго на берегу прямо на снѣгъ.

Иванчикова никогда не видала молодого человѣка, но онъ ее зналъ и видалъ много разъ.

— Какое вы мѣсто-то выбрали для свиданія, точно въ романѣ какомъ! — кокетливо сказала Олимпіада Захаровна, подбирая платье и осторожно ступая по обледенѣлому берегу.

— Видъ тутъ очень хорошъ. — сказалъ Посудниковъ и всталъ.

— Вотъ гдѣ свидѣлись то мы, вотъ гдѣ счета наши сведемъ, — заговорилъ онъ и обтеръ вспотѣвшій, не смотря на холодный вѣтеръ, лобъ. — Вотъ гдѣ покончишь ты, змѣя кровожадная, жизнь свою!..

Олимпіада Захаровна взглянула на страшно блѣдное лицо молодого человѣка и отшатнулась назадъ.

— Что... Что вы говорите?.. Какіе счета?.. Кто вы? — забормотала она.

— Кто я?.. Я — погубленный тобой, я — жизни и счастья лишенный тобой, вѣдьма проклятая!

Посудниковъ схватилъ Олимпіаду Захаровну за плечо; та взвизгнула и опустилась на колѣни.

— Не кричи, а лучше помолись, грѣхи свои вспомни, — живая отсюда не уйдешь... Что плачешь? Разжалобить думаешь?.. Нѣтъ, не разжалобишь ужъ, сердце уже закаменѣло во мнѣ!... Взгляни вотъ на Москву-то, вонъ какъ видна она отсюда... Сколько слезъ пролито въ ней по твоей милости, сколько горя она видала изъ-за тебя, да изъ-за тебѣ подобныхъ!.. Сколько матерей плакало отъ тебя, сколько мужей пропало, сколько погубила ты, проклятая, невинныхъ, чистыхъ дѣвушекъ!.. Проклятая, проклятая, и крови-то твоей проливать не хочу, издыхай, какъ собака бѣшеная!..

Посудниковъ схватилъ Олимпіаду Захаровну за горло и за грудь и со всего размаху сбросилъ съ обрыва.

Страшный вопль огласилъ пустынный берегъ заснувшей надо льдомъ Москвы-рѣки, и грузное, упитанное тѣло мадамъ Иванчиковой полетѣло внизъ съ уступа на уступъ, ударяясь объ обледенѣлые отъ снѣга камни. Во многихъ мѣстахъ камни эти окрасились кровью ..

Тутъ кончается наша повѣсть, читатель.

Я добавлю только, что свиданіе Щипцова съ Наташей было сколько неожиданно для него, столько и радостно для обоихъ.

Сойдутся-ли они, согласится-ли Павелъ Евлампіевичъ, наконецъ, на бракъ сына—я не знаю, но все, что зналъ я про эту исторію—я рассказалъ.

Бѣдный Посудниковъ не пошелъ въ Сибирь, какъ онъ предполагалъ, онъ умеръ отъ бѣлой горячки дня черезъ три послѣ роковаго свиданія съ Олимпіадой Захаровной, и Воробьевы горы сохранили тайну невольной смерти Олимпіады Захаровны Иванчиковой, воспитательницы молодыхъ дѣвушекъ. Впрочемъ, такихъ «воспитательницъ» въ Москвѣ много, не всѣ только онѣ попадаютъ на Посудниковыхъ, а мирно живутъ, наживая капиталы, а сотни благодѣтельствованныхъ ими дѣвушекъ гибнутъ, блестящимъ метеоромъ мелькнувъ на короткое, на очень короткое время!..

Наѣздница.

I.

Въ губернской городъ Многоводскъ пріѣхалъ циркъ, давно уже ожидаемый туда скучающей провинціальной публикой, извѣщенной о прибытіи цирка большими краснорѣчивыми афишами, обѣщающими доставить множество удовольствій и сулящими невиданныя зрѣлища, въ видѣ замѣчательныхъ гимнастическихъ упражненій, граціозныхъ характерныхъ танцевъ и смѣлыхъ скачекъ, исполняемыхъ лучшими артистами и артистками.

Зданіе для будущаго цирка уже было построено пріѣхавшимъ ранѣе управляющимъ и вотъ, наконецъ, пріѣхала самая труппа.

Раннимъ утромъ морознаго зимняго дня отъ станціи Многоводско-Н—ской желѣзной дороги въ городъ потянулась живописная процессія, состоявшая изъ большаго фургона, запряженнаго тройкой великолѣпныхъ вятокъ и длинной вереницы всевозможныхъ лошадей, начиная отъ красавца арабскаго скакуна, до крошечнаго пони.

Въ фургонѣ сидѣлъ дамскій персоналъ труппы; маленькіе ученики и семейство директора Томаса Валь-

теръ ѣхали въ нанятой каретѣ, самъ-же директоръ и артисты находились при лошадяхъ.

Провожаемая любопытными взглядами прохожихъ, труппа вступила въ городъ и раздѣлилась на двѣ части: семейство директора съ учениками и ученицами отправились на приготовленную управляющимъ квартиру, а артисты и артистки въ ближайшую къ цирку гостиницу.

— Все-ли у насъ готово? Всѣ-ли исправны и здоровы? — спросилъ директоръ управляющаго, располагаясь на квартирѣ вокругъ чайнаго стола. — Завтра должно быть представленіе...

— Все готово, геръ Вальтеръ, труппа вся здорова, и только ваша ученица, миссъ Бэлла, чувствуетъ себя не очень хорошо съ дороги, — отвѣтилъ управляющій. юркій, маленькій человѣкъ изъ познанскихъ поляковъ.

— О, Миссъ Бэлла капризничаетъ, я это знаю! — произнесъ директоръ и приказалъ позвать къ себѣ ученицу.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла молодая дѣвушка лѣтъ 18, скромно одѣтая въ дорожное платье изъ чернаго сукна.

— Что вамъ угодно, геръ Вальтеръ? — спросила она по-нѣмецки и опустила свои большіе синіе глаза передъ пристальнымъ, не то злымъ, не то насмѣшливымъ взглядомъ директора.

Вальтеръ оглядѣлъ граціозную фигурку дѣвушки.

— Вы больны? — спросилъ онъ.

— Да, я чувствую себя очень плохо, геръ Вальтеръ; бессонныя ночи, дорога — утомили меня, и я бы

попросила васъ позволить мнѣ отдохнуть нѣсколько дней...

Жена директора, толстая, бульдогообразная нѣмка, засмѣялась.

— О, Бэлла княжна, графиня, она не можетъ переносить того, что мы всѣ переносимъ! — замѣтила она и погрозила дѣвушкѣ жирнымъ пальцемъ. — Помни, что ты наша ученица и что съ тобой церемониться не будутъ, хотя за тобой и ухаживаетъ нашъ лучший артистъ! — добавила она.

Дѣвушка хотѣла что-то сказать, но директоръ перебилъ ее.

— Будетъ разговаривать!.. Вы пойдете теперь спать, а къ вечеру будьте готовы на репетицію... Можете идти...

Молодая дѣвушка поклонилась и вышла изъ комнаты.

— Ее надо взять въ руки, Томасъ, а то мы избаловали ее, — замѣтила директорша по уходѣ дѣвушки.

Директоръ молча помѣшалъ ложечкой чай.

— Конечно, ты имѣешь причины баловать ее, — продолжала директорша, — и причины для тебя очень уважительныя...

— Какія-же это? Или ты опять начинаешь ревновать меня? — спросилъ Вальтеръ.

— Начинаю!.. Я никогда и не переставала, потому что...

— Потому что ты глупа и упряма, какъ осель, котораго я купилъ въ Тифлисѣ! — возвысилъ голосъ Вальтеръ. — Я послѣдній разъ скажу тебѣ, что я никогда и въ головѣ не имѣлъ ухаживать за этой дѣвченкой, а

если иногда спускаю ей, то потому, что она уже давно кончила срокъ, на который отдана мнѣ теткой и имѣеть право уйти отъ насъ, лишь только узнаетъ это...

— О, я бы была рада этому; эта дѣвченка слишкомъ много доставляетъ мнѣ непріятностей!..

— За то она отлично принимается публикой и за свое искусство и за свою красоту.

— Хороша красота! — презрительно улыбнулась директорша. — Тонка какъ щепка и хрупка какъ фарфоръ...

— Ну, не всѣ любятъ жирныхъ коровъ, какъ ты, — процѣдилъ сквозь зубы Вальтеръ и, закуривъ сигару, вышелъ изъ комнаты.

II.

Публика была права, считая миссъ Бэллу за красавицу.

Граціозная, стройная до совершенства, дѣвушка эта имѣла какую-то неотразимую прелесть, влекущую къ ней каждаго съ перваго взгляда; прелесть эта выражалась и въ темно-синихъ, то задумчиво-грустныхъ, то ласкающихъ глазахъ, и въ улыбкѣ мягко очерченнаго маленькаго ротика, и въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ поворотѣ хорошенькой головки. Особенно-же были хороши у ней глаза: въ нихъ отражалась такая добрая, такая нѣжная душа, что нельзя было не почувствовать влеченія къ обладательницѣ этихъ глазъ, а почувствовавъ это увлеченіе — не пожелать узнать ее поближе и повѣрить произведенное впечатлѣніе. Кто дѣлалъ это, тотъ никогда не разочаровывался, ибо, дѣйствительно,

находилъ миссъ Бэллу такою, какою она казалась съ перваго взгляда.

Въ труппѣ Вальтера ее всѣ любили, и только жена директора да нѣсколько кокетливыхъ артистокъ, ставшихся плѣнять публику, чувствовали къ ней зависть и, сознавая въ душѣ ея превосходство, злословили ее и старались повредить чѣмъ могли.

Отъ нападокъ артистокъ Бэллу всегда защищаль самъ директоръ, влюбленный въ юную ученицу, и дѣвушка приходилось терпѣть только отъ своей ревнивой, злой и капризной хозяйки, Эмили Карловны Вальтеръ.

Бэлла, извѣстная подъ этимъ именемъ публикѣ, была на самомъ дѣлѣ русская и въ имѣющемся у Вальтера документѣ значилась дочерью князя Запольскаго, Анной.

Исторія ея была такова:

Въ маленькомъ польскомъ городкѣ проживалъ послѣдній отпрыскъ когда-то знаменитаго, а потомъ захудалаго рода князей Запольскихъ, князь Николай Петровичъ Запольскій. Окончательно обѣднѣвшій князь этотъ, женившійся на богатой купчихѣ и промотавшій все приданое жены, овдовѣлъ и существовалъ на займы у пріятелей, да на выручаемыя картежной игрой деньги, едва прокармливая себя и маленькую дочь; убогимъ хозяйствомъ князя завѣдывала какая-то полька, вѣчно пьяная, вѣчно брюжжащая, сварливая баба, замѣнявшая для дочери князя и мать, и гувернантку, и няню. Плохо жилось дѣвочкѣ подъ опекой этой магеры и при жизни отца; когда-же послѣдній, сдѣлавши неудачный вольтъ во время крупной игры, избитый партнерами, умеръ. — Жизнь ея сдѣлалась невыносимой и скорѣе къ счастью.

чѣмъ къ несчастію, она попала въ ученицы Вальтера, бывшаго тогда съ циркомъ въ томъ городкѣ и прельстившагося граціознымъ ребенкомъ, который безъ особыхъ хлопотъ и былъ взятъ имъ въ обученіе у единственной родственницы, сестры умершаго князя, по контракту на десять лѣтъ.

Съ радостью покинула шестилѣтняя Анюта негостепріимный кровъ своего дома.

У директора цирка, человѣка богатаго и любящаго хорошо пожить, дѣвчкѣ было сытнѣе, теплѣе. Но старую полку, съ ея вѣчной бранью и розгой, замѣнила молодая нѣмка, учительница танцевъ; эта мало кричала и бранилась, но всегда вооруженная гибкимъ хлыстомъ, беспощадно ломала гибкія ножки и ручки ребенка и не скупясь раздавала удары хлыстомъ по чѣмъ попало, стараясь бить какъ можно больнѣе.

Два года ходилъ хлыстъ нѣмки по всему тѣлу дѣвочки, и этотъ ли хлыстъ, искусство-ли учительницы, способность-ли и прирожденная грація Анюты, но въ десять лѣтъ дѣвочка была украшеніемъ труппы, танцующей всѣ характерные танцы съ неподражаемымъ шикомъ. Тогда ее передали въ руки берейтора.

День за днемъ, недѣля за недѣлей, годъ за годомъ, и вотъ шестнадцатилѣтняя Анюта загремѣла по всѣмъ циркамъ, какъ самая умѣлая, граціозная и красивая наѣздница.

Въ бархатной-ли амазонкѣ на граціозномъ англійскомъ скакунѣ, въ роскошномъ-ли, золотомъ расшитомъ костюмѣ, на горячемъ венгерскомъ конѣ, — Анюта производила восторгъ, вызывала бурю аплодисментовъ и давала повсюду полные сборы.

Вальтеръ переименовалъ ее въ миссъ Бэллу, справедливо полагая, что иноземное имя болѣе приманчиво для провинціальной публики.

Онъ уже самъ усовершенствовалъ дѣвушку въ искусствѣ ѣздить и владѣть конемъ и не щадилъ на это трудовъ, то проходя съ ней самъ трудную школу, то поручая ее лучшимъ учителямъ этого искусства.

Хлыстъ и тутъ игралъ не послѣднюю роль, но онъ скоро замѣнился ласковой рѣчью, нѣжнымъ пожатіемъ руки и отеческимъ поцѣлуемъ въ раскраснѣвшуюся послѣ урока щеку дѣвушки.

Случилось это такъ.

Пробуя какую-то новую вещь въ разнообразномъ своемъ репертуарѣ, Анюта, не то утомленная, не то не совсѣмъ здоровая, нѣсколько разъ падала съ лошади, приводя въ бѣшенство горячаго учителя француза; Вальтеръ смотрѣлъ на репетицію.

— Доннеръ-веттеръ!—крикнулъ, наконецъ, онъ и выбѣжалъ на арену.—Я покажу этой гадкой дѣвченкѣ, какъ слѣдуетъ ѣздить настоящей артисткѣ!..

Вальтеръ вырвалъ у берейтора хлыстъ и схватилъ только что упавшую и поднявшуюся съ земли дѣвушку за руку.

— Я научу, научу тебя!—бѣшено прошепталъ онъ и замахнулся хлыстомъ.

Вся розовая отъ волненія и усталости, съ полуоткрытымъ ротикомъ, съ блестящими влажными глазами, затрепетала дѣвушка въ рукахъ озлобленнаго директора и умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на него.

Вальтеръ опустилъ хлыстъ.

— Это... такъ... Надо лучше работать Анюта, — проговорилъ онъ, влюбленными глазами смотря на дѣвушку, и бросивъ хлыстъ посадилъ ее на лошадь.

— Пройдите съ ней еще разъ эту вещь и будьте посписходительнѣе къ ней: она лучшая артистка моего цирка, — обратился онъ къ учителю.

Съ этого дня Вальтеръ замѣтно для всѣхъ сталъ ухаживать за дѣвушкою; онъ былъ съ нею ласковъ, не только не поднималъ на нее свою властную, вооруженную бичемъ директорскую руку, но и не дѣлалъ ей выговоровъ, снисходительно прощая промахи и ошибки.

Такая переменѣна директора не принесла Анютѣ ничего, кромѣ горя: жена Вальтера догадалась, что мужъ влюбился въ красавицу ученицу и стала преслѣдовать ее на каждомъ шагу; еслибъ дѣвушка вздумала пожаловаться на злую хозяйку Вальтеру, послѣдній круто бы обошелся съ женой. Но не такая была натура у Анюты, она молча переносила обиды озлобленной хозяйки и ухаживаніе влюбленного хозяина.

Неизвѣстно, чѣмъ-бы все это кончилось, но обстоятельства переменились: въ дѣвушку безумно влюбился богатый аристократъ, владѣлецъ громаднаго имѣнья на югѣ, графъ Кординъ. Это былъ молодой еще чело-вѣкъ, красавецъ собой, но дерзкій, нахальный, никогда не знавшій препятствій волокита. Встрѣтивъ въ Анютѣ, чуть-ли не въ первый разъ въ жизни, дѣвушку оттолкнувшую его, онъ обезумѣлъ отъ страсти и весь отдался ей; бросивъ имѣнье на руки управляющаго, онъ вошелъ въ компанію съ Вальтеромъ и сталъ ѣздить съ циркомъ изъ города въ городъ, не покидая Анюту,

и то страстными клятвами, то угрозами склоняя ее полюбить его. Но дѣвушка была болѣе чѣмъ холодна къ графу, все болѣе и болѣе усиливая его страсть. Графъ прожилъ большія деньги на улучшеніе цирка, получая процентъ крайне ограниченный и не замѣчая, какъ его обманываетъ Вальтеръ, въ душѣ его ненавидѣвшій, но всегда угодливый и искательный съ нимъ, какъ съ выгоднымъ компаніономъ. Чтобъ быть постоянно съ Анютой, графъ, отличный наѣздникъ, сталъ участвовать въ представленіяхъ, показывая высшую школу верховой ѣзды и значась въ афишахъ подъ именемъ итальянца Менабени.

Кромѣ этихъ двухъ властелиновъ цирка, у Анюты былъ и третій поклонникъ, болѣе ихъ счастливый.

III.

Освѣщенный двумя-тремя лампами циркъ былъ не многолюденъ.

Шла репетиція.

На спущенной трапеціи колоссальный акробатъ училъ мальчика лѣтъ двѣнадцати своему головоломному искусству, заставляя его, раскачавшись изо всей силы, хватывать ногами трапецію и броситься внизъ, чего мальчикъ сдѣлать никакъ не могъ, постоянно обрываясь и падая; акробатъ выходилъ изъ себя и билъ мальчугана хлыстомъ, разражаясь проклятіями на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Въ другомъ мѣстѣ клоунъ дрессировалъ собаку, заставляя ее прыгать въ обручъ и тоже награждая ударами хлыста, свистъ котораго пугалъ выведенную

для выѣздки лошадь; лошадь косила глаза, вздрагивала всѣмъ тѣломъ и билась, не позволяя надѣть на себя сѣдло.

Посреди арены графъ Кординъ поправлялъ гурту на лошади, приготовленной для Анюты; дѣвушка блѣдненькая, со слѣдами слезъ на печальныхъ глазкахъ, стояла въ изящномъ, чрезвычайно идущемъ къ ней костюмѣ, состоящемъ изъ розовой блузочки и такихъ-же панталонъ и безучастно смотрѣла на приготавливаемую лошадь, играя хлыстикомъ по песку арены.

— Ваша лошадь готова, миссъ Бэлла, садитесь, я самъ пройду съ вами,—обратился къ ней графъ.

Анюта молча кивнула головой и подошла къ лошади.

— Отчего вы такъ печальны и блѣдны? Вамъ нездоровится?—спросилъ графъ, помогая сѣсть дѣвушкѣ на лошадь.

— Да; я очень утомилась дорогой и просила геръ Вальтера не ставить меня на афишу перваго представленія; но онъ не согласился, —отвѣтила Анюта.

— И вы, полубольная, усталая, будете работать?

— Что-же дѣлать? — пожала плечиками Анюта, — конечно, буду...

— Что-же дѣлать? О, вамъ дѣлать нужно очень не много: стоитъ только быть повнимательнѣе къ тѣмъ, которые васъ любятъ и все пойдетъ отлично... Бэлла, полюбите меня, будьте моей, и ваша жизнь пойдетъ, какъ одинъ радостный, праздничный день!—страстнымъ шопотомъ заговорилъ графъ, придерживая одной рукой лошадь, а другой сжимая руку Анюты.—Я вамъ устрою жизнь какъ герцогинѣ... Вы знаете, я говорилъ вамъ, что я богатъ, и все мое состояніе будетъ ваше! Я

графъ, у меня знатные родные, мнѣ предлагали невѣсть съ приданымъ въ пятьсотъ тысячъ, но я не женился и вамъ, бѣдной дѣвушкѣ, артисткѣ цирка, рабѣ этого нѣмца Вальтера, предлагаю свою руку!.. Я прошу васъ быть моей женой и, не согласившись на это, вы... будете любовницей Вальтера!.. Онъ добьется этого рано или поздно, Бѣлла!..

Анюта высвободила руку изъ руки графа.

— Я можетъ умру, но не буду тѣмъ, чѣмъ вы пугаете меня,— сказала она,— а васъ любить я не могу, не могу, графъ... Я это много, много разъ говорила вамъ; зачѣмъ же вы мучите меня?.. Если правда, что вы любите меня, оставьте меня въ покоѣ, не мучьте, мнѣ и безъ того очень тяжело живетъ, графъ!.. Пустите лошадь, я начну репетицію...

Лицо графа моментально преобразилось. Онъ за-сверкалъ глазами, поблѣднѣлъ, длинные тонкіе усы его, закрученные ангуазомъ, затряслись отъ задрожавшихъ губъ.

— Да? да?—прошепталъ онъ.—Такъ ничто не беретъ васъ?.. Вы все любите этого глупаго урода Поля?.. Такъ я-же покажу тебѣ, дрянная, гордая дѣвченка, каковъ я съ тѣми, которые отвергаютъ меня! Вѣдь твой хозяинъ, твой властелинъ мнѣ долженъ, кругомъ долженъ, это циркъ мой, и ты принадлежишь мнѣ также, какъ и животное на которомъ ты ѣдишь!.. Такъ я же покажу тебѣ!..

Графъ выпустилъ поводья и ударилъ лошадь хлыстомъ.

— Галопъ,—крикнулъ онъ музыкантамъ и отошелъ на средину арены. Едва удержавшись на сѣдлѣ, Анюта,

все блѣднѣя, съ полными слезъ глазами начала свой нумеръ. Разгоряченная неожиданнымъ ударомъ лошадь бѣшено носилась по кругу, подгоняемая бичемъ графа, и молодая дѣвушка не могла встать на ноги, чего требовалъ номеръ ея репетируемый.

— Вставайте-же на ноги, чортъ побери! — крикнулъ графъ. — Что вы, первый разъ на лошади, что-ли?.. На ноги!..

Анюта наконецъ вскочила и сдѣлала нѣсколько круговъ по аренѣ, стараясь уловить тактъ музыки; на крутомъ поворотѣ окончательно разгоряченной лошади она покачнулась и полетѣла съ сѣдла въ мѣста, предназначенныя для перваго ряда публики.

Дѣвушка разбилась-бы о поставленныя кое-какъ кресла, но ее поймалъ на лету и бережно, какъ ребенка, поставилъ на ноги, все время стоявшій тутъ одинъ изъ артистовъ труппы.

Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, блондинъ, нѣсколько выше средняго роста, съ широкими мускулистыми плечами на которыхъ держалась большая голова съ цѣлой массой свѣтлорусыхъ, сильно выующихся волосъ; открытое лицо этого небрежно одѣтаго въ короткое драповое пальто человѣка, было не красиво, но дышало такой безпечной удалью, въ глазахъ у него было столько нѣжной доброты, смѣшанной съ добродушно-насмѣшливою улыбкой, что все это некрасивое лицо могло нрявиться самой взыскательной женщиной, а каждый мужчина, даже не фizioномистъ, при взглядѣ на него непременно-бы подумалъ: «вотъ добрый, веселый малый, но съ огонькомъ!»..

— Вы не ушиблись, когда я схватилъ васъ? —

тихонько спросилъ артистъ, выпуская дѣвушку изъ объятій.

— Нѣтъ... Благодарю васъ, Поль, вы спасли меня отъ увѣчья!—шепнула Анюта.

Графъ подбѣжалъ къ ней.

— Что-же это вы дѣлаете? — крикнулъ онъ, окинувъ презрительнымъ взглядомъ Поля. — Вы все хуже и хуже ѣздите, дрянная дѣвченка, дармоѣдка!.. Маршъ на лошадь, а если вы еще разъ упадете, я прикажу васъ высѣчь конюхамъ!.. Я давно говорилъ Вальтеру, что васъ избаловали и что васъ слѣдуетъ проучить въ примѣръ другимъ и даю честное слово, что васъ не просто побьютъ хлыстомъ, а высѣкутъ какъ негодную дѣвченку!..

Анюта невольно попятилась и прижалась къ Полю, съ ужасомъ глядя на исказившееся бѣшенствомъ лицо графа.

— Вы можете бить и сѣчь кого вамъ угодно, почтенный графъ, но только не миссъ Бэллу, — заговорилъ Поль, отстраняя дѣвушку и перескакивая черезъ барьеръ на арену. — Да, только не ее, графъ, потому что взрослыхъ дѣвушекъ ни бить, ни сѣчь не имѣетъ права никто... Слышите?

— Прочь!.. или я изломаю этотъ хлыстъ о твою глупую рожу!—крикнулъ графъ и хотѣлъ было перескочить барьеръ, но Поль взялъ его за руку, повыше локтя.

— Назадъ, назадъ, ваше сіятельство!—хладнокровно но съ поблѣднѣвшимъ лицомъ заговорилъ онъ, сжимая руку графа, какъ желѣзными тисками.

— Не вы изломаете хлыстъ объ меня, а я перело-

маю вамъ ребра, если вы еще осмѣлитесь хоть однимъ словомъ оскорбить Бѣлу... Знайте, достопочтенный графъ, что она моя невѣста!..

Поль выпустилъ графа, который прикусивъ отъ боли губы, выпустилъ хлысть.

— Что-о? что ты сказалъ? — заговорилъ онъ, потирая освобожденную руку. — Она твоя невѣста? Ха-ха-ха!.. Да кто же это отдастъ ее за тебя? Вотъ новости, ха-ха-ха!.. Эту невѣсту выпорютъ и посадятъ на хлѣбъ и на воду; вотъ что я и ея директоръ-хозяинъ сдѣлаемъ съ ней!..

Поль сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ отошедшему графу и взялъ его за пуговицу нарядной голубой венгерки.

— Послушайте, графъ, что я скажу вамъ, — сказалъ онъ, стараясь быть какъ можно покойнѣе. — Я съ вами вѣжливъ и зову васъ вы, между тѣмъ какъ я нигдѣ не учился и меня никто не обучалъ вѣжливости; вы-же, графъ, аристократъ, грубы и дерзки, какъ пьяный сапожникъ. Это не хорошо, графъ, и я прошу васъ перемѣнить ваше обращеніе, или вы рискуете получить неприятность. Это первое, что я скажу вамъ, а второе вотъ что; миссъ Бѣлла, или иначе княжна Анна Запольская, не раба господина Вальтера, а его ученица, взятая имъ по контракту. Контрактъ этотъ обязываетъ господина Вальтера обучить ее искусству наѣздницы и танцовщицы, обращаться съ нею хорошо и по прошествіи десяти лѣтъ уплатить ей триста рублей и, если она согласится, держать ее на жалованьѣ, какое она назначить... Срокъ контракту кончился два года тому назадъ и господинъ Вальтеръ мно-

го уже долженъ княжнѣ Аннѣ Запольской... Онъ заплатитъ ей за все конечно, а иначе его вызовутъ въ судъ. А такъ какъ княжна Анна Запольская дала мнѣ слово быть моей женой, то вы или кто другой, осмѣлившійся оскорбить ее, заплатите мнѣ, ея жениху, и заплатите ужъ не деньгами, а своей головой!.. Я все сказалъ, ваше сіятельство, можете итти... Слѣдовало бы заставить васъ попросить прощенья у моей невѣсты, но княжна Запольская прощаетъ графа Кордина, потому что онъ пьянъ и потому, что онъ конюхъ цирка Томаса Вальтера...

Поль обратился къ Анютѣ, которая, стиснувъ руки, вся обратившись въ слухъ, стояла у барьера.

— Пойдемте миссъ Бэлла, я васъ провожу домой; одѣвайтесь...

И прежде чѣмъ обезумѣвшій отъ бѣшенства графъ пришелъ въ себя, Поль подалъ Анютѣ руку и увелъ ее въ уборную.

Графъ стоялъ, ломая въ куски хлыстъ и до крови кусая губы.

— Что, графъ, плохи наши дѣла?—раздался за нимъ насмѣшливый голосъ.

Графъ оглянулся на подошедшаго къ нему Вальтера, который видѣлъ всю сцену, наблюдая за репетиціей изъ боковой логи.

— Плохи наши дѣла, графъ, а?—повторилъ Вальтеръ, покачиваясь на носкахъ и заложивъ руки въ карманы.

— Послушайте, ужели все это правда?—порывисто спросилъ графъ, хватая за руку директора.

— Увы, правда!—кивнулъ тотъ головой.

— Но кто-же, кто-же рассказал все этому негодяю?

— Онъ подслушалъ мой разговоръ съ женой и сегодня все это высказалъ мнѣ; я обѣщалъ ему уплатить все Бэллѣ, а то онъ грозитъ мнѣ судомъ и уже здѣсь-же въ городѣ нашель адвоката... Бэлла любитъ его, графъ, и намъ остается только пожалѣть объ этомъ лакомомъ кусочкѣ, хе-хе-хе!.. Впрочемъ, женихъ миссъ Бэллы согласился оставить свою невѣсту у насъ артисткой на приличное жалованье, но съ условіемъ, беречь ее какъ око... А онъ, этотъ неуклюжій Поль, очень сильный мужчина, графъ!.. И сильный и смѣлый... Ха-ха-ха! До свиданья, графъ...

— Пойдите! — остановилъ графъ Вальтера за руку. —

Она сегодня участвуетъ?

— Да, она уже поставлена сегодня на афишѣ; въ первомъ отдѣленіи она ѣздитъ высшую школу, а во второмъ...

Графъ не дослушалъ Вальтера и, повернувшись, быстро вышелъ изъ цирка.

Находящіеся на репетиціи артисты потолковали, поспорили о всемъ случившемся и стали одинъ за другимъ расходиться; черезъ нѣсколько времени въ опустѣломъ циркѣ остался только ламповщикъ, приготовляясь къ представленію, да въ конюшняхъ конюхи чистили лошадей. Начинало смеркаться.

Часа за два до представленія, изъ конюшни вышелъ графъ, сопровождаемый однимъ изъ конюховъ.

— Поди сюда, я скажу тебѣ кое-что по секре-

ту, — обратился графъ къ конюху и отвелъ его къ сторонѣ.

— Сегодня миссъ Бэлла будетъ ѣздить высшую школу на „Бедуинѣ“. Ты будешь сѣдлатъ „Бедуина“ подъ дамское сѣдло. да?—спросилъ онъ конюха.

— Точно такъ-съ.

— Вотъ тебѣ пятьдесятъ рублей, — продолжалъ графъ, подавая изумленному конюху деньги;—ты долженъ сдѣлать вотъ какую штуку... Но помни, что это тайна!..Если ты сдѣлаешь все удачно и сохранишь секретъ, я тебѣ дамъ еще сто рублей, понялъ?

— Понялъ, ваше сіятельство; что-же прикажете сдѣлать?

— Вотъ что: подъ сѣдло «Бедуина» положи маленькій гвоздикъ, такъ чтобы шляпка упиралась въ сѣдло, а конешъ въ спину лошади, но подъ кончикъ положи кусокъ кожи или толстаго сукна...

Конюхъ посмотрѣлъ на графа и улыбнулся.

— Ага, понимаю! — произнесъ онъ. — Это значитъ, какъ только миссъ Бэлла поплотнѣе сядетъ, — гвоздь вопьется въ спину «Бедуина», и тотъ начнетъ бить. такъ-съ? О, это лошадь горячая, она растреплетъ не только женщину, а и какого угодно мужчину..

— Да; это мнѣ такъ нужно...

— И слѣдуетъ проучить ее. а то она обидѣла васъ...

— Ну, это не твое дѣло!—осадилъ графъ.—Кромѣ того ты мундштучные поводья ослабь, такъ чтобы одинъ изъ нихъ или лопнулъ, или выскочилъ...

— Ха-ха-ха?—засмѣялся конюхъ.— Совсѣмъ укомплектуешь барышню, право-съ!..

— Такъ все сдѣлаешь?

— Будьте покойны, ваше сіятельство... Только ваше сіятельство, нужно прибавить, потому смертоубійство можетъ быть-съ, и дѣло рискованное...

— Животное! — прошепталъ графъ и кинулъ въ шапку конюха нѣсколько кредитокъ. — Иди-же. приготавлиай все ..

— Слушаю-съ... Конюхъ пошелъ.

— Вотъ еще что, — остановилъ его графъ: — нужно на это время задержать какъ-нибудь господина Поля, какъ-бы это сдѣлать?

— Онъ вѣдь ставитъ пантомиму и въ это время всегда одѣваетъ и учитъ статистовъ, ваше сіятельство ..

— Ага!.. Хорошо, иди...

И графъ злобно улыбаясь, направился въ буфетъ, покручивая усы...

IV.

Мы познакомимъ теперь читателей съ женихомъ Бѣлы, Подемъ.

Это былъ человѣкъ съ біографіей крайне интересной, съ жизнью обильной всевозможныхъ приключеній, одно другого страннѣе, одно другого чудовищнѣе. Только русскій можетъ такъ разнообразно прожить жизнь, претерпѣвать надъ своей особой такую массу превращеній, чуть-ли не ежемѣсячно дѣлаясь изъ человѣка съ достаткомъ — голышемъ и наоборотъ.

Поль и былъ чистокровный русакъ, уроженецъ одной изъ приволжскихъ губерній, сынъ мелочнаго торговца Егора Степановича Зыбкина, Пашка въ дѣт-

ствѣ. Павелъ Егоровичъ въ юношествѣ и «месье Поль» въ зрѣломъ возрастѣ.

Получивъ образованіе въ уѣздномъ училищѣ, Павелъ Егоровичъ былъ приставленъ отцемъ къ дѣлу и изъ ловкаго, смѣтливаго, умнаго мальчика, могъ бы выйти отличный торгошъ; но на бѣду родителя Павелъ чувствовалъ сильную антипатію къ торговлѣ, полюбивъ всей душой чтеніе. Онъ читалъ запоемъ „въ засосъ“, какъ говорятъ, не обращая вниманія на побои отца, не внимая его убѣжденіямъ бросить „проклятыя книги и заняться дѣломъ“, не слушая, наконецъ, предсказаній родныхъ и знакомыхъ о грозящемъ голодѣ „изъ-за этого чтенія и образованія“. Юноша читалъ и читалъ, разжигая воображеніе различными Майнъ-Ридами, Эмарами, Вернами и доморощенными писателями съ кровопролитной литературой. Мечты о далекой Америкѣ съ храбрыми ея обитателями; жгучія мечты о жизни полной приключеній и опасностей, не давали покоя молодому человѣку и не по душѣ были ему прилавокъ, счеты и аршинъ.

Поэтическія ночи на Волгѣ, рассказы бурлаковъ о широкомъ просторѣ ея низовья, о лихой жизни былыхъ богатырей-разбойниковъ—еще болѣе будоражили его, и въ одну такую ночь, забравъ предварительно изъ отцовской выручки рублей триста денегъ, юноша бѣжалъ.

Какой-то полупьяный саратовскій купецъ взялъ его на свою баржу, гдѣ Павелъ и поступилъ подчалкомъ. Съ нимъ не церемонились, не рѣдко били, но юноша терпѣливо переносилъ все, ожидая только попасть въ Астрахань, отъ которой такъ близко было море, спо-

собное, по мнѣнію знакомаго съ географіей по урокамъ стараго уѣзднаго училища Павла, унести его въ запо-вѣдныя страны индѣйцевъ, воинственныхъ делаваровъ, такъ поэтически воспѣтыхъ любимымъ авторомъ, Густавомъ Эмаромъ.

Пріѣхали и въ Астрахань.

У выращеннаго за прилавкомъ Павла хватило сметки спрятать деньги и никому не говорить о нихъ, но нужно было какъ-нибудь ѣхать дальше, а безпаспортнаго юношу никто не бралъ.

— Да ты куда ѣхать-то хочешь?—спрашивали его судоотправители.

— Въ Америку-бы мнѣ хотѣлось,—отвѣчалъ онъ.

— Гм... А пошто это тебѣ въ Америку?

— Мнѣ-то?.. Да такъ... Индѣйцы тамъ, охота, степи...

— Тэкъ-съ. Ты, братъ, вотъ что, американецъ, ты ноги-то уноси, а то тебя бы не сгребли!.. Ты видно парень-то съ пушкомъ на рыльцѣ, коли безъ всякой видимости въ Америку собираешься... Иди-ко, иди, молодецъ!

И Павелъ потерялъ голову, очутившись въ незна-комомъ городѣ и не зная куда можно дальше ѣхать и какъ ѣхать.

— Денегъ у меня мало, а то-бы можно хотъ къ чорту на кулички уѣхать!—рѣшилъ молодой человѣкъ, достаточно понявшій въ трехмѣсячное пребываніе на купеческой баржѣ силу рубля.

— А коли мало—наживемъ больше!

И путешественникъ въ Америку почувствовалъ въ себѣ способность тятенькинаго маклачества.

Самарскій хозяинъ былъ найденъ на пристани.

— Вы, Ермилъ Калистратычъ, куда теперь?—спросилъ его Павелъ.

— Я хочу вверхъ, до Рыбинска пойду... А ты что-же за море-то хотѣлъ? Аль не нашелъ попутчиковъ?

— Отдумалъ, Ермилъ Калистратычъ... Вы доведите-ка меня до Нижняго, я-бы товарцу туда отправилъ...

— Товарцу! Какого товарцу?

— Да балыкъ, говорятъ, дешево здѣсь, да икорки-бы боченочка два, три я захватилъ, нажилъ-бы въ Нижнемъ малость...

Купецъ оглянулъ Павла.

— Укралъ что-ли гдѣ?—спросилъ онъ съ улыбкой, скорѣй поощрительной, чѣмъ насмѣшливой.

— Зачѣмъ воровать —нажилъ!.. На билліардѣ одного заѣзжаго купеческаго сына нагрѣлъ...

— Молодецъ!.. Ладно, поѣдемъ... Ты вѣдь, кажись, грамотный?

— Грамотный.

— Такъ вотъ въ путину-то ты у меня книги подведи: я тебя за это отвезу даромъ, да и подарю десятку, другую. Можешь?

— Могу... А вѣдь паспорта у меня все еще нѣтъ, Ермилъ Калистратычъ...

— А чортъ мнѣ съ твоимъ паспортомъ!.. Мы, братецъ, на этотъ счетъ слободны, безъ стѣсненія...

— Ну и ладно, коли такъ!..

Въ этотъ-же день Павелъ купилъ три боченка икры и балыка; купилъ выгодно, умѣючи, такъ что Ермилъ Калистратычъ въ восторгъ пришелъ и даже

посадилъ съ собою пить чай недавняго подчалка, а теперь конторщика и нѣкоторымъ образомъ своего брата коммерсанта.

— Да ты, Паша, кто такой? Краденый штоль какой, али съ упрекомъ махонькимъ? — спросилъ онъ его. — Вижу что ты парень-то битка!..

— Краденый, Ермилъ Калистратычъ, — самъ себя укралъ! — отвѣтилъ Павелъ, и рассказалъ свою исторію. Купецъ внимательно выслушалъ, и по окончаніи разсказа подумалъ минутъ пять.

— Гм... Нашшетъ мериканцевъ-то, охоть-то разныхъ — энто ты пустое, а толкъ изъ тебя выйдетъ, парень ты съ башкой... Били тебя мало... Вотъ што: я твоему батькѣ письмо напишу, пусть онъ тебѣ пашпортъ вышлетъ, денегъ ему пошлемъ, а ты у меня оставайся, я тебя произведу въ люди, человѣка изъ тебя сдѣлаю...

Такъ все и вышло.

Молодой человѣкъ остался у купца приказчикомъ, ѣздилъ съ нимъ по Волгѣ, торговалъ, и года чрезъ три, скопивъ тысячъ пять, ушелъ искать счастья.

Въ Америку онъ не попалъ, но море узналъ — приѣхалъ въ Англію.

Зачѣмъ онъ поѣхалъ — онъ не зналъ и самъ, это было просто неодолимое влеченіе къ путешествію, къ перемѣнѣ мѣста, къ приключеніямъ. Въ Англіи онъ занялся торговлей, нажилъ деньги; нажилъ не изъ жажды къ наживѣ, а опять-таки добиваясь средствъ къ путешествіямъ, къ приключеніямъ. Въ это время какой-то предприимчивый сынъ Альбіона задумалъ сна-

рядить китоловное судно, публиковалъ объ этомъ, отыскивая компаніона и нашелъ такового въ лицѣ Павла.

Предпріятіе сулило громадныя барыши, но судно у береговъ Гренландіи разбилось, и англичанинъ объявилъ себя банкротомъ; денежки Павла пропали.

— Что-же я теперь буду дѣлать, серъ?—спросилъ молодой человѣкъ, возвратившись изъ плаванія въ Лондонъ къ прогорѣвшему компаніону.

— Что? Вы будете работать. Я тоже буду работать.

— А что вы будете работать?

Англичанинъ пожалъ плечами.

— Найду!—лаконически отвѣтилъ онъ.

— Посовѣтуйте мнѣ что-нибудь, серъ; вѣдь я сдѣлался нищимъ по вашей милости, попросилъ Павелъ.

Англичанинъ затянулся сигарой и пустил струю дыма.

— Вы сказали двѣ глупости, серъ, — проговорилъ онъ,—этого совершенно достаточно, а потому больше не говорите и идите домой; я занятъ.

— Въ награду за мои деньги объясните мнѣ, серъ, какіе это сказалъ я двѣ глупости, — попросилъ опять Павелъ.

Англичанинъ кивнулъ головой.

— Первая глупость—это то, что вы сказали, будто бы по моей винѣ сдѣлались нищимъ, а вторая глупость—просьба ваша дать совѣтъ... Умнымъ совѣтовъ не даютъ, потому что они обойдутся безъ нихъ, а дураку совѣтъ бесполезенъ: онъ не съумѣетъ имъ воспользо-

ваться. Дуракъ вы или умный — это вы узнаете сами, а теперь—прощайте, мнѣ некогда...

Англичанинъ поклонился и повернулся къ Павлу спиной.

„Рыжій песъ правъ“, — подумалъ Павелъ и ушелъ отъ бывшаго компаніона.

Знаніе языка, очень скоро приобрѣтенное способнымъ парнемъ, сметка, навѣкъ въ судоходномъ дѣлѣ, — помогли Павлу; онъ скоро пристроилъ себя къ мѣсту, но изъ Россіи пришло письмо, извѣщающее о смерти отца. и молодой человѣкъ поѣхалъ на родину.

Наслѣдовавъ, какъ единственный сынъ, все достояніе покойнаго, Павелъ завелъ торговлю, но уже не тѣмъ товаромъ, которымъ торговали его отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ, а книгами. Дѣло это, въ лишенномъ какой-бы то ни было библіотекѣ губернскомъ городѣ, пошло очень не дурно, потому что потребность къ чтенію въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ провинціи явилась большая.

Два года все шло хорошо: Павелъ Егоровичъ отлично торговалъ, дѣла по библіотекѣ шли превосходно и капитальчикъ, оставленный отцемъ, округлился. Въ это время въ городъ пріѣхала труппа, труппа для провинціи очень не дурная. Молодой библіотекарь сдѣлался самымъ ярымъ театраломъ; онъ не пропускалъ ни одного представленія, платилъ въ бенефисы тройныя цѣны за кресло; домъ его для всей труппы сдѣлался гостинницей.

Премьеромъ труппы былъ драматическій актеръ съ большимъ дарованіемъ, типъ актера добраго стараго времени въ родѣ Геннадія Несчастливцева, пылкій увле-

кающійся, любящій искусство до самозабвенія, до обо-
жанія. Звали его Гаринъ.

Страстные рѣчи этого актера о сценѣ, объ искусствѣ
увлекли Павла Егоровича, и онъ во что-бы то ни
стало захотѣлъ испробовать свои силы на театральныхъ
подмосткахъ. Первый дебютъ былъ неудаченъ, но Га-
ринъ съ жаромъ доказывалъ, что при любви къ сценѣ
можно добиться пониманія ея, и Павелъ Егоровичъ
бросилъ свою торговлю и сдѣлался антрепренеромъ, на
мѣсто прогорѣвшаго и бѣжавшаго куда-то актерика
Звѣздина. Актеромъ онъ не сдѣлался даже и посред-
ственнымъ, а деньги очень скоро вышли: антрепренер-
ство совершенно не повезло.

У молодого человѣка было слишкомъ достаточно
самолюбія и такта, чтобы пресмыкаться по сценамъ
въ качествѣ никому не нужнаго дилетанта, и онъ бро-
силъ театръ.

Въ это время, гдѣ-то на югѣ Россіи, онъ влюбился
въ артистку цирка, увлекся ею до того, что посту-
пилъ въ тотъ циркъ чѣмъ-то вродѣ управляющаго, по-
томъ, не смотря на свои двадцать три года, выучился
искусству акробата и, обладая значительной силой, дос-
тигъ въ этомъ искусствѣ совершенства. Его зачислили
въ разрядъ первокласныхъ артистовъ, а когда онъ, на-
дѣленный пылкой фантазіей, вкусомъ, поставилъ свою
пантомиму, мѣстами полную комизма, мѣстами поэти-
чески фантастическую,—его чуть не на рукахъ стали
носить и на перебой ангажировали изъ труппы въ
труппу.

Артистка, въ которую онъ влюбился, упала какъ-то

съ лошади и умерла, и Павелъ Егоровичъ, переименованный на месье Поля, уѣхалъ за-границу, бродилъ по всей Европѣ и наконецъ попалъ въ труппу Вальтера. Здѣсь онъ встрѣтилъ Анюту. Эта дѣвушка была способна увлечь и не такого пылкаго молодого человѣка, какъ Поль, а онъ полюбилъ ее страстно, нѣжно, всѣми силами своего сердца и полюбивъ отдался ей весь. Онъ читалъ ей книги, рассказывалъ про жазнь такъ хорошо ему знакомыхъ людей, училъ жить.

Дѣвушка тоже любила его и молодому человѣку нужно было устроить свою жизнь такъ, чтобы можно было ввести въ свой домъ жену, жену страстно-любимую, обожаемую, пока еще рабу нѣмца Вальтера.

Энергія проснулась въ Полѣ.

Онъ сталъ усиленно работать, копить деньги, тратить изъ своего очень значительнаго жалованья крайне мало, откладывая почти все для будущей жизни съ Анютой и лелѣя одну только мысль—жениться на ней и, взявъ ее изъ цирка, заняться чѣмъ-нибудь другимъ.

Неожиданно подслушанный разговоръ Вальтера съ женой приблизили развязку, и Поля объявили официальнымъ женихомъ миссъ Бэллы.

Между ними встали Вальтеръ и графъ.

V.

Городъ Многоводскъ радушно встрѣтилъ пріѣхавшій циркъ; сборъ перваго представленія былъ почти полный.

Въ ложахъ сидѣли семейства туземной аристократіи; первый рядъ блисталъ военными франтами изъ мѣстной молодежи.

— Ну, господа, какая тутъ есть артистка—чудо! — рассказывалъ въ первомъ ряду заѣзжій гусарь.—Я видалъ эти цирки, и провинціальныя и столичныя, но нигдѣ не встрѣчалъ такой очаровательной дѣвочки!.. Восторгъ, я вамъ говорю!..

— Какъ ее зовутъ?—спросилъ кто-то.

— Миссъ Бэлла.

— А, она участвуетъ сегодня!.. Вотъ въ программѣ написано: „высшую школу верховой ѣзды будетъ ѣздить миссъ Бэлла...“ Увидимъ твою красавицу...

— И вѣроятно больше того,—будемъ потомъ знакомы.

— Что касается до меня, то я не остановлюсь и

на этомъ: я буду ею обладать, — самодовольно замѣтилъ гусаръ.

— Не ошибись: у нихъ всегда есть обожатели, и обожатели очень сильные!

— Вотъ пустяки!

Въ это время по первымъ рядамъ проходилъ графъ, пробираясь въ уборную.

— Вотъ управляющій цирка; спросимъ его объ этой миссъ Бэллѣ, — сказалъ гусаръ. — Послушайте! — остановилъ онъ графа. — Сегодня вѣдь участвуетъ въ представленіи миссъ Бэлла?

— Да, она участвуетъ.

— Скажите, что эта за особа?

— Искусная артистка и очень хорошенькая дѣвушка.

— Ну, а изъ недоступныхъ она, или пойдетъ на любовь? А? Ха-ха-ха!..

Лицо графа слегка передернуло.

Какой-нибудь день тому назадъ на подобный вопросъ онъ-бы отвѣтилъ дерзостью, осадилъ-бы спрашивающаго, пожалуй дѣло кончилось-бы еще хуже, но теперь... Теперь графъ насмѣшливо улыбнулся.

— Она имѣетъ склонность къ деньгамъ, господинъ офицеръ, и за нихъ готова на все... Можете разсчитывать на успѣхъ, можете! — проговорилъ онъ и, слегка поклонившись гусару, прошелъ въ уборную.

А въ уборной все это время стояла Анюта, уже одѣтая въ амазонку, и разговаривала съ Полемъ.

— Я страшно, страшно боюсь чего-то, Поль! — говорила она. — Этотъ графъ такъ золъ, такъ мстите-

лень, что ни за что не простить намъ и жестоко отмстить!.. Милый, дорогой мой Поль, возьми меня отсюда!.. Мы найдемъ какое-нибудь занятіе; у тебя, ты говорилъ, есть деньги, мнѣ тоже дать ихъ Вальтеръ, и мы отлично заживемъ послѣ свадьбы...

— Да, я такъ и сдѣлаю, моя милая; и сдѣлаю очень скоро, но нѣсколько дней мы останемся здѣсь... Ты не бойся: со мной тебя никто не смѣетъ обидѣть...

— О, они способны приготовить какой-нибудь скандалъ, какую-нибудь ужасную вещь; они такъ злы, такъ ненавидятъ теперь насъ!.. Поль, я сегодня-же, сейчасъ-же хочу бѣжать отсюда!.. Возьми, возьми меня, дорогой мой!..

Анюта крѣпко сжала руки своего жениха.

— Милая моя, этого сдѣлать невозможно! Этимъ мы оскорбимъ публику, вѣдь ужъ ты стоишь на афишѣ... Да не бойся-же, не бойся, успокойся...

— Вамъ сейчасъ ѣхать, миссъ Бэлла, — подошелъ къ Анютѣ Вальтеръ. — Надѣюсь, что это не послѣднее ваше участіе въ моемъ циркѣ?.. Поль, какъ вы скажете? — обратился онъ къ жениху и невѣстѣ.

— Это мы увидимъ, господинъ Вальтеръ, — сухо отвѣтилъ Поль и повелъ Анюту къ лошади.

— Господинъ Поль, въ большой уборной ждутъ васъ статисты: они безъ васъ не умѣютъ одѣться, — доложилъ Поллю подошедшій конюхъ.

— Ахъ, я и забылъ!.. Анюта, тебѣ помогутъ сѣсть на лошадь. Я пойду готовить пантомиму, — шепнулъ Поль невѣстѣ и, пожавъ ей руки, ушелъ.

Вороной арабскій конь, приготовленный для Анюты,

обыкновенно послушный, хотя и горячій, но превосходно выѣзженный, теперь отчего-то сильно беспокоился, прядаль ушами, переступалъ съ ноги на ногу и поминутно вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Анята полагала его по шеѣ, погладила его морду, но конь только злобно покосился на нее.

— Бедуинъ сегодня что-то очень не хорошъ, — замѣтила Анята.

— За то наѣздница очаровательна, — проговорилъ подошедши сзади графъ, окидывая Аняту страстнымъ и въ тоже время злобнымъ взглядомъ. — По всему видно, что невѣста!.. А мы-то, бѣдные, заботились какъ о ней; такого бархата на амазонкѣ, какъ у васъ, нѣтъ ни въ одномъ столичномъ циркѣ!.. Но, впрочемъ, черствый хлѣбъ съ милымъ въ шалашѣ гораздо пріятнѣе всѣхъ бархатовъ на свѣтѣ!..

— Помогите мнѣ сѣсть, — перебила графа Анята, обратившись къ конюху. Тотъ подаль дѣвушка руку и она сѣла на сѣдло.

Бѣшено взвился Бедуинъ на дыбы и, злобно заржавъ, бросился на арену, не дожидаясь пока его выведутъ и сбивая съ ногъ стоявшихъ у входа артистовъ и конюховъ.

Публика не понявъ въ первую минуту, что лошадь взбѣсилась, встрѣтила появленіе артистки громкими аплодисментами, но потомъ, когда Бедуинъ, то подымаясь на дыбы, то вскидывая задомъ, закружился на мѣстѣ, а Анята блѣдная, бросивъ поводья, уцѣпилась руками за его гриву, весь первый рядъ пришелъ въ смятеніе.

— Помогите, помогите, лошадь взбѣсилась! — крикнулъ кто-то, и половина публики ринулась къ выходу; нѣкоторые изъ мужчинъ перескочили барьеръ и подбѣжали къ лошади, но Бедуинъ сдѣлалъ крутой поворотъ, и поднявшись на дыбы, перескочилъ въ первый рядъ, ломая кресла; Анята упала назадъ, ударившись головой объ край барьера.

Ее замертво подняли и понесли въ уборную; нѣкоторые изъ конюховъ схватили лошадь, которая тряслась всѣмъ тѣломъ и не давалась въ руки.

— Что такое случилось? Что случилось? — расталкивая столпившую публику, спрашивалъ появившійся на аренѣ Поль и подбѣжалъ къ лежащей на рукахъ у какого-то господина Аняутѣ.

— Миссъ Бэллу разбила лошадь, господинъ Поль, — сказалъ одинъ изъ конюховъ.

Поль хотѣлъ было принять дѣвушку на руки, но услыжавъ это сообщеніе, подбѣжалъ къ Бедуину.

— Разбила лошадь... Разбилъ Бедуинъ, это кроткое, отлично выѣзжанное животное? О, это что-нибудь не такъ! — произнесъ онъ и, взявъ Бедуина за узду, положилъ ему руку на сѣдло; конь вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и рванулъсь впередъ.

Поль ослабилъ ему подпругу и, разстегнувъ пряжки, снялъ сѣдло. Подъ сѣдломъ на глянцевитой, вороного крыла шерсти лошади струилась кровь, а на самомъ хребтѣ виднѣлась шляпка небольшого гвоздика, почти наполовину ушедшаго въ тѣло.

— А, здѣсь преступленіе! — съ бѣшенствомъ проговорилъ, Поль и обратившись къ окружающей лошадей

публикѣ и конюхамъ, указаль на гвоздикъ. — Вы видите, что подъ сѣдломъ положень гвоздь, господа? При случаѣ я попрошу васъ засвидѣтельствовать это...

Поль вынулъ гвоздикъ и быстро вошелъ въ уборную.

Черезъ нѣсколько времени публика успокоилась, усѣлась по мѣстамъ, и послѣ того какъ директоромъ было объявлено, что положеніе артистки нисколько не опасно, представленіе продолжалось своимъ чередомъ и кончилось благополучно: большинство публики сейчасъ-же по окончаніи представленія забыло о происшествіи, и только видѣвшіе подложенный гвоздикъ толковали о немъ, то объясняя это какой-нибудь интригой, то приписывая его появленіе простой случайности. Многіе жалѣли хорошенькую артистку, не предполагая уже видѣть ее болѣе участвующей въ представленіяхъ.

Сейчасъ-же по окончаніи представленія Поль подошелъ къ графу, который въ буфетѣ пилъ вино съ гусарскимъ офицеромъ и нѣсколькими молодыми людьми изъ мѣстной аристократіи, и совершенно спокойнымъ голосомъ, но весь блѣдный, сказалъ ему:

— Графъ, я имѣю основаніе предполагать, что гнусную исторію съ миссъ Бэллой сыграли вы и васъ обвиняю въ этомъ, а такъ какъ я женихъ миссъ Бэллы, то требую отъ васъ удовлетворенія... Угодно вамъ мнѣ дать его?

— Смотря по тому, какого вы желаете! — нагло улыбнулся графъ. — Но прежде всего, позвольте васъ спросить: какое-же вы имѣете основаніе предполагать,

что это я подстроилъ гвоздикъ? Я хлыстомъ биваль вашу невѣсту, это правда, но на жизнь ея я покушаться не желаю!.. Живите и размножайтесь, Богъ съ вами.

— Мои основанія вамъ не буду высказывать, графъ, я не хочу этого,—уже дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Поль.—Я только еще разъ спрошу васъ: угодно будетъ дать вамъ мнѣ удовлетвореніе?

— Какое, мой милый?.. Убытки, что-ли заплатить, которые понесетъ ваша невѣста?

— Я говорю объ удовлетвореніи, которое даютъ порядочные люди, когда у нихъ, просятъ его ими оскорбленные...

— То-есть?

Поль поблѣднѣлъ еще больше.

— Я желаю съ вами стрѣляться, — глухо проговорилъ онъ, теряя самообладаніе отъ насмѣшливаго тона графа.

— А, дуэль!—протянулъ графъ.—Но, мой милый, во-первыхъ, дуэли запрещены существующими законами, а во-вторыхъ, вы сами-же сказали, что онѣ практикуются между порядочными людьми... Съ вами драться я, мой милый, не стану!..

— Почему? — спросилъ Поль. — Не такой-ли же я артистъ цирка, какъ и вы?

— Ну, не совсѣмъ такой!.. Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, это вы напрасно такой романъ затѣваете...

Поль шагнулъ къ графу.

— Ты будешь со мной драться, подлецъ, или я убью тебя, какъ собаку!—крикнулъ онъ и выхватилъ изъ кармана револьверъ.

Графъ схватилъ его за руку и въ ту-же минуту пять конюховъ, слѣдившихъ все время за этой сценой, схватили Поля сзади, вырвавъ револьверъ.

— Свяжите эту скотину и пошлите за полиціей,— хладнокровно приказалъ графъ.

Въ первую минуту Поля бѣшено рванулъ изъ рукъ державшихъ его, но потомъ опустилъ голову и точно одервенѣлъ; только грудь его высоко подымалась, да губы судорожно вздрагивали.

Появившійся полицейскій чиновникъ приказалъ арестовать Поля, а самъ отправился въ комнату буфетчика составлять протоколъ, попросивъ всѣхъ присутствующихъ остаться для дачи показаній.

Графъ велѣлъ подать новую бутылку вина и какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ пить.

— Объясните-же, пожалуйста, что все это значить? Это совсѣмъ романъ, право!—сказалъ одинъ изъ его собесѣдниковъ.

— Да это-же такъ просто! — улыбнулся графъ. — Этотъ эскимось воспыалъ страстью къ дѣвчкѣ; ну, а я поигралъ съ нею въ любовь, а когда мнѣ она надоѣла, я, чтобъ отвязаться, раза два побилъ ее хлыстомъ, въ качествѣ управляющаго и учителя: ну, этотъ баринъ и озлобился... Дуракъ, посидитъ теперь въ острогѣ!..

— Ну, а эта миссъ Бѣлла-то любитъ его? недоступна?

— Пустое!.. Вотъ она опять начнетъ ѣздить, такъ попробуйте атаковать ее; повѣрьте, что безъ успѣха

не будете... Сперва, конечно, разыграетъ роль оскорбленной невинности, ну, а потомъ:

«Я твоя, твоя на вѣкъ,
Коль богатъ ты, человѣкъ»!..

— Э, мы попытаемъ, если такъ, она прехорошенькая! — рѣшили молодые люди и пошли подписываться подъ протоколомъ. А протоколомъ этимъ Поль обвинялся въ покушеніи на убійство управляющаго цирка Вальтера, графа Кордина.

VI.

Несчастная Анята довольно легко отдѣлалась отъ адскаго замысла графа Кордина: незначительный ушибъ ноги и плеча—вотъ все, что получила бѣдная дѣвушка при паденіи съ лошади. Боль отъ этихъ ушибовъ, благодаря скорой медицинской помощи, прекратилась на другой-же день, но Анята не скоро могла оправиться отъ испуга.

Сильная нервная дрожь дѣлалась съ бѣдной дѣвушкой, когда вспоминала она весь ужасъ своего положенія на конѣ, который неизвѣстно отчего сталъ страшно бѣситься. Анята чувствовала, что была въ тотъ часъ на волосъ отъ смерти и что только счастливая случайность спасла ее отъ гибели. Блѣдная и дрожащая вспоминала она эти ужасныя для нея минуты. Ночью ей грезилось, что вотъ она сидитъ на лошади, которая бѣшено скачетъ, подымается на дыбы, бьетъ передомъ и задомъ; Анята испуганно оглядывается, кричитъ о помощи, о спасеніи, но напрасно: никто не рѣшается подойти къ взбѣсившейся лошади...

Вотъ видитъ Анюта, что на нее смотритъ графъ Кординъ: она съ мольбою обращается къ нему, прося спасти ее, но графъ злобно улыбается и стоитъ на мѣстѣ... Вотъ является Поль: онъ нѣжно и ласково смотритъ на нее, хочетъ броситься къ ней, но его держитъ за руки Вальтеръ. Напрасно Поль хочетъ вырваться, освободиться отъ него: какъ въ тискахъ, тѣло его находится въ рукахъ директора цирка. „Поль, помогите!“ хочетъ вскрикнуть бѣдная наѣздница, но поздно: она сброшена лошадыю на арену и предъ глазами у ней мелькаютъ страшныя лошадиныя копыта... Тутъ Анюта въ ужасѣ просыпалась и дико оглядывалась кругомъ.

На третій день послѣ паденія съ лошади Анюта сидѣла еще очень слабая и блѣдная, когда къ ней вошелъ Вальтеръ. Нѣмецъ постарался придать своему лицу нѣжность и добродушіе и ласково проговорилъ:

— Ну, миссъ Бэлла, какъ вы себя чувствуете? Мнѣ очень жаль васъ, но что дѣлать: вѣрно судьба!

— Я еще до сихъ поръ не могу избавиться отъ испуга,—отвѣчала Анюта.

— Слава Богу, что еще такъ счастливо кончилось: могло бы кончиться очень худо. Я рѣшительно не понимаю, что сдѣлалось съ лошадыю: ранѣе она всегда у меня считалась за смирную и тихую. Но,—прибавилъ Вальтеръ, — кончилось благополучно, вы здоровы и невредимы; значить и толковать объ этомъ не стоитъ. Теперь же я вамъ сообщу, что завтра у меня назначено блестящее представленіе, и уже въ афишѣ сказано, что вы будете исполнять свой нумеръ: высшую школу верховой ѣзды.

— Но я еще очень слаба,—удивленно проговорила Аня:—врядъ-ли въ состояніи я буду работать?..

— Э, пустяки, миссъ Бэлла! свѣжій воздухъ и движеніе всего болѣе поможетъ теперь вамъ. Я долженъ сказать вамъ, что публика чрезвычайно полюбила васъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ снова увидѣть васъ на аренѣ. Безъ васъ, миссъ Бэлла, безъ лести скажу вамъ, публики гораздо стало бывать менѣе въ циркѣ: вы вѣдь украшеніе его,—скорчилъ свои тонкія губы Вальтеръ.

— Но, право, я очень нехорошо себя чувствую,—повторила дѣвушка.

— Пустое, поправитесь, да къ тому же вы понимаете, миссъ Бэлла, что теперь невозможно вамъ быть больною: афиша напечатана и ваше имя красуется тамъ.

— Мнѣ кажется, что вы нѣсколько поторопились, герръ Вальтеръ, назначивъ меня... — начала Аня, но Вальтеръ перебилъ ее.

— О, какая вы нѣженка, миссъ Бэлла! — вскричалъ онъ, покраснѣвъ отъ раздраженія. — Неужели вы все еще не можете привыкнуть къ своему труду? Знайте, что каждый артистъ и артистка цирка не обойдется безъ того, чтобъ не получить ушибовъ отъ разныхъ паденій, и ушибовъ гораздо болѣе тяжелыхъ чѣмъ ваши. Объ испугѣ я не говорю: его нужно совсѣмъ забыть при вашемъ трудѣ.

Аня попробовала было еще разъ попросить Вальтера отсрочить ей работу хотя на два дня, но директоръ злобно замѣтилъ ей, что она обязана завтра исполнить свой нумеръ.

— Сегодня въ 5 часовъ я прошу васъ быть на репетиціи,—прибавилъ онъ уходя.

Бѣдной дѣвушкѣ оставалось покориться своей участи, и она, не совсѣмъ еще оправившаяся отъ болѣзни, блѣдненькая и слабенькая, слегка прихрамывая, явилась въ циркъ на репетицію.

— Вотъ молодцомъ, миссъ Бэлл! —сказалъ встрѣчая ее Вальтеръ.

Анюта ничего ему не отвѣтила и начала репетировать свой нумеръ, нервно вздрагивая, когда приходилось ей усмирять заупрямившагося коня.

На другой день Анюта исполняла свой нумеръ при многочисленномъ собраніи публики, которая восторженно встрѣтила ее рукоплесканіями, какъ только она появилась на аренѣ въ своей бархатной амазонкѣ, чрезвычайно идущей къ ея бѣдному, интересному личику. Послѣ несчастнаго случая съ Анютой, у Вальтера почти полгорода справлялось о здоровьѣ миссъ Бэллы, которая своею прекрасною, очаровательною наружностью произвела большое впечатлѣніе на публику Многоводска. И вотъ теперь всѣ снова увидали ее, изящно сидящую на ворономъ дрессированномъ конѣ. Когда она кончила свой нумеръ, страшныя, неумолкаемыя рукоплесканія и крики раздались въ циркѣ.

— Миссъ Бэллу, миссъ Бэллу! —кричала неистово публика и три раза вызывала наѣздницу.

На вызовъ Анюта галопомъ выѣзжала на арену и наклоненіемъ своей чудной головки благодарила публику. Букеты живыхъ цвѣтовъ дождемъ сыпались къ ея ногамъ. Вальтеръ самодовольно улыбался: сборъ былъ

полный; многимъ даже отказывали за неимѣніемъ билетовъ.

— Мнѣ нужно употребить всѣ силы, чтобъ удержать у себя эту дѣвочку: она принесетъ мнѣ большой доходъ, публика полюбила ее, и мой циркъ всегда будетъ полонъ народомъ, — думалъ Вальтеръ, смотря на Анюту. А Анюта въ это время искала глазами въ рядахъ зрителей дорогаго для нея лица Поля; но не было его тамъ, не могъ онъ теперь любоваться ею...

Вотъ Анюта замѣтила графа Кордина, который страстно пожиралъ ее глазами, надѣясь отыскать въ ея взорѣ любовь къ себѣ, но когда глаза ихъ встрѣтились, онъ инстинктивно понялъ, какъ глубоко ненавидитъ его Анюта. Графъ поблѣднѣлъ и судорожно сжалъ ручку хлыста...

— Неужели она не будетъ моею?—прошепталъ онъ.

Зрители цирка Вальтера всѣ любовались наѣздницею миссъ Бэллою и съ любовью бросали ей букеты цвѣтовъ, но всѣхъ болѣе любовался ею зритель, сидѣвшій въ первомъ ряду и не спускавшій съ нея бинокля. Это былъ многоводскій купецъ-холостякъ Махаевъ. Махаевъ былъ миллионеръ и жилъ одинъ. Съ перваго же дня открытія цирка онъ не пропускалъ почти ни одного представленія и постоянно дѣлалъ подарки артисткамъ и артистамъ. Всѣхъ болѣе ему понравилась Анюта. Имѣвшій отъ природы широкую, русскую натуру, доброе любящее сердце, онъ и теперь, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, легко поддавался порывамъ страсти и любви. Въ первый разъ увидя Анюту, онъ полюбилъ ее какъ юноша, горячо и страстно. Махаевъ былъ муж-

чина атлетическаго тѣлосложенія, высокій, бодрый. Окладистая съ просѣдью борода окаймляла его красивое, энергичное лицо.

Одѣвался Махаевъ всегда по-русски, т. е. носилъ длиннополый сюртукъ, сапоги съ бураками, въ которые заправлялъ широкіе брюки, и атласную черную жилетку.

„Экая красавица наѣздница!“ — думалъ онъ, смотря на Анюту. — „Для такого ангела, кажется, ничего не пожалѣю, все отдамъ!“ — восторженно прибавилъ онъ и подносилъ Анютѣ дорогіе подарки и коробки конфектъ.

На другой день послѣ представленія, Махаевъ задумчиво ходилъ по богато-убраннымъ комнатамъ своего трехъ-этажнаго каменнаго дома и мечталъ о наѣздницѣ миссъ Бэллѣ.

— А попробовать развѣ тряхнуть своей казной, авось и будетъ она моя! — разсуждалъ онъ. — Вѣдь вотъ поди ты, кажись и въ Питерѣ и въ Москвѣ бывалъ, видалъ тамъ красавицъ, но такъ, какъ эта Бэлла ни одна еще мнѣ не нравилась: словно приворожила она меня къ себѣ. Э, была не была, попытаюсь, авось и полюбить меня старика, прибавилъ Махаевъ и въ этотъ же день отправился къ Вальтеру, который его нѣсколько зналъ по цирку, какъ постоянного посѣтителя. Встрѣтивъ его очень радушно, хитрый нѣмецъ сразу смекнулъ, что Махаева заставило что-нибудь особенное придти къ нему. Онъ любезно усадилъ его въ кресло.

— Чѣмъ могу быть полезнымъ вамъ? — началъ Вальтеръ вкрадчивымъ голосомъ.

— Да вотъ хочу тебѣ въ циркъ лошадокъ парочку

подарить: онѣ у меня плохо идутъ въ упряжкѣ, а для верховой-то ѣзды кажись годны, кони статные...

— О, я очень вамъ благодаренъ, но даромъ мнѣ совѣстно взять у васъ.

— Конечно не за деньги: я, братъ, лошадьми не торгую,—перебилъ Вальтера Махаевъ.

— Благодарю, благодарю васъ!—Вальтеръ обѣими руками пожалъ руку Махаева.

— Не стоитъ благодарности: онѣ мнѣ не нужны. Сегодня же я велю отвести ихъ къ тебѣ въ циркъ; ты обучишь ихъ, и будетъ на моихъ коняхъ разѣзжать какая-нибудь распрекрасная наѣздница, — улыбнулся Махаевъ.

— Ха, ха! О, да, да, будетъ ѣздить наѣздница! Приходите сами ко мнѣ въ циркъ, я при васъ буду дрессировать ихъ. Лошади молодья?

— Молодая: одной третій годъ, а другой пять! Годятся такія?

— О, отлично!

— Только ты, господинъ Вальтеръ, обучи моихъ коней получше, чтобъ не были очень-то бѣшены, чтобъ были послушны и тихи, а то вѣдь вотъ у тебя на дняхъ миссъ Бэллу-то чуть не убилъ конь.

— Нѣтъ, тутъ былъ случай особенный, лошади нечаянно попалъ подъ сѣдло гвоздь, она и сбѣсилась,—сказалъ Вальтеръ, не желая сказать всю правду Махаеву о гнусномъ замыслѣ графа.

— Надо смотрѣть лучше, а то вѣдь на твоей душѣ

грѣхъ будетъ, какъ такая-то лошадь, да убьетъ кого. Миссъ Бэлла здорова теперь?—спросилъ Махаевъ, при чемъ сердце его сильно забилося.

— Здорова, здорова, она только испугалась немного. Но все это пустяки: серьезнаго ничего не случилось,—отвѣчалъ весело Вальтеръ и тутъ-же смекнулъ, что заставило Махаева подарить ему лошадей.

— У меня миссъ Бэлла такая нѣжная, пугливая,—прибавилъ онъ и замѣтилъ какъ у Махаева при имени Бэллы заблестали глаза.

— Такую наѣздницу, какъ миссъ Бэлла, нужно беречь, — сказалъ Махаевъ, вѣдь публика-то больше для нея ходить въ циркъ.

— Да, да, миссъ Бэлла хорошая наѣздница,—отвѣчалъ Вальтеръ, покручивая свои тонкіе, намазанные ангуазомъ усы.

Въ этотъ-же день Махаевъ прислалъ Вальтеру лошадей и явился самъ на репетицію, на которой участвовала и миссъ Бэлла. Махаевъ подошелъ къ ней вмѣстѣ съ директоромъ.

— Вотъ, миссъ Бэлла,—проговорилъ Вальтеръ, — господинъ Махаевъ желаетъ познакомиться съ вами.

— Очень пріятно,—отвѣчала тихо Анята и искоса взглянула на Махаева. Тотъ своею представительною наружностью и степенностью сразу ей понравился, и она почувствовала къ нему довѣріе.

— Вотъ, барышня, тебѣ отъ меня подарочекъ, —

сказалъ Махаевъ, подавая ей два свертка. — Это тебѣ, барышня, за твои прекрасныя представленія, — прибавилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ... — начала было Аня, но Вальтеръ перебилъ ее.

— Возьмите, возьмите, миссъ Бэлла, господинъ Махаевъ не хочетъ дѣлать подарки мнѣ одному, онъ же-лаетъ также и хорошихъ артистовъ благодарить.

— Да, — отвѣчалъ Махаевъ: — я очень доволенъ всѣми вашими представленіями, надо же мнѣ чѣмъ-нибудь благодарить васъ за всѣ удовольствія. Мнѣ ежели что понравится, я денегъ не жалѣю тогда, — прибавилъ онъ и нѣжно взглянулъ на Бэлла.

— Я вамъ очень благодарна, — проговорила Аня, и стала репетировать свой нумеръ. Когда она кончила свою ѣзду, къ ней опять подошли Вальтеръ и Махаевъ.

Миссъ Бэлла, — сказалъ ей директоръ: — господинъ Махаевъ предлагаетъ сегодняшній день ѣхать кататься на тройкѣ за-городъ и просить васъ принять участіе въ этомъ весельи. Надѣюсь, вы не откажете?

— Да, да, барышня, не обидь насъ. поѣдемъ съ нами.

— Благодарю васъ, — отвѣчала Аня. — но я очень скверно чувствую себя сегодня, у меня болитъ голова.

— Э, пустяки! — воскликнулъ Вальтеръ, — ваша голова пройдетъ. Мы поѣдемъ на лихихъ коняхъ господина Махаева, насъ будетъ много, намъ будетъ весело и вся ваша боль головная пройдетъ.

— Пожалуйста, не зовите меня, право мнѣ нездо-

ровится сегодня,— отвѣчала Анята, но Вальтеръ опять перебилъ ее.

— У васъ вѣчно капризы, миссъ Бэлла; такъ нельзя, нужно помнить, что вы и гдѣ вы,—проговорилъ онъ гнѣвно и злобно взглянувъ на нее.

— Поѣдемъ, барышня,—упрашивалъ Махаевъ Аняту,—право лучше будетъ прокатиться за-городъ, погода-же сегодня чудная.

Дѣвушка еще разъ хотѣла было попробовать отговориться, но взглянувши въ лицо директора, она поняла, что болѣе отказываться невозможно. Она согласилась.

VII.

Когда Анюта, возвратившись съ репетиции домой, развернула подарки Махаева, то она очень удивилась, увидавъ въ одной коробкѣ брилліантовое ожерелье, а въ другой—такой-же перстень и золотую браслетку. Такихъ цѣнныхъ подарковъ она еще ни разу не получала. Въ первую минуту ей было чрезвычайно совѣстно принять такіе драгоценные подарки, и она снова завернувъ ихъ, хотѣла отослать обратно Махаеву. Тутъ опять ей вспомнился самъ Махаевъ, и опять она, какъ давеча въ циркѣ, почувствовала къ нему какое-то уваженіе и довѣріе: сердце ея какъ будто предсказывало ей, что она не должна опасаться этого купца, и Анюта оставила подарки у себя: она поняла, что сильно огорчитъ Махаева, если отошлетъ ихъ обратно ему. Вдругъ Анюта услышала звукъ бубенчиковъ и ржаніе лошадей. Она быстро подбѣжала къ окну и увидала у крыльца тройку отличныхъ лошадей, запряжен-

ныхъ въ разукрашенныя большія сани, изъ которыхъ вышелъ Махаевъ.

Черезъ полчаса эта самая тройка, какъ стрѣла, неслась по большой дорогѣ къ большому торговому селу Вавилону, отстоящему въ 15 верстахъ отъ Многоводска. Въ саняхъ сидѣли Анята съ подругой наѣздницей, а противъ нихъ помѣщались Махаевъ и Вальтеръ. Это было во время масленицы. Погода была теплая, ясная. Анятѣ стало какъ-то невольно весело и отъ звука колокольчика, и отъ крика ямщика, и отъ этой бѣшеной скачки. Отъ свѣжаго воздуха и отъ разнородныхъ чувствъ блѣдненькія щечки Аняты зарумянились. Въ эту минуту она была чудно хороша, и сидящій противъ нея Махаевъ съ восторгомъ любовался ею. А Анята не замѣчала его: она смотрѣла вдаль на синѣющіе лѣса, на бѣлые, какъ будто одѣтыя саваномъ, пустынные поля и вспомнила самое отдаленное, раннее дѣтство свое. Потомъ вспомнился ей Польшъ, и бѣдная дѣвушка, зная, что онъ изъ-за нея теперь сидитъ въ тюрьмѣ, печально наклонила свою головку...

— Тпру!—раздался голосъ ямщика, и тройка остановилась у крыльца сельскаго трактира.

Въ большой отдѣльной комнатѣ этого трактира чрезъ нѣсколько времени сидѣла Анята съ своими спутниками и была какъ-то особенно задумчива и печальна. На столѣ стояли бутылки съ шампанскимъ, яблоки, апельсины, всевозможные конфекты и закуски. Вальтеръ пилъ стаканъ за стаканомъ и благодаря вліянію шампанскаго былъ очень веселъ и разговорчивъ. Онъ шутилъ, острилъ, сыпалъ комплименты Анятѣ и

ея подругѣ и говорилъ любезности Махаеву, но тотъ пилъ мало и былъ нѣсколько задумчивъ: онъ все время не спускалъ глазъ съ Анюты.

— Послушай, барышня, — сказалъ онъ обращаясь къ ней: — что ты такая все скучная, аль горе есть какое?

— Нѣтъ, такъ что-то скучно, — тихо отвѣчала Анюта.

Махаевъ налилъ стаканъ шампанскаго, и подавая его Анютѣ, проговорилъ:

— Выпей, барышня, веселѣе будешь!

— Нѣтъ, я не могу пить, я никогда не пила, — отвѣчала Анюта.

— Право лучше будетъ! Ну давай чокнемся съ тобой, и Махаевъ налилъ еще шампанскаго.

— Выпейте, миссъ Бэлла! Господинъ Махаевъ вѣрно говоритъ, вамъ будетъ гораздо веселѣе, — сказалъ Вальтеръ, и Анюта почувствовала въ этихъ словахъ какое-то приказаніе.

— Ну, барышня, давай выпьемъ съ тобой, — повторялъ Махаевъ, держа въ рукахъ бокаль.

Анюта какъ-то машинально чокнулась съ нимъ своимъ бокаломъ и выпила. Чрезъ нѣсколько минутъ она почувствовала головокруженіе, сердце ея забилося сильнѣй, яркій румянецъ выступилъ на блѣдныхъ щекахъ, и какая-то особенная гнетущая тоска овладѣла всѣмъ ея существомъ. Она наклонила свою головку на руку и вдругъ неожиданно для самой себя громко, неудержимо зарыдала.

— Барышня, что съ тобой? Бога ради скажи!— вскрикнулъ Махаевъ, быстро подходя къ ней.

— Миссъ Бэлла, что случилось? о чемъ вы плачете?—проговорилъ удивленно Вальтеръ.

Но дѣвушка не отвѣчала: она продолжала неудержимо, истерически рыдать. Все тѣло ея нервно вздрагивало и она громко всхлипывала.

Нестерпимо жалко стало Махаеву; онъ ласково взялъ ее за руку и въ этомъ движеніи высказалъ всю честность и прямоту своей души.

— Барышня, откройся мнѣ, скажи о своемъ горѣ, я помогу тебѣ,—нѣжно проговорилъ онъ.

Анюта взглянула на него и увидала въ его глазахъ столько добродушія и любви, какой она давно не встрѣчала въ людяхъ. Онъ не смотрѣлъ на нее глазами влюбленнаго мужчины; нѣтъ, въ глазахъ его Анюта замѣтила любовь дружескую, отеческую.

— О, Боже мой!—вскричала она, если бъ вы знали какъ тяжело, какъ горько мнѣ жить; я чувствую, что не въ состояніи больше продолжать такую жизнь! Я теперь какъ невольница, какъ крѣпостная; я все обязана исполнять по приказанію герръ Вальтера; я съ ужасомъ ожидаю конца своей жизни; меня всѣ преслѣдуютъ, всѣ хотятъ сдѣлать своей игрушкой, своей забавой! Я переносу всевозможныя лишенія, упреки, дерзости: я обязана исполнять все, что только захочетъ герръ Вальтеръ; я, какъ раба его, не могу прекосло-

вить ему, и Богъ вѣсть, когда кончится эта ужасная для меня жизнь. Человѣкъ, котораго я уважала, котораго я любила, и того я должна лишиться, потерять его навсегда, быть можетъ, и все это по злобѣ на меня графа Кордина, который, видя, что я ничего кромѣ ненависти къ нему не чувствую, захотѣлъ мнѣ отомстить! Тутъ Анюта рассказала Махаеву, какъ графъ подговорилъ конюха вставить гвоздь въ сѣдло лошади, на которомъ должна была ѣздить она. Каждое слово дѣвушки Махаевъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Наконецъ онъ всталъ и сурово взглянулъ на Вальтера, который злобно смотрѣлъ на Анюту.

— Вотъ что я скажу тебѣ, нѣмецъ, — проговорилъ Махаевъ, подходя къ Вальтеру: — такъ поступать нечестно съ дѣвушкой. За что ты прижимаешь ее и всячески тѣснишь? Она-же приноситъ тебѣ пользу, даетъ своимъ представленіемъ доходъ тебѣ, и ты же издѣваешься надъ нею, командуешь ею! Нечестно, братъ, это подло!

Блѣдный и дрожащій всталъ съ своего мѣста Вальтеръ.

— Что вы мнѣ говорите? Когда я ее притѣснялъ, когда...

— Молчи, не разговаривай, вижу я теперь, каковъ ты есть человѣкъ! Даромъ дѣвушка не заплакала-бы, не было-бы у ней столько горя и тоски; я вижу, что ей тяжело жить у тебя, — перебилъ его Махаевъ и обратился къ Анютѣ.

— Скажи мнѣ, барышня, — проговорилъ онъ, — скажи мнѣ, какъ отцу родному, скажи все по душѣ, я помогу тебѣ; на сколько лѣтъ ты поступила въ циркъ?

— Я живу уже восемь лѣтъ у герръ Вальтеръ, — отвѣчала дѣвушка сквозь слезы, — но я не знаю, когда я буду свободна и могу уйдти отъ него. Хотя я уже выжила условленная въ контрактъ семь лѣтъ, но герръ Вальтеръ говоритъ, что я еще пять лѣтъ обязана у него прослужить за ученье.

— Вретъ онъ: коль скоро ты выжила у него по контракту, то ты теперь свободна, и онъ не имѣетъ права удерживать у себя. Ты, барышня, теперь можешь уйдти отъ него, когда тебѣ будетъ угодно. Я хорошо знаю эти порядки: онъ пользуется твоею неопытностью, твоею молодостью!

— Я васъ попрошу не говорить подобныхъ вещей! — закричалъ страшно разгнѣванный Вальтеръ.

— Не кричи, братъ, не испугаюсь: я знаю теперь тебя! — отвѣчалъ угрюмо Махаевъ.

Вдругъ въ это время дверь отворилась, и въ комнату вошелъ графъ Кординъ. Узнавши, что Анюта и Вальтеръ уѣхали за городъ, онъ возымѣлъ страстное желаніе увидать еще разъ Бэллу и въ послѣдній разъ высказать ей всю свою любовь. Онъ, какъ сумасшедшій, поскакалъ на лихой тройкѣ въ село Вавилово. Когда онъ вошелъ въ комнату, онъ сразу замѣтилъ блѣдное, злобное лицо Вальтера, плачущую Анюту и нахмуреннаго купца.

— Вотъ до чего вы довели дѣвушку, — сказалъ обратясь къ нему Махаевъ: — жизни она теперь своей не рада. Нечестно, не хорошо такъ поступать.

— Что такое случилось? — удивленно проговорилъ графъ.

— Погубить хотѣли вы непорочную дѣвушку, вотъ что случилось! Зачѣмъ ты, ваше сіятельство, велѣлъ подложить гвоздь подъ сѣдло миссъ Бэллы? Вѣдь тебя за это убить мало? Она могла изуродоваться навѣкъ, калѣкой стать!

Графъ не отвѣчалъ. Все, что было хорошаго въ его сердцѣ, все всплыло наружу послѣ правдивыхъ словъ купца. Онъ вдругъ почувствовалъ себя виноватымъ, почувствовалъ всю подлость своего поступка...

Онъ быстро подошелъ къ Анютѣ и громко проговорилъ:

— Миссъ Бэлла, простите меня, я дѣйствительно виноватъ передъ вами; я поступилъ низко, неблагородно. Господинъ Махаевъ говоритъ правду: я поступилъ подло! Простите-же меня, Бэлла, я искренно раскаиваюсь!

— Я не сержусь на васъ, — отвѣтила Бэлла.

Махаевъ подошелъ къ Анютѣ, опять взялъ ее за руку и проговорилъ:

— Теперь, барышня, не бойся, я навсегда твой защитникъ, положишься на меня, какъ на отца родного. Завтра-же ты будешь свободна и завтра-же твоего жениха выпустятъ изъ тюрьмы. Много я грѣшилъ на своемъ вѣку, — прибавилъ грустно Махаевъ: — пора и за

умъ взяться, хоть одно истинно доброе дѣло сдѣлаю. освобожу тебя изъ рукъ притѣснителей!...

На другой день Поль былъ выпущенъ изъ тюрьмы и графъ Кординъ на судѣ показалъ, что онъ самъ вынудилъ Поля на то, что Поль бросился на него съ револьверомъ. Тутъ-же графъ признался въ своемъ гнусномъ поступкѣ, насчетъ гвоздя подбитаго подъ сѣдло лошади Бэллы.

Анюта отъ Вальтера отошла и вышла замужъ за Поля, который поступилъ управляющимъ на заводы Махаева.
